ДЖЕННИФЕР УОРФ

ВЫЗОВИТЕ АКУШЕРКУ

ПРОЩАНИЕ С ИСТ-ЭНДОМ

«Утешительный и укрепляющий витаминный коктейль из здравого смысла, доброжелательного любопытства, иронии и железобетонной веры в добро».

Галина Юзефович, Meduza

BBC

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Дженнифер Уорф

Вызовите акушерку. Прощание с Ист-Эндом

Copyrights © Jennifer Worth 2009
© CTM Productions Ltd. A Neal Street Production, фотография на обложке, 2017
© Дарья Горянина, перевод на русский язык, 2017
© Livebook Publishing Ltd, оформление, 2018

* * *

Синтии, за дружбу длиною в жизнь

Юность сгинет без следа

Кто-то сказал, что молодость лишь зря тратится на юных[1]. Это не так. Только молодые обладают импульсивной энергией, которая позволяет им с радостью добиваться невозможного; им хватает храбрости следовать указаниям сердца и приветствовать всё новое; у них есть силы без устали трудиться днями и ночами. Молодые могут всё. Двадцать лет спустя никто из нас уже не способен на то, что с лёгкостью давалось нам в юности. Воспоминания по-прежнему с нами, но внутренний огонь уже угас.

В горячую пору молодости, в двадцать с небольшим, я отправилась работать окружной акушеркой в пострадавший от бомбардировок Ист-Энд. Это не было каким-то призванием – меня просто тянуло к приключениям. Мне хотелось чего-то не похожего на прежнюю обыденную жизнь – какого-то испытания, вызова, проверки на прочность, нового направления. Я отправилась в Ноннатус-Хаус[2] – небольшую, как я думала, частную больницу. Оказалось, что это монастырь сестёр Святого Раймонда Нонната. Обнаружив свою ошибку, я чуть не сбежала, подхватив неразобранные сумки. К монахиням я не стремилась. Мне казалось, что я тут не приживусь. Мне хотелось впечатлений, а не религии. Тогда я этого не понимала, но на самом деле мне не хватало и того, и другого.

Монахини так и притягивали приключения. Они бесстрашно ходили повсюду: по тёмным улицам и подворотням, мрачным лестницам, портам, борделям; вступали в схватки с разбушевавшимися арендаторами и мужьями – им всё было по силам. Мудрая, неутомимая, благородная сестра Джулианна, всегда готовая пошутить, вдохновляла нас на подвиги. Спокойная послушница Рут и просвещённая сестра Бернадетт вызывали у нас уважение и даже некоторый трепет своими обширными познаниями и опытом в акушерском деле. Неприветливая, ворчливая сестра Евангелина поражала и смешила нас своей вульгарностью. А уж несносная сестра Моника Джоан! Как описать эту упрямую, шальную, бесконечно обаятельную даму, которую как-то судили за воровство (но оправдали)?

– Небольшое недоразумение, – говорила она. – Не стоит об этом.

Глядя на сестёр, мы также бесстрашно седлали велосипеды посреди ночи и в одиночку отправлялись в самые опасные районы Лондона, где даже полицейские ходили только по двое. Мы мчались по неосвещённым улицам и переулкам, мимо жутких пустырей, где собирались наркоманы;

мимо портов, чью ночную тишину нарушали только скрипы и стоны кораблей, покачивающихся на швартовых; мимо огромной, тёмной, молчаливой реки; мимо борделей на Кейбл-стрит и мрачных сутенёров. Мимо… Хотя нет, не мимо… А прямиком в крошечный домик или квартиру, где было тепло и светло, где ждали появления младенца.

Мы с коллегами обожали каждый момент этого процесса. Синтия, чей голос звучал, словно музыка, и чья спокойная, нежная улыбка могла упорядочить любой хаос. Сообразительная и острая на язык Трикси. Чамми, белая ворона в своём колониальном семействе – слишком высокая и неуклюжая, чтобы стать частью общества: она не верила в себя, пока не занялась акушерством и не оказалась настоящей героиней.

Молодость тратится на юных? Только не в нашем случае. Пусть те, кто тратит эти годы зря, сожалеют об упущенных возможностях. Пережитого опыта, приключений и опасностей нам бы хватило на целую жизнь. Как радостно вспоминать об этом в старости: солнечные лучи, освещающие чёрные дома, сверкающие трубы пароходов, выходящих из порта, шутки и заботу кокни, или же постоянный недосып и бесконечные ночные вызовы; пробитую шину и полицейского, который её латал, беготню по баржам вместе с сестрой Евангелиной, удушающий сизо-жёлтый лондонский смог в тот день, когда Кончита родила недоношенного младенца, или же то Рождество, когда мы приняли ребёнка, родившегося ногами вперёд; бордели на Кейбл-стрит, куда угодила малютка Мэри, и где жила старая миссис Дженкинс, терзаемая воспоминаниями о работном доме.

Я вспоминаю молодость, когда всё казалось новым и ярким, когда ум постоянно задавался вопросами, искал ответы и впитывал знания, когда любовная боль была такой острой, что, казалось, могла удушить. А радость такой концентрированной, что из-за неё можно было лишиться рассудка.

Входят трое в ресторан

Извозчики говорят, что рабочая лошадка всегда найдёт путь в стойло, и в конце дня её шаг становится легче, – она понимает, что скоро её ждёт мягкое сено, еда и вода. Так же чувствовали себя и мы, акушерки, направляясь домой после вечерних обходов.

Прохладный, но мягкий ветер обдувал меня, пока я катилась по Коммершиал-роуд и Ист-Индия-Док-роуд по направлению к тёплой кухне Ноннатус-Хауса и – главное – ужину. Я была молода, здорова и голодна, и позади был долгий день. Пока я крутила педали, мои мысли в основном занимал домашний хлеб миссис Би. Эта женщина творила настоящие чудеса, а я знала, что сегодня утром она месила тесто. Кроме того, я размышляла о задачке, которую рассказал Фред за завтраком. Мне не удавалось её решить – трижды девять будет двадцать семь, да плюс два – двадцать девять, так куда делся ещё один шиллинг? «Чушь какая-то, не мог же он раствориться в воздухе! Интересно, нашли ли ответ девочки. Возможно, Трикси и догадалась, в чём дело, она вообще хорошо соображает», – думала я.

Ветер дул мне в спину, ехать было легко, и я прибыла домой в превосходном настроении. Но Трикси ехала с востока, преодолела две мили[3] против сильного ветра и, что неудивительно, была несколько раздражена. Мы убрали велосипеды и отнесли сумки в процедурную – правила гласили, что все инструменты следовало немедленно мыть, стерилизовать, пересчитывать и паковать заново на случай внезапного ночного вызова. Чамми – она же Камилла Фортескью-Чолмели-Браун – опередила нас.

– Быстрей, черепашки вы мои! – бодро крикнула она.

– Только не сейчас, – простонала Трикси. – У меня нет сил. Я не черепашка, и уж точно не чья-нибудь. Я замёрзла, у меня болят колени, я умираю с голоду, и мне надо разобрать сумку перед ужином.

Чамми тут же преисполнилась сочувствия.

– Прости, старушка, не хотела тебе задеть.

Я только что сложила салфетки – возьми, сложу себе ещё. А автоклав уже разогрелся до ста восьмидесяти градусов, я включила его минут двадцать назад, когда пришла. Мы сейчас вмиг с этими сумками разберёмся. Вы видели, что миссис Би утром пекла хлеб?

Мы видели. Миссис Би не только пекла лучший хлеб к северу от Темзы, ещё она специализировалась на джемах, соусах чатни и готовила убийственные кексы и пироги.

Упаковав сумки, мы вышли из процедурной и отправились в кухню за ужином – простой трапезой, которую готовили себе сами. Кульминацией дня был обед – мы все собирались за большим столом, обычно по двенадцать-пятнадцать человек, включая гостей. Сестра Джулианна возглавляла сообщество. Присутствие монахинь и, зачастую, приглашённого духовенства, придавало обеду некоторую формальность, и мы старались вести себя наилучшим образом. Не то что ужин: мы все, включая сестёр, возвращались в разное время, поэтому обычно перекусывали на кухне. Все держались – и беседовали – куда свободнее, чем днём.

Кухня была просторной, возможно, построенной в викторианские времена. В эдвардианскую эпоху её переделали и с тех пор чуть подновили. Под высокими окнами (никто не мог дотянуться до них, даже Чамми) стояли две большие каменные раковины. Вода поступала в большие тугие краны через трубы, тянувшиеся по всей кухне и прикрученные к стене металлическими креплениями. Когда мы поворачивали рукоятку, трубы булькали и тряслись, и краны то неохотно выдавали тонкую струйку, то щедро плевались водой – приходилось отскакивать, чтобы нас не намочило. Над раковинами висели деревянные подставки для тарелок, а по бокам высились столы с мраморными столешницами: здесь миссис Би месила тесто, оставляла его доходить, укрыв тканью, и выполняла прочие волшебные ритуалы, необходимые для приготовления хлеба.

У второй стены стояли большая газовая и угольная плиты, причём последняя была с духовкой и дымоходом, который уходил вверх по стене и скрывался где-то в потолке в пятнадцати футах[4] от пола. Горячая вода поступала из бойлера, а потому Фред, наш разнорабочий и ответственный за быт, был крайне важной личностью – даже миссис Би приходилось с этим считаться. Они оба были кокни, и между ними существовало хрупкое, настороженное перемирие, которое то и дело выливалось в перебранки на диалекте: обычно это происходило, когда Фред опять устраивал беспорядок на сверкающей кухне миссис Би, а она обрушивалась на него. Миссис Би представляла собой дородную даму с внушительным бюстом, а Фред даже по меркам кокни был щупловат, но держался твёрдо и сражался до последнего. Между ними вспыхивали настоящие битвы, но миссис Би понимала, что сёстры без Фреда не обойдутся, и раз за разом на кухне

воцарялось спокойствие.

Миссис Би была права: Фред вечно устраивал беспорядок. Во всём было виновато его невероятное косоглазие – один глаз смотрел на северо-восток, другой на юго-запад, так что Фред мог глядеть в обоих направлениях одновременно, но только не прямо перед собой. Зачастую, когда он выгребал золу или подбрасывал уголь, содержимое лопаты разлеталось во все стороны. Он кое-как подметал, но, как правило, сор тоже не попадал куда следует. Зола покрывала всё вокруг, и миссис Би… можете себе вообразить!

Мы приготовили себе хлеб с сыром и чатни, финики с яблоками и несколько баночек лимонной помадки, джема и мармелада. Все мы ценили еду, поскольку выросли в войну, в пору строгих рационов. Ни одна из нас в детстве и в глаза не видела банана или шоколадки. Нас воспитывали на яйцах и крохотных кусочках сыра, которых должно было хватить на всю неделю. Хлеб, как и всё остальное, строго дозировался, и роскошная стряпня миссис Би вызывала у нас стоны восторга.

– Чур мне корочку.

– Так нечестно, ты её в прошлый раз ела.

– Тогда давай поделим.

– Может, и с другого края срезать?

– Нет, тогда зачерствеет.

– Давайте бросим жребий.

Не помню, кто выиграл, но мы договорились.

– Вы решили задачку Фреда? – спросила я.

– Сложно сказать, – ответила Чамми с набитым ртом и удовлетворённо вздохнула.

– На мой взгляд, чушь собачья, – заметила Трикси.

– Это не чушь, а вопрос арифметики, – ответила я и отрезала себе ещё сыра.

– Ну, можешь размышлять об арифметике, старушка, а у меня есть вопросы и поинтереснее. Передай мне чатни.

У Чамми, что неудивительно, всегда был отличный аппетит.

– Оставь что-нибудь Синтии, – сказала я. – Она вот-вот придёт, и чатни она очень любит.

– Ой, простите! – Чамми отложила половину порции обратно в банку. – Вот я жадина. А где она, кстати? Должна была с час назад вернуться.

– Видимо, задержалась, – ответила Трикси. – Нет, дело в другом, уверяю тебя. У меня в школе была почётная грамота, и я тебе говорю, это не арифметика.

– А что? Трижды девять будет двадцать семь, так меня учили, плюс два – двадцать девять.

– Верно. И что?

– И где ещё один шиллинг?

Трикси впала в ступор. Ей не удалось придумать ответ с ходу, а она предпочитала реагировать на всё мгновенно.

– Это какое-то надувательство, вот что, – заявила она. – Фред, как обычно, жульничает.

– Ну-ка, ну-ка, кто там обвиняет меня в жульничестве, позвольте спросить?

Фред вошёл в кухню с лотком угля в одной руке и ведёрком золы в другой. Голос его звучал дружелюбно, и он весело улыбался беззубым ртом (не совсем, впрочем, беззубым, поскольку один зуб там всё же имелся: большой жёлтый клык). К его нижней губе прилипла изжёванная папироса.

Трикси, очевидно, не испугалась, что обидела хорошего человека, – напротив, она негодовала.

– Ты нас точно дуришь с этой загадкой про ресторан.

Фред взглянул на неё тем глазом, что вечно смотрел на северо-восток, переместил папиросу в противоположный угол рта, пососал зуб и хитро подмигнул.

– А, то есть по-вашему это надувательство? Ну так скажите мне, в чём подвох, мисс Трикси, вы же умная.

Фред осторожно опустился на колени перед печкой и открыл заслонку. Трикси готова была взорваться, но Чамми спасла ситуацию.

– Знаешь что, старушка, надо проверить, остался ли там кекс. Наша миссис Би – настоящее сокровище. Я два года жизни потратила на кулинарную школу Кордон Блю, фаршировала там сливы беконом, инжир – рыбой и делала прочую ерунду. Но там такие кексы никто не пёк.

Пока мы наслаждались десертом, Трикси успокоилась.

– Оставьте кусочек Синтии, – сказала Чамми. – Она вот-вот придёт.

– А что, ваша тихоня ещё не вернулась? Пора б уже.

Фред то и дело дразнил нас, но при этом искренне о нас заботился. Он поворошил угли кочергой.

Я по-прежнему считала, что Трикси неправа. Я весь день думала об этой загадке и теперь мне не терпелось выяснить ответ.

– Фред, я хочу разобраться. Входят трое в ресторан, так?

– Так.

– И платят за обед тридцать шиллингов, так?

– Верно.

– То есть по десять каждый, правильно?

– Да ты умница, я погляжу!

– И официант отдал тридцать шиллингов кассиру, так? – продолжала я, не обращая внимания на его саркастический тон.

– Так.

– …который сказал, что на самом деле еда стоила двадцать пять шиллингов. Всё сходится?

– Пока что да. А дальше что было?

– Кассир отдал пять шиллингов официанту.

– Ну надо же, просто вундеркинд! В школе, небось, в любимчиках ходила, а?

– Не мешай. Официант подумал, что посетители не узнают, и отдал им три шиллинга, а два прикарманил.

– Вот ведь проныра, а? Ну да ничего, такое за всеми водится.

– Не суди по себе!

– Посмотрите-ка, какая цаца!

– Вот здесь я начинаю путаться, – вмешалась Трикси. – Если каждый взял себе шиллинг сдачи, то каждый заплатил девять, а не десять.

– А трижды девять будет двадцать семь, – заговорили мы наперебой, – а вместе с двумя шиллингами у официанта – это двадцать девять. Так куда делся тридцатый шиллинг?

Мы непонимающе переглянулись. Фред продолжал ворошить угли в печи, что-то насвистывая.

– Фред, куда делся шиллинг? – требовательно спросила Трикси.

– Ну хочешь, золотце, обыщи меня, – ответил тот.

– Не говори ерунды! – Трикси опять завелась. – Немедленно скажи…

– А вы подумайте, – отрезал Фред. – Я вынесу золу, а вы пока что пораскиньте мозгами.

В этот момент на кухню вошли Рут и сестра Бернадетт.

– Какой ответ?

– Девочки как раз пытаются догадаться.

Пока сёстры готовили себе ужин, мы пересказали им задачку. Послушница Рут отличалась вдумчивостью и тут же погрузилась в размышления.

– Ничего не понимаю, – сказала она. – Не складывается. А где Синтия?

– Ещё не вернулась.

– Пора бы, если у неё только вечерний обход.

– Видимо, задержалась.

– Похоже на то. Хлеб потрясающий. Миссис Би просто фантастически печёт. Наверное, секрет в том, как месить и когда остановиться.

Трикси вытащила карандаш и бумагу.

– Надо разобраться. Не мог же шиллинг никуда провалиться.

Она принялась записывать, но цифры не сходились, и она вновь разозлилась. И тут её осенило:

– Давайте возьмём спички вместо шиллингов! – Она вытащила коробок из духовки и высыпала его содержимое на стол. – Мы будем тремя посетителями, Рут – официанткой, а сестра Бернадетт выступит кассиром.

Она пододвинула к нам с Чамми горку спичек.

– Так, Рут, ты официантка – повесь на руку полотенце и подойди к нам со счётом. Бумажка сойдёт. Возьми с нас тридцать шиллингов.

Рут с энтузиазмом включилась в игру. Мы отсчитали по десять спичек и отдали ей.

Сестра Бернадетт сделала себе бутерброд и молча за нами наблюдала.

– Вы будете кассиром, сядьте вон туда.

Монахиня укоризненно взглянула на Трикси и передвинула стул к концу стола.

– Нет, подальше. Расположитесь у раковины!

Сестра взяла свой бутерброд и послушно уселась там, где ей сказали.

– Теперь официантка берёт счёт и отдаёт его с деньгами кассиру, – скомандовала Трикси. – Кассир смотрит в счёт, видит, что там ошибка, и говорит… Ну говорите.

– Здесь ошибка, – сказала сестра Бернадетт. – Обед стоит двадцать пять шиллингов, а не тридцать. Возьмите пять шиллингов сдачи и отдайте их гостям.

Она вручила Рут пять спичек.

– Неплохо, – снисходительно сказала Трикси. – Очень неплохо. Так, что дальше делает официантка?

– Я вижу шанс подзаработать, – ответила благочестивая послушница и с хитрой улыбочкой сунула две спички в карман.

– Всё верно. Продолжайте.

Рут вернулась к столу и отдала нам три спички. Мы взяли по одной.

– Отлично, – воскликнула Чамми. – Целый обед всего за девять шиллингов!

– И я заплатила девять, – сказала я. – А ты, Трикси?

– Девять. Похоже, что девять, потому что… вот тут-то и начинаются сложности! – воскликнула Трикси. Она была недовольна, поскольку обычно у неё был готов ответ на любой вопрос. – Трижды девять будет

двадцать семь… слушайте, мы где-то ошиблись. Давайте всё сначала.

Мы снова пододвинули к себе горку спичек.

– Рут, ты опять будешь хитрой официанткой.

В этот момент в дверях появилась сестра Джулианна.

– Зачем вам столько спичек? И когда это Рут успела стать хитрой официанткой? – спросила она со смехом. – Как её наставница я не могу одобрить подобное.

Мы разложили спички и пересказали задачу сестре Джулианне.

– Ах, Фред, старый лис! Он всем задаёт эту задачку. Он вас просто дразнит – ещё никто её не разгадывал, и вы вряд ли справитесь. Мне нужна Синтия. Где она?

– Ещё не пришла.

– Ещё не пришла? Так где же она? Уже почти девять. Она должна была закончить обход к половине седьмого или семи. Куда она запропастилась?

Мы вдруг почувствовали себя виноватыми – пока мы набивали животы и бились над какой-то дурацкой задачей, никому и в голову не пришло выяснить, почему Синтии так долго нет.

Войдя в кухню, Фред застал конец разговора. Пока мы обменивались тревожными взглядами, он спокойно сказал:

– Не волнуйтесь, сестра, с ней всё в порядке. Задержалась, ничего страшного. Вы ж знаете, как мы, кокни, говорим: у нас монахини в безопасности. Ничего с ней не будет. Скоро придёт.

– Мне кажется, она у Джессопов, сестра, – сказала Рут. – Их ребёнку уже две недели, и миссис Джессоп сегодня ходила в церковь на очистительную молитву. После этого женщины обычно празднуют, и Синтию, наверное, пригласили остаться.

Сестра Джулианна, по-видимому, слегка успокоилась, но всё же сказала:

– Думаю, вы правы, но нам уже пора собираться на вечернюю службу. Сестра Ли, не могли бы вы съездить к Джессопам, пока мы молимся?

Дом Джессопов был всего в десяти минутах езды, и по пути я размышляла об этом странном обычае – очистительной молитве. До приезда в Ноннатус-Хаус я и не слышала о ней. Насколько я знала, мои бабушки, мама и тётки не практиковали ничего подобного, но женщины в Попларе никуда не выходили после родов, пока священник не «очистит» их. Возможно, это был способ отблагодарить Бога за появление ребёнка или же за то, что всё прошло хорошо, – традиция появилась в те времена, когда роды часто заканчивались смертью. Впрочем, истоки могли быть ещё

более древними – возможно, всё началось в ту пору, когда женщина после родов считалась «грязной» и нуждалась в ритуальном очищении. Церковь приняла этот обряд и встроила его в свою практику – так произошло со многими языческими обычаями.

У Джессопов явно гуляли – женский смех в их доме был слышен издалека (мужчин на такие праздники не пускали), и некоторое время мне не удавалось достучаться до хозяев. Когда дверь наконец открылась, меня буквально втащили внутрь и сунули в руку стакан. Пришлось высвободиться и объяснить цель своего визита. Синтии здесь не было. Она пришла в половину седьмого, но как ни уговаривали её остаться, без четверти семь она уже ушла.

Когда я вернулась в Ноннатус-Хаус, сёстры выходили из часовни. Обычно в этот час наступало время обета молчания – в монастыре существовал обычай соблюдать тишину после вечерней молитвы. Но тот вечер выдался шумным. Сестра Джулианна тут же позвонила в полицию, но там не слышали ни о каких несчастных случаях, и никто из монахинь не обращался к ним за помощью. Тогда она велела всем нам отправиться на поиски на велосипедах, отметила на карте районы, которые Синтия посещала во время вечерних обходов, и потребовала выяснить, когда точно Синтия приходила к пациентам и покидала их. Сестре Евангелине было уже за шестьдесят и позади у неё был долгий рабочий день, но она вытащила велосипед и отправилась на поиски пропавшей девушки. Фред не умел ездить на велосипеде и решил обыскивать окрестные улицы пешком. В Ноннатус-Хаусе остались только сестра Джулианна с сестрой Моникой Джоан – всё же мы занимались акушерской практикой, и к нам могли обратиться в любой момент.

Встревоженные, мы покинули дом и разошлись в разные стороны с наказом позвонить сестре Джулианне, если у нас будут хорошие новости. Не знаю, о чём думали остальные пока мы колесили по улицам, но я переживала за Синтию. В этом районе теснились полуразрушенные брошенные дома, перемежаемые пустырями. То и дело попадались уничтоженные бомбардировками развалины, где спали наркоманы. Опасность была повсюду, хотя вряд ли кто-то из нас когда-либо чувствовал угрозу. Фред совершенно справедливо сказал, что монахиням нечего бояться в окружении кокни. Мы все знали, что форма оберегает нас, и что сестёр здесь уважают и даже почитают за заботу о местных женщинах. Ни один мужчина не напал бы на монахиню – а если бы и напал, тем хуже для него, поскольку ему пришлось бы за это поплатиться.

И всё же… Синтия исчезла, и мне никак не удавалось выбросить из

головы мысли о том, что это всё же опасный район, и братья Крэй[5] навели здесь свои порядки. Я встретила двух полицейских. «Интересно, – подумала я, – полицейские всюду ходят парами, а монахини – поодиночке, даже посреди ночи». Я поговорила с ними, но в тот вечер они не видели других монахинь и не слышали ничего подозрительного. Они пообещали держать ухо востро. Я заглянула в несколько домов из списка Синтии, но она покинула их три часа назад.

Назад я возвращалась в мрачном настроении.

Я заворачивала во все переулки и даже периодически звала Синтию по имени, но её нигде не было.

Около десяти вечера, по дороге в монастырь, я увидела, что со стороны туннеля Блэкуолл движутся два силуэта – мужчина со знакомой мне хромотой, который катит перед собой велосипед, а рядом с ним какая-то женщина. Сердце у меня так и замерло, и я поспешила вперёд с возгласом: «Синтия!» Это действительно оказалась она, и я чуть не расплакалась от радости.

– Слава Богу, что ты в порядке! Где ты была?

– Так, пару раз прокатилась по туннелю, – ответил за неё Фред.

– По туннелю? На велосипеде? Не может быть!

Синтия молча кивнула.

– Тебя же могли сбить!

– Знаю, – сказала она. – Чуть не сбили.

– Как ты туда попала?

Она не в силах была говорить, поэтому мне ответил Фред:

– Не знаю уж, как она туда попала, знаю только, что я нашёл её на выходе, еле живую от усталости.

– Фред, какое счастье, что ты её отыскал!

– Да я ж ничего такого и не сделал, только велосипед прикатил.

– Спасибо, – благодарно прошептала Синтия.

Мы привели её в Ноннатус-Хаус. Большинство уже вернулось без каких-либо хороших вестей, поэтому наше неожиданное появление вызвало всеобщий восторг. При свете мы увидели, в каком она состоянии – грязная, вымазанная машинным маслом и источающая сильный запах бензина.

Выпив чашку чая, Синтия наконец смогла рассказать о случившемся.

– Не знаю, как так вышло, но я случайно заехала не на ту полосу, и мне пришлось въехать в туннель со всеми машинами, а внутри уже было невозможно остановиться или развернуться… Дорога пошла под откос, и

мне нужно было мчаться всё быстрее и быстрее, потому что вокруг оказались одни грузовики…

Фред, считавший себя героем вечера, закончил её историю. Никто из нас не бывал в туннеле, и Фред рассказал, что это – извилистый проезд под Темзой, соединяющий Поплар с Гринвичем. Строили его в расчёте на автомобили викторианской эпохи, и для современных грузовых машин места там не хватало. Два грузовика могли разъехаться, только если прижимались к стенам вплотную. Синтию легко могли раздавить – она не могла спешиться, поскольку встать было негде: дорогу от стены отделял низкий цементный барьер шириной в двадцать дюймов[6]. Приходилось ехать вперёд, несмотря на рёв моторов, удушливые выхлопы и ослепляющий свет фар. На выезде из туннеля дорога пошла в гору, и Синтии пришлось поднажать на педали. Самое неприятное, что бедной Синтии пришлось ехать в гору против ветра – худшее сочетание из всех возможных.

А потом предстояла обратная дорога.

Удивительно, как быстро молодые люди приходят в себя после происшествий. Синтия не пострадала физически – она просто сильно испугалась и очень устала. Мы хлопотали вокруг неё – посадили у печки, и Фред вывалил на железный лист перед очагом горящие угли, чтобы было теплее. Рут вскипятила воду, вылила её в тазик, добавила столовую ложку горчицы и велела Синтии сунуть ноги в воду. В тепле Синтия снова зарумянилась. Чамми срезала корочку с хлеба и сделала бутерброд с сыром и остатками чатни. Трикси принесла кекс. Сестра Джулианна приготовила огромную кружку какао.

Синтия откинулась на спинку стула и вздохнула:

– Не знаю, как это случилось. Когда я поняла, что происходит, выбраться было уже невозможно. Настоящий кошмар. Слава Богу, что всё позади. Какой же вкусный хлеб!

Она откусила бутерброд и хихикнула:

– Не знаю, кстати, видели ли меня полицейские. Наверняка там нельзя ездить на велосипедах!

– Да, думаю, ты нарушила правила, – сказала сестра Джулианна. – Кажется, в туннель нельзя заезжать даже на мотоциклах, не говоря уж о велосипедах! Мне надо сообщить в полицию, что мы тебя нашли, но я не скажу, где именно.

– Лучше вообще им ничего не говорить, – вмешался Фред. – Если ничего не знают, то ничего и не сделают.

– Слушай, Фред, – сказала Синтия, – я весь день вспоминаю твою задачку и я никак не могу понять, в чём дело. Входят трое в ресторан…

– Нет, только не это! – воскликнула сестра Джулианна. – Пойду-ка я спать.

Не доверяйте морякам

Лицо Рут напоминало лик боттичеллевского ангела. У мужчин в Попларе не хватало смелости заговорить с ней: огромные серые глаза, белоснежная кожа, ровные зубы и нежная улыбка словно повергали их в ступор. Дело было не в том, что они опасались монахинь – с остальными они общались свободно. Возможно, их обескураживали её изысканные манеры, благородство и очарование. Если кто из них порой и думал: «Какая жалость, что она монашка», то сказать этого вслух не решался никто.

Ей было около двадцати пяти – по возрасту она была ближе к нам, чем к сёстрам, но она не являлась одной из нас. Рут принадлежала к монашескому ордену, а поскольку она всё ещё проходила новициат, правила для неё были куда строже, чем для старших сестёр. Её призвание дарило ей практически осязаемую радость, которая освещала изнутри её прелестные черты. Кроме того, она закончила обучение и стала квалифицированной медсестрой и акушеркой. После учёбы её готовность посвятить себя религии должна была пройти испытание. В течение двух лет она была аспиранткой, после чего постулянткой, затем начались два года новициата. При этом правила ордена требовали от неё ещё двух лет обучения: в конце первого и второго года она должна была дать временные обеты, а в конце третьего – вечные. Нелегко решиться на такой шаг, но Рут, казалось, вовсе не тяготилась своим выбором. Церковь для неё была естественной средой обитания.

Но была в Рут и ещё одна черта, о которой вряд ли кто-то догадывался, кроме нас, её подруг.

Жители Поплара уж точно не знали её такой, да и старшие сёстры тоже. На самом деле Рут была невероятной хохотушкой – она могла рассмеяться совершенно неожиданно, и её смех казался невероятно милым. Её веселило буквально всё подряд. Это её качество, как правило, проявлялось за столом, пока мы готовили ужин – особенно, если мы собирались вдвоём-втроём до прихода старших сестёр. В это время мы по обыкновению рассказывали, как прошёл день, и Рут хохотала над любой мелочью, будь то отвалившаяся педаль у велосипеда или унесённый ветром чепец. Она буквально хваталась за бока, обливаясь слезами от смеха. Нам передавалось её веселье, и ужин с сестрой Рут неизменно повышал всем

настроение.

Кроме того, она была великолепной актрисой и могла изобразить кого угодно. Особенно часто доставалось сестре Монике Джоан:

– Вижу, что переменчивые эфирные тона опускаются в земную слизь и освещают… о, да тут кексы с маслом и джемом!

И мы заливались хохотом.

Однажды вечером мы лакомились сэндвичами с сыром и чатни и оладушками с мёдом, как вдруг услышали тяжёлую поступь сестры Евангелины.

Я побаивалась её, так как она совершенно явно меня недолюбливала и считала, что я абсолютно всё делаю неправильно. Она, как всегда, недовольно фыркнула, после чего сухо сообщила:

– Сестра Ли, сестра Скаттербрейн, надо поговорить.

Внутренне сжавшись от ужаса, я торопливо вскочила и опрокинула баночку с мёдом.

– Да, сестра.

За моей спиной стояла Рут. Потом меня мучило несварение желудка, которое я заработала на нервной почве.

Рут лучше всех изображала характерный говор кокни. Ей идеально удавались и детские капризы, и материнская брань, и крики уличного зазывалы. После тяжёлого дня она обычно приговаривала:

– Фу-ты, ну-ты, где ж моя чашка чаю да кекс, будь они неладны, надо б нам чаю хлебнуть, да, крошка? Да с моряцким пирожком, а?

Мы хохотали до слёз, хотя знай Рут, что значит это выражение, она вряд ли бы его повторяла. Мы часто слышали его в порту, но вряд ли из нас кто-то понимал, о чём идёт речь. Видимо, мы полагали, что имеется в виду что-то вроде фруктового кекса с ромом.

Телефон зазвонил в половину второго ночи. Трубку взяла Рут.

– Ноннатус-Хаус слушает.

– Мне дали ваш номер и сказали позвонить, когда будут схватки, – ответила ей женщина с мягким ирландским акцентом.

– Назовите ваше имя и адрес.

– Кэтлин О’Брайан, Собачий остров, Меллиш-стрит, сто сорок четыре.

Рут не припомнила, чтобы женщина с таким именем и адресом проходила предродовой осмотр – да и беременных с ирландским акцентом среди пациенток не было.

– Вы наблюдаетесь у нас?

– Не знаю.

– Ну, у кого-то же вы наблюдаетесь.

– Что это значит?

– Это значит, что врач наблюдает за вашей беременностью, принимает у вас роды и ухаживает после.

– Вот как.

Последовала долгая пауза.

– В общем, не понимаю, что это значит, но у меня тут вроде как схватки, и мне сказали вам позвонить. Вы приедете? Мне очень больно.

– Как часто идут схватки?

– Ну, точно я вам не скажу, часов у меня нет, но довольно часто, и боли сильные, и… ох, у меня заканчиваются монетки, сейчас нас разъединят. Собачий остров, Меллиш-стрит…

Разговор прервался.

Рут оделась и отправилась в кабинет, чтобы порыться в отчётах об осмотрах беременных. Кэтлин О'Брайан среди них не было. Возможно, женщина наблюдалась где-то ещё, но адрес этого учреждения можно было выяснить, только добравшись до Меллиш-стрит. Рут вывезла из сарая велосипед и уже почти тронулась с места, но вдруг остановилась. Может, взять с собой медицинские инструменты? Мало ли что! Она сбегала в кабинет и захватила сумку.

Рут катила по притихшим улицам и окончательно взбодрилась от холодного воздуха. Меллиш-стрит отыскалась легко – она была перпендикулярна реке. Здесь стояли грязноватые высокие дома, фонарей не было, и номера разглядеть не удавалось. Рут слезла с велосипеда, отсоединила фонарь и посветила на дом, надеясь увидеть табличку с номером. Это был дом двадцать. Она продолжила свой путь по булыжной мостовой, с трудом крутя педали.

Вдруг тишину нарушил женский голос:

– Вы медсестра?

– Да, я ищу дом сто сорок четыре.

– Вы меня ищете, золотце, как хорошо, что вы тут.

Этот мягкий ирландский акцент невозможно было не узнать. Беременная девушка застонала и привалилась к стене, сморщившись от боли. Она зажала себе рот руками, чтобы не закричать, и наружу вырвался сдавленный вопль. Рут подхватила её – это была совсем ещё юная девочка, едва ли старше восемнадцати, хрупкая и с огромным тяжёлым животом. Схватка была долгой и болезненной, но постепенно она сошла на нет, и девушка рассмеялась:

– Вот это было недурно! Мама-то мне не говорила, что будет так худо.

– Вам не следовало выходить на улицу.

– Да я боялась, что вы потеряетесь.

– Надо было послать кого-нибудь.

– Некого.

– Как, вы рожаете в одиночку?

– А что ж мне ещё делать?

– Так, ладно, пойдём в спальню, пока не началась следующая схватка.

– У меня комната на третьем этаже, и сейчас я себя нормально чувствую.

Рут подхватила сумку, взяла девочку за тонкую руку, и они вместе вошли в дом. Внутри царила кромешная тьма – пришлось вернуться к велосипеду за фонарём. Его свет выхватил из мрака узкую лестницу. Они проследовали мимо нескольких закрытых дверей, но здесь ничто не указывало на присутствие человека. На втором этаже девушка застонала и начала тяжело дышать, согнувшись пополам от боли. Рут встревожилась: возможно, наступил второй этап родов. Она подхватила Кэтлин и вдруг ощутила на ногах тёплую жидкость – у неё отошли воды.

– Быстро наверх, – скомандовала Рут. – Ещё один пролёт. Надо добраться до комнаты. Нельзя же вам рожать на лестнице.

Схватка прошла, и девушка улыбнулась.

– Да я дойду, сестричка, не беспокойтесь. Как не болит, так вроде и ничего.

Она на удивление легко преодолела ступеньки, и они вошли в тёмное помещение, стылое, словно могила.

– Хорошо, что у вас фонарь, – весело сказала Кэтлин, – а то у меня монеток хватало либо на телефон, либо на свет. Видать, сами ангелы подсказали мне выбрать первое.

При свете фонаря было видно, что это невероятно унылая, голая комната. У стены стояла грубая деревянная кровать, на провисших пружинах лежал грязный матрас с подушкой. Ни простыни, ни наволочки, только два серых армейских одеяла. Помимо кровати в комнате были только столик, стул и комод – ни ковра, ни занавесок. На столе стояла эмалированная миска и кувшин с холодной водой. Рядом с дверью висел счётчик. В те дни в большинстве домов и квартир за электричество надо было расплачиваться монетами с помощью таких счётчиков – когда оплаченный период заканчивался, электричество отключали. Каждая акушерка носила в кармане шиллинг, поскольку внезапно погасший свет в нашей работе мог привести к беде. Рут забралась на стул, вставила в счётчик монетку и повернула ключ. Лампочка под потолком тускло

осветила комнату. Теперь можно было разглядеть роженицу – тонкие черты лица, рот прелестной формы, ярко-голубые глаза и потрясающие бронзовые волосы. Кэтлин сидела на кровати, держась за живот, и посмеивалась:

– Не верьте морякам! Вот что ждёт доверчивую девушку! Как вас звать, сестра?

– Рут.

– О, да так мою мать звать, а она говорит…

– Слушайте, Кэтлин, у нас нет времени на разговоры. Потом расскажете мне про маму. Ребёнок появится на свет уже скоро, раз у вас отошли воды. Раздевайтесь и ложитесь на кровать, я вас осмотрю. Где ваш родовой набор?

– Что это такое?

– Беременным выдают коробки со всякими вещами для домашних родов – простынями, ватой, полотенцами. У вас это есть?

– Нет.

– Вам должны были всё это выдать. Где вы наблюдались?

– Мне сказали вам позвонить, когда начнутся схватки.

– Это вы уже говорили. Кто вас осматривал во время беременности?

– Никто.

– Никто? То есть вас вообще не проверяли?

– Да я и не говорила никому, что беременна. Мама с бабкой точно б меня убили. Они вечно талдычили, не доверяй, мол, морякам, а я не послушала их, дурочка, вот и результат.

Кэтлин бодро похлопала себя по животу, но тут же поморщилась:

– Снова начинается…

Боль пронзила её тело, и она запрокинула голову – на лбу выступили капли пота, и по её лицу было видно, как все физические и умственные ресурсы брошены на одно немыслимое усилие.

Времени было мало. Рут вытащила из сумки стетоскоп, халат, перчатки и маску. Крышка контейнера с инструментами послужила подносом, где расположились лотки, банки, антисептические средства, ножницы, стерильная вода, шприц, иглы, вата и марлевые тампоны, катетеры и пинцеты. Кроме того, у акушерки были с собой хлоралгидрат, бромистый калий, опийная настойка и петидин в качестве обезболивающего. Также из сумки были извлечены зажимы для перевязки пуповины, присыпка и генцианвиолет для стерилизации.

Знания и опыт подсказывали Рут, что женщину, рожающую впервые и не получившую никакого ухода во время беременности, следует

немедленно везти в больницу. Но чтобы это устроить, пришлось бы спуститься на улицу к телефонной будке, а процесс должен был начаться уже вот-вот. Ребёнок мог бы родиться за время её отсутствия. Рут оглядела тоненький матрас из конского волоса, старые пружины… В комнате не было ни простыней, ни клеёнки, ни бумаги, ни впитывающих салфеток. Не было здесь и колыбельной, одежды для младенца или хотя бы детского питания. Помещение не отапливалось, и в нём царил жуткий холод. Кувшин с водой имелся – но согреть её было нечем. Освещения не хватало, а из дополнительных источников света наличествовал только велосипедный фонарь. Но акушерок учили импровизировать и находить выход из любых ситуаций.

Схватка прошла, и Кэтлин с облегчением вздохнула.

– Ох, так-то лучше. Вот когда немного отпускает, мне нормально.

– Мне следует послушать сердцебиение ребёнка и осмотреть вас. Нужно понять, сколько у нас времени. Прилягте, пожалуйста.

Рут ощупала живот роженицы, чтобы понять, как лежит плод. Сердцебиение слышалось отчётливо, и акушерка порадовалась, что малыш в порядке. Надевая маску и перчатки для вагинального осмотра, она сказала:

– Вы, кажется, не приготовились к родам. Здесь нет ни кроватки, ни одёжек.

– Ну у меня и времени-то не было, я только вчера из Ирландии.

– Что? Вы вчера приплыли на пароме?

– Да.

– Но вы же могли родить в пути!

– Могла, да не родила. Видать, ангелы за мной смотрели.

– А как же вы из Ливерпуля попали в Лондон?

– Меня подвёз водитель грузовика.

– Вы же могли разрешиться прямо в машине!

– Ангелы… – беззаботно пожала плечами Кэтлин.

– И когда вы приехали?

– Сегодня утром. Мне дали этот адрес и имя хозяина. Это единственное, чем мой морячок мне помог.

Кэтлин оглядела комнату и довольно улыбнулась.

– Поднимите колени, пожалуйста, и раздвиньте ноги. Мне нужно осмотреть вас. Воды отошли, и надо понять, насколько у вас раскрылась шейка матки и в каком положении ребёнок.

Но времени на вагинальный осмотр уже не было. Началась очередная схватка, и Кэтлин скорчилась от боли. Матка сокращалась всё сильнее, и

боль нарастала. Рут восхищалась тем, как девочка справляется со схватками – за последние сутки её однозначно вымотала дорога в Лондон. Она наверняка устала, проголодалась, а в комнате не наблюдалось никакой еды. Ей не дали никакого обезболивающего, однако она не кричала и не жаловалась. Схватка стала сильнее, и тут Кэтлин непроизвольно задрала ноги и со стоном начала тужиться. Рут еле-еле успела прижать ладонь к показавшейся макушке младенца – чтобы ребёнок не появился на свет слишком рано.

– Кэти, не тужьтесь, пока не надо, пока рано. Нельзя, чтобы малыш родился быстро. Дыши, милая, часто-часто, вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох, не тужьтесь, просто дышите.

Девочка послушалась, и схватка отступила. Рут облегчённо вздохнула.

– Со следующей схваткой ребёнок родится. Понимаю, вам хочется тужиться, но не начинайте, пока я не скажу. Надо, чтобы головка прошла медленно. Если вы будете чрезмерно тужиться, он появится слишком быстро. Понимаете?

Кэтлин слабо улыбнулась и кивнула.

– Можете повернуться на левый бок, лицом к стене? Так нам обеим будет проще.

Девочка кивнула и повернулась. В этот момент началась очередная схватка.

Рут встала на колени перед низкой кроватью с провисшим матрасом. Освещение было ужасное, но времени тянуться за фонарём не было. Кэтлин глухо застонала и зарылась лицом в грязную подушку, чтобы заглушить звук. Головка ребёнка чересчур быстро двигалась вперёд. Рут снова придержала её.

– Не тужься, Кэти, просто дыши. Давай, вдох-выдох, молодец!

Когда схватка стихла, Рут осторожно отпустила макушку и позволила ей немного продвинуться. Промежность натянулась, но продолжала удерживать младенца внутри.

– Ещё одна схватка, и ребёнок появится на свет. Постарайтесь не тужиться. Мышцы живота и так достаточно напрягаются, помощь им не нужна. Малыш выйдет наружу.

Кэти кивнула, но не смогла произнести ни слова, поскольку в этот момент началась схватка. Рут осторожно помогла головке преодолеть промежность.

– Теперь можете тужиться, Кэти.

Девушка начала тужиться, и головка появилась на свет полностью.

– Самое сложное позади, милая. Теперь будет минутка передохнуть, а

потом – ещё одна схватка.

Рут наблюдала за тем, как головка слегка поворачивается. Следующая схватка не заставила себя долго ждать.

– Теперь тужьтесь что есть силы.

Рут ловко ухватила ребёнка под плечико, и его тело легко выскользнуло наружу, – акушерка пропустила его между ногами матери.

– Можете повернуться на спину, Кэти, и посмотреть на малыша. Это мальчик.

Кэтлин приподняла голову.

– Храни его Господь. Сын моряка. Он какой-то маленький, нет?

Младенец и в самом деле был маловат – меньше, чем Рут предположила во время беглого осмотра. Навскидку казалось, что он весил не больше четырёх фунтов[7]. «Наверняка Кэтлин тяжело работала и недоедала во время беременности», – с горечью подумала акушерка. Это было обычным делом. Рут зажала пуповину в двух местах и перерезала её. Теперь ребёнок стал отдельным человеком.

Но куда же его положить? Тут не имелось ни колыбели, ни одеял, мальчик был совсем крошечным, а в комнате царил холод. Его следовало согреть.

Рут положила его под руку к матери.

– Согревайте малыша своим телом. Есть во что его завернуть?

Кэтлин умиротворённо поглаживала своего сына и не обращала внимания на происходящее вокруг. Рут открыла верхний ящик комода – там лежало полотенце. Во втором ящике обнаружилась пара свитеров. «Придётся обойтись этим», – подумала она и взяла свои находки. Ткань была холодной, но, к счастью, не сырой.

– Поднимите-ка голову и плечи на минутку.

Я хочу подложить вещи под вас, чтобы вы их согрели, прежде чем мы завернём в них ребёнка.

Рут накрыла мать и сына грязными серыми одеялами и присела рядом с кроватью. Прошло несколько минут. Она пощупала живот Кэти. Что-то пошло не так. Матка на ощупь была твёрдой, и у Кэти явно начиналась сильная схватка. Рут вскочила.

– Ещё один ребёнок! Не тужьтесь, что угодно, только не тужьтесь! Просто дышите, как раньше.

Кэтлин вся напряглась, и малыш у неё в руках мог пострадать. Рут резко выдернула из-под девочки полотенце и свитера, выхватила младенца, завернула его и положила в верхний ящик комода.

Сдёрнув одеяла, она увидела головку младенца и успела принять его.

Когда рождаются близнецы, второй ребёнок может появиться на свет довольно быстро – если он небольшой, лежит, как полагается, головой вперёд, а матка функционирует нормально. Родовой канал уже растянулся, и двух-трёх сильных схваток может быть достаточно. Второй малыш родился легко и быстро и несколько минут спустя уже лежал у матери на животе. Она потрогала его и произнесла, словно не веря в происходящее:

– Ещё один! Не может быть.

– Да, Кэти, у вас ещё один сын.

Кэти погладила его по головке.

– Ещё один сын, – сказала она слабо. На её лице появилось мечтательное выражение, тело обмякло после потуг, и голос звучал отстранённо. – Ещё один морячок. Бедный ты малыш. Где ж твой папа, а?

Он уплыл далеко в море, далеко-далеко в море…

Рут измерила пульс и давление Кэти – показатели были низкими, но в целом беспокоиться было не о чем. Она понимала, что ей повезло: во время родов не возникло ни одного осложнения, которое потребовало бы медицинской помощи или хотя бы второй акушерки.

– Вы здоровая девочка, – сказала она вслух. – Как вас так угораздило?

Кэти загадочно улыбнулся.

– Видели б вы того моряка! Кудри вьются, глаза чёрные, как ночь, а уж улыбка! Я знала, что он меня бросит. Говорят же, не верьте морякам, а я, дурочка, не слушала… Теперь у меня самой два морячка. Что же скажет мама? А бабушка? Вот её я боюсь. Она строгая. Знали б вы её, сестра, тоже испугались бы.

Кэти устало вздохнула и закрыла глаза.

– Сил нет, – пробормотала она и тут же уснула.

Рут предстояло совершить немало дел – например, надо отделить ребёнка от матери, а единственную пару зажимов она уже использовала для первого младенца. Пришлось разрезать пополам кусок марли, туго перевязать пуповину в двух местах и перерезать между узлами. Наставница всегда учила её импровизировать.

Ребёнок был совсем крошечным, но выглядел здоровым и полностью сформировавшимся. Рут взяла его на руки, и он захныкал, перевернула его – и он завопил в полный голос. «Это нам и нужно, – подумала она. – Поплачь ещё, малыш, лёгкие у тебя маленькие, а так они расправятся». Мальчик послушно кричал. Рут удовлетворённо кивнула и подложила его к матери, чтобы согреть.

Дальше она задумалась, что делать с новорождёнными. В идеале их с братом требовалось искупать, тщательно осмотреть, взвесить, измерить и

положить в чистую колыбельку поближе к камину. Но тут не было ни горячей воды, ни мыла, ни чистых полотенец… Прежде всего следовало завернуть ребёнка во что-нибудь. Рут осмотрела комнату. В углу стоял шкаф – она с надеждой заглянула внутрь, но обнаружила только гору поломанных железок. Тут ей на глаза попалась одежда Кэти – юбка, свитер и дешёвый тоненький жакет. Уже лучше. Вещи были ещё тёплыми, так что она завернула в них малыша и положила в средний ящик комода. Ничего себе ночка выдалась! Что же будет дальше?

Дальнейшие события, однако, превзошли её самые смелые ожидания.

Рут снова присела рядом с кроватью. У неё было время осмыслить ситуацию. После рождения близнецов мышцы матки растянулись и перетрудились, и может пройти до получаса, прежде чем очередная схватка исторгнет наружу плаценту. Кэти спала – её хрупкое, но сильное тело было совершенно изможденo родами. Когда боль, наконец, сошла на нет, девушка уснула. Рут оперлась спиной о стену и взглянула на часы. Как странно идёт время! Менее часа назад она вылезла из постели, чтобы ответить на звонок! Акушерка попыталась восстановить случившееся в памяти – ночная дорога, девочка на улице, подъём по лестнице, воды и рождение ребёнка. Все эти события промчались словно при ускоренной перемотке. Да и что такое время? Одни говорили, что его не существует, другие – что прошлое, настоящее и будущее едины. Кто вообще разбирается во времени? Точно не она. А Кэти, по счастью, спала.

Рут ощупала верх живота роженицы и замерла от удивления. Матка по-прежнему была твёрдой. «Что-то не так, – подумала Рут. – Это не плацента».

Она осторожно пальпировала живот.

– Это точно не плацента. Не может быть… это же невозможно.

Рут приложила к животу Кэтлин стетоскоп и услышала сильное ровное сердцебиение. Во рту у акушерки пересохло, и ей пришлось присесть. Ещё один ребёнок! Нежданные тройняшки, никакого ухода во время беременности, никакой помощи – да и во всём доме, кажется, не найдётся никого, кого можно было бы послать за этой помощью. Рут поёжилась – то ли от холода, то ли от страха. Мысли лихорадочно метались – как пройдут третьи роды? Два раза ей уже повезло, но третий малыш может быть в любом положении – даже поперечном. Также не стоит исключать и лобное предлежание… Она потрогала живот, но не нащупала ни головы, ни ягодиц ребёнка. Сердце его билось со скоростью сто пятьдесят ударов в минуту – довольно сильно, но для третьего малыша это может быть

нормой. Рут никогда в жизни не доводилось принимать тройняшек, она даже не наблюдала подобные роды. Внутри неё всё онемело от страха. Будет ли третий младенец таким же здоровым, как первые два? У него могут возникнуть проблемы с дыханием или другие опасные для жизни осложнения – и всё из-за того, что внутренние органы недостаточно созрели. Плацента может выйти первой, и тогда малыш останется без материнской крови, или же может выпасть пуповина. Рут даже не знала, будет ли у Кэтлин одна плацента, две или три – заглянуть внутрь было невозможно, а пальпация не позволяла это определить.

После появления на свет второго ребёнка прошло уже полчаса, а новых схваток всё не было. Кэти мирно спала, но Рут буквально трясло от волнения. Если матка не сокращается, малыш может умереть. Оставить Кэти одну на десять минут и сбегать к телефону позвонить в больницу? Или лучше не рисковать? Она колебалась. Что менее опасно?

Ситуация разрешилась сама собой. Не просыпаясь, Кэти застонала от боли, и в этот момент электрический счётчик громко щёлкнул, и свет погас. Комната погрузилась во тьму. Пытаясь нащупать велосипедный фонарь на комоде, Рут уронила его – пришлось ползать по полу в поисках. Кэти стонала и тужилась, но Рут ничего не могла сделать в темноте. Наконец она нашла фонарь и включила его – девочка, видимо, заснула и лежала спокойно. Рут подошла к кровати и отдёрнула одеяло. Между ног матери в луже крови лежал младенец. Рут устроила фонарь в изножье и взяла ребёнка – он был таким же маленьким, как и его братья, но выглядел абсолютно сформировавшимся и даже тихонько хныкал. Она перевернула его, и он закричал. «Это чудо», – подумала акушерка. Она снова перевязала пуповину марлей и перерезала её, после чего положила ребёнка на живот матери и укрыла их обоих, чтобы согреть. Больше вещей в комнате не было, так что она сняла второе одеяло с Кэтлин, разрезала его, обернула одним куском младенца и положила его в нижний ящик комода. Оставшиеся куски одеяла она распределила между детьми, чтобы никто из них не замёрз, после чего почти полностью – но не до конца – задвинула ящики, чтобы избежать сквозняков.

Кэти мирно спала. Рут присела рядом и неуверенно ощупала живот – вдруг там ещё один ребёнок. Но нет: живот и матка были мягкими. Рут с облегчением вздохнула, но тут же напомнила себе, что схватки ещё не кончились. Предстояла ещё завершающая стадия – самая сложная и опасная часть родов. Рут откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Это не сон? Возможно ли такое в реальности? Накануне вечером она загулялась, потом был насыщенный рабочий день, и в результате все

последние сутки Рут почти не спала. Она чуть было не задремала, но совладала с собой. Акушерка подскочила и побрызгала в лицо холодной водой из кувшина. Это помогло ей собраться.

На то, чтобы закутать и разложить младенцев, ушло около двадцати минут, и за это время не было ни одной схватки. Нужно что-то решать. Рут взяла фонарь и направила его на кровать. Зрелище было жутким – в матрас впитывалась лужа крови и околоплодной жидкости. Но тут уж ничего не поделаешь – обычно акушерки стелили на кровать бумагу, впитывающие простыни, клеёнку, а сверху ещё простыни, которые постоянно менялись, но у Рут ничего с собой не было. Придётся оставить всё так, как есть. Она посветила на вульву. Пуповины были три, но сколько там плацент? Их тоже могло быть три – если малыши развивались из трёх яйцеклеток…

Рут знала, как опасны послеродовые инфекции – при других обстоятельствах она бы убрала из-под Кэти грязный матрас, помыла бы её, протерла вульву антисептиком, положила бы чистые впитывающие простыни и укрыла бы её, а также сама тщательно помыла бы руки и надела бы стерильные перчатки. Но всё это было невозможно. Кроме того, она знала, как важно поддерживать тепло – во время родов женщина потеет, теряет много энергии и легко может замёрзнуть. Но в распоряжении у акушерки было только одно тонкое одеяло.

В отчаянии Рут посветила фонарём по комнате и увидела своё пальто. Сгодится. Она закутала им девушку. Кэти дышала глубоко и ровно, показатели пульса и дыхания были низкими, и цвет лица тоже был в норме. Схватки прекратились, и матка на ощупь была именно такой, как надо.

В то время завершение родов оставляли на откуп природе. Акушеркам советовали не вмешиваться в естественный процесс отделения плаценты от стенки матки. В наши дни сразу же после рождения ребёнка женщине делают укол, стимулирующий схватку, которая помогает плаценте отделиться, и через несколько минут всё уже позади. В те времена такого не было – нашими орудиями были терпение, опыт, наблюдательность и тщательно спланированное бездействие. Нам говорили: из-за попытки ускорить завершающий этап возрастает риск, что плацента отделится лишь частично, и возникнет отёк. Нас учили никогда не тянуть за пуповину и массировать дно матки только после начала схватки и только в случае крайней необходимости.

Рут осторожно присела рядом с кроватью и положила руку Кэти на живот, чтобы проверить, что происходит с маткой. Свет фонаря потускнел, и дабы сэкономить батарейку, она погасила его, и в комнате наступила темнота. Прошло двадцать пять минут, ничто не указывало на начало

схватки, и Рут встревожилась. «Видимо, придётся оставить Кэти в одиночестве и отправиться за помощью», – подумала она. Но в этот момент матка напряглась, и акушерка почувствовала, что процесс идёт. Кэти застонала и заёрзала.

– Началось, – сказала Рут, включила фонарик и потрясла девочку. – Просыпайтесь. Теперь тужьтесь изо всех сил. Просыпайтесь и тужьтесь. Подтяните колени к груди, чтобы получилось сильнее, как будто пытаетесь прочистить кишечник. Давайте, сильнее!

Кэтлин следовала указаниям. Ощупав матку, Рут пришла к выводу, что плацента отделилась и лежит в нижнем отделе. Дно матки поднялось ещё сильнее и по-прежнему было твёрдым на ощупь.

– Теперь расслабьтесь, Кэти, опустите ноги и дышите глубоко. Постарайтесь полностью расслабиться. Я сейчас нажму вам на живот. Будет неприятно, но не больно.

Рут осторожно, но сильно надавила на живот левой рукой, чтобы дно матки сработало как клапан, а правой взялась за пуповины и вытянула плаценту из вагины. К ней были прикреплены две пуповины, а третья уходила внутрь – значит, там осталась ещё одна плацента.

Рут принялась энергично массировать дно матки, и у Кэти началась ещё одна схватка.

– Снова тужьтесь. Надо всё вытащить.

– Что происходит? – тихо простонала бедная Кэти.

– Потом объясню. Тужьтесь что есть мочи.

Девочка натужилась, и через несколько минут последняя плацента выскользнула на матрас.

На кровати лежала большая кровавая масса. Рут переложила её в лоток и поставила на стол. Обследовать ткани ей не удалось, поскольку фонарик уже еле-еле светил.

Теперь Кэти окончательно проснулась.

– Что происходит? – спросила она. – У меня двойняшки? Где они?

Она оглянулась.

– А вот и нет. У вас тройняшки, и они в комоде.

– Тройняшки! Три ребёнка, что ли?

– Да.

– Но как?

– Вы обессилели и уснули после второго малыша, и третий выскользнул из вас почти без усилий. Вы даже не проснулись. Я не видела, как всё произошло, потому что уронила фонарик, а верхний свет уже не горел.

– И у меня теперь трое детей?

– Да. Три мальчика.

Кэти откинулась на подушку и вздохнула, словно не веря в реальность происходящего.

– Господи боже, да что ж моя мама теперь скажет! Внебрачные тройняшки! Вот и верь после этого морякам!

Рут навела порядок и уехала обратно в Нон-натус-Хаус. Кэти с детьми поместили в городскую больницу. У девочки никого не было, а в одиночку она не управилась бы с детьми в той комнате. У неё не было ни денег, ни одежды, ни отопления, ни даже еды, а младенцы были совсем крохотными.

Мы так и не узнали, что случилось с ними впоследствии. Если моряка не удалось найти и заставить жениться на Кэти и содержать детей, их вряд ли ожидало что-то хорошее. По-хорошему, девушке стоило вернуться к родным, но в сельской Ирландии середины века многие семьи отказывались от незаконнорождённых внуков – боялись нищеты и осуждения. Малышам предоставляли места в лондонских яслях, но предполагалось, что мать живёт отдельно и сама зарабатывает себе на жизнь. Кэти вряд ли бы удалось прокормить себя и сыновей. Мальчиков могли бы усыновить, но шансов, что кто-то взял бы их втроём, было немного, а значит, их, скорее всего, разделили, и они выросли, не зная, что у них есть браться.

Хотя мне не удаётся придумать счастливого окончания этой истории, Кэти была полна энтузиазма, и, возможно, жизнь пощадила её. Может, всё обошлось. Будучи медиками, мы встречаем людей в самые драматичные моменты их жизни и зачастую привязываемся к ним. Но они покидают нас, уходят, словно корабли в ночи, и больше мы о них ничего не знаем.

Синтия

Как-то раз после утреннего обхода я ехала обратно в Ноннатус-Хаус. Напевая себе под нос, я лавировала между грузовиками на Ист-Индия-Док-роуд на своём стареньком «Ралее» – тяжёлом, словно сделанном из свинца, с двумя неработающими передачами из трёх, – и тренировалась отпускать руль на ходу. Вдруг я заметила впереди себя Синтию – она ехала куда медленнее, и её велосипед вилял по дороге. Я весело окликнула её, но когда мы поравнялись, увидела, что моя коллега плачет, и встревожилась:

– Что случилось, милая?

Лицо Синтии сияло от слёз. Мимо нас прогрохотал грузовик: водитель беспрерывно жал на клаксон и изрыгал проклятия.

– Так, давай-ка съедем на обочину, пока нас не задавили. Что произошло? Рассказывай. Первый раз вижу тебя такой.

В нашей компании Синтия считалась самой мудрой и взрослой и часто выступала в роли миротворца. Странно было встретить её в слезах посреди улицы. Я протянула ей свой носовой платок.

– Ребёнок умер, – прошептала она.

– Не может быть! – ахнула я.

Синтии не было всю ночь – она вернулась только к завтраку, усталая, но радостная, и рассказала, что роды прошли успешно и на свет появился здоровый маленький мальчик. В шесть утра она оставила маму с сыном в абсолютно нормальном состоянии и должна была вернуться через четыре часа. В половине девятого я ушла на утренний обход. Синтия в это время мыла и стерилизовала инструменты и делала записи, чтобы вернуться к матери с новорождённым к десяти утра.

– Что случилось? – спросила я, когда она чуть-чуть оправилась.

– Я поехала обратно, – начала рассказывать Синтия. – Мне и в голову не пришло, что что-то может пойти не так. Дверь была открыта, я вошла и увидела, что все плачут. Мне сказали, что малыша не стало. Я пошла и осмотрела его сама – он действительно умер и уже успел остыть.

– Но как? Почему?

– Не знаю.

Она высморкалась и вытерла глаза.

– Не знаю, не понимаю… – произнесла она и вновь залилась слезами.

– Слушай, пойдём домой, только лучше не залезай на велосипед, а то

ещё упадёшь. Давай я поведу.

Мы двинулись обратно. Я катила оба велосипеда – жест благородный, но довольно бессмысленный. Вы когда-нибудь пробовали одновременно везти два велосипеда по мостовой, переполненной людьми, колясками и детьми? Вскоре Синтия плакала уже от смеха.

– Давай-ка мой велосипед, пока ты кого-нибудь не покалечила.

Долгое время мы шли молча. Я не знала, уместно ли задавать вопросы или лучше помолчать, но наконец Синтия сама сказала:

– Они его забрали.

– Кто? Врачи?

– Нет, полицейские.

– Полицейские? Зачем?

– Вскрытие. Родители были против, но они сказали, что так полагается по закону, если смерть наступила внезапно и без видимых причин, – голос её дрогнул, и она снова заплакала. – Не знаю, может, это я что-то не так сделала… Постоянно вспоминаю, как всё происходило: мальчик родился, тут же закричал, я прочистила ему дыхательные пути, перерезала пуповину, всё было стерильно. Конечности двигались нормально, позвоночник был прямой, дышал он нормально, сосательный рефлекс присутствовал… Я ещё подумала, что ребенок просто идеальный. Не понимаю, почему он умер. Неужели я виновата?

Синтия поёжилась. Было заметно, что она шагает с трудом. В этот момент переднее колесо её велосипеда врезалось в автобусную остановку, из-за чего руль резко повернулся, и бедняжка налетела на него грудью и вскрикнула от боли. Мы выкрутили руль обратно.

– Перестань, ты всё правильно сделала. Ты же лучшая акушерка среди нас. Я уверена, что ты тут ни при чём.

– Нельзя быть уверенной, – прошептала она. – Поэтому и нужно вскрытие.

Некоторое время мы шли молча. Мне не хотелось мешать её размышлениям, но я всё же не удержалась от вопроса:

– А как ты поступила, когда увидела, что он мёртв?

– Попыталась сделать искусственное дыхание, но было уже поздно.

Она вся дрожала, и я с трудом разбирала её слова.

– Давай свернём на какую-нибудь улицу потише, – предложила я. – Шум раздражает. Там всё и расскажешь.

Мы завернули за угол и продолжили путь по более тихой улочке. Здесь на тротуарах играли дети, а женщины мыли пороги или вытряхивали коврики. Некоторые здоровались с нами.

– Я побежала к телефонной будке, – продолжила Синтия, – и позвонила сестре Джулианне. Она сразу же приехала, и тут я немного успокоилась. Сестра окрестила ребёнка, хотя он уже умер, мы помолились с родственниками, а потом она пошла говорить с врачами и полицейскими, а я осталась сидеть с остывшим малышом.

Синтия снова расплакалась, и я обняла её.

– Долго ждать не пришлось, врач осмотрел тело и сказал, что не видит никаких причин для внезапной смерти, но, чтобы оформить свидетельство, понадобится вскрытие. Родственники были в ужасе и говорили, что не хотят, чтобы их ребёнка резали, и просили тихо похоронить его по-христиански, но доктор объяснил, что пока это невозможно.

Мы обошли компанию девочек, играющих в классики.

– Пришли два полицейских, поговорили с врачом, все записали. Потом начали допрашивать меня. Это был кошмар. Они не грубили и не давили, но всё равно, когда тебя расспрашивают о смерти и записывают каждое твоё слово… ужасно. Видимо, я была белой как мел, потому что доктор принялся меня утешать и говорить, что я ни в чём не виновата. Меня попросили рассказать, что мне известно, и забрали подписанные мною бумаги. Кажется, я всё правильно заполнила. Не знаю. Это всё напоминает дурной сон.

Синтия выглядела очень плохо.

– Тебе нужна чашечка горячего чаю, – сказала я. – Смотри, мы уже почти пришли. У тебя усталый вид.

– Видимо, из-за шока.

– Надо думать!

– А ещё мне холодно.

– Неудивительно. Ты вообще спала прошлой ночью?

– Пару часов, потом меня разбудили.

Мы дошли до Ноннатус-Хауса. Я занялась велосипедами, а Синтия сказала, что прежде всего ей надо доложиться сестре Джулианне.

В сарае я встретила сестру Бернадетт, которая пристёгивала свой велосипед.

– А, сестра Ли, я как раз хотела с вами поговорить. Это вас я сегодня видела едущей по Ист-Индия-Док-роуд?

– Что? Ну, может быть…

– Вас, вас. Остальные не позволяют себе кататься, отпустив руль, по главной улице. Если я не ошибаюсь, вы при этом пели?

– Пела? Не уверена, уже не помню, но может быть.

– Пели, пели. Значит так, сестра Ли, вы не уличная девчонка, а взрослая женщина, и не можете себя вести подобным образом. Это неприлично и просто-напросто недопустимо! Вы наносите урон нашей репутации.

– Простите, сестра.

– Впредь не позволяйте себе таких шалостей.

– Нет, сестра, конечно.

Но, разумеется, я и дальше вела себе точно так же – и сестра Бернадетт прекрасно об этом знала!

Синтия не пришла на обед. Её отправили в постель с парой таблеток аспирина и кружкой горячего шоколада. Сестра Джулианна прочла молитву, а когда мы расселись, рассказала нам о случившемся.

– В шесть утра он, значит, жив-здоров, а в десять уже остыл, – проворчала сестра Евангелина. – Как по мне, так его придушили втихаря.

Сестру Джулианну подобное предположение шокировало.

– Ну что вы, сестра, этого не может быть! Это прекрасное семейство, они мечтали о ребёнке и никогда бы так не поступили.

– Не знаю, не знаю, тут ни в чём нельзя быть уверенной. Подобными секретами не делятся. Нежеланных детей, знаете ли, частенько душат, таких историй пруд пруди! Отчаявшиеся люди и не на такое готовы.

– Но это совсем другая ситуация, – ответила сестра Джулианна. – Соглашусь, в прежние времена голодающая семья могла решиться на убийство младенца, но эти дни давно позади.

Мы с Чамми и Трикси слушали, затаив дыхание: наши семьи принадлежали к среднему классу, и мы никогда не слышали о подобных историях. Но сестра Евангелина родилась в 1890-е годы в трущобах Рединга и повидала такую нищету и лишения, какие нам и не снились.

– Разве их не арестовывают? – спросила Чамми.

– Обычно нет, – ответила сестра Евангелина и оглядела нас троих. – Эх вы, молодые, ничего не знаете о жизни! Тогда рождалось и умирало столько детей, что никто и не замечал, если их становилось на несколько штук меньше. Особенно, если рожали дома, без врача. Можно было сказать, что ребёнок родился мёртвым, и все дела.

– Но зачем? – спросила Трикси.

– Говорю же, во всём виновато отчаяние. У людей не было ни еды, ни денег, ни крыши над головой. Почитайте учебники истории!

Сестра Евангелина была крайне грозной особой, вспыльчивой и гневливой. Мы старались лишний раз не задевать её.

Сестра Моника Джоан, аристократичного вида дама девяноста с

лишним лет, чей разум был уже не вполне ясен, в тот день ела очень мало. Она поклевала пюре с луковой подливкой, которое ей с любовью приготовила миссис Би, отставила тарелку и принялась крутить в руках ложку, зажав её между большим и указательным пальцем и оттопырив три остальных на манер веера. Она следила за тем, как ложка отбрасывает блики на окружающих, и тихо хихикала.

– Поверну тебя вверх ногами, а теперь обратно, и у тебя стало толстое лицо… хи-хи, теперь, наоборот, узкое! Очень весело, взгляните-ка.

Казалось, она была совершенно поглощена этим занятием и собственными мыслями и не обращала внимания на разговор вокруг. Это было не так.

Сестра Моника Джоан обладала безошибочным театральным чутьём и умела точно выбрать момент. Она вдруг со звоном уронила ложку, и все мы подпрыгнули. Теперь она оказалась в центре внимания, и наслаждалась этим. Поочередно смерив нас ледяным взглядом, она сообщила:

– Я сталкивалась с несколькими случаями подобного рода, вернее сказать, я несколько раз была практически уверена в том, что детей удушили, но не смогла это доказать.

Она оглядела стол, чтобы убедиться в том, что произвела эффект.

– К нам в монастырь – не в этот, а в тот, который разбомбили, – как-то раз пришла горничная, очень милая, из хорошего дома. Несколько месяцев спустя стало ясно, что она беременна. Ей было всего четырнадцать. Мы были потрясены, но с разрешения матери оставили её у себя до родов. Потом одна из наших сестёр приняла роды в их домике. Всё прошло хорошо – если можно так выразиться о незаконнорождённом ребёнке в приличной семье. В любом случае, когда сестра уходила, мать и младенец были живы и здоровы. Несколько часов спустя в монастырь принесли записку, в которой говорилось, что малыш скончался. Сестра пошла к ним и обнаружила младенца мёртвым, а мать – крепко спящей. Её никак не удавалось разбудить – похоже было, что она приняла лауданум. Провели расследование, но всё безрезультатно.

Сестра Моника Джоан вновь подняла ложку и покрутила её.

– Всё зависит от угла зрения, не так ли? Мы смотрим на ситуацию по-своему и считаем, что наш взгляд верен. Но если немного сместить фокус… – она повернула ложку. – Всё уже кажется совсем другим. Зачастую смерть ребёнка становилась избавлением, а не трагедией.

– Совершенно верно, – проворчала сестра Евангелина. – Если в семье уже имелась полудюжина голодных ртов, а работы и еды не было, это считалось настоящим избавлением.

– Нищета. Отчаянная, беспросветная нищета, – сестра Моника Джоан продолжала разглядывать отражения в ложке. – Мы были величайшей империей, что когда-либо видел мир. Богатейшей нацией в мире. Но стоит лишь немного повернуться, и мы увидим взрослых, которые настолько отчаялись, что убивают собственных детей.

– Вы, должно быть, преувеличиваете, – недоверчиво сказала сестра Джулианна.

Сестра Моника Джоан повернулась к ней и приподняла бровь. В этот момент она напоминала посла бедняков всего мира!

– Я не говорю, что это случалось повсеместно или часто. Но случалось. Вы слишком молоды, чтобы помнить, в каких условиях жили рабочие. Люди тысячами ютились в трущобах без туалета, мебели, отопления, одеял. Единственным источником воды был дождь, который лил через прохудившуюся крышу. Кроме того, им вечно недоставало еды.

Я не преувеличиваю, я всё это видела. И таких улиц были сотни! Бесконечные ряды трущоб, в которых теснились тысячи и тысячи людей. Почитайте книги Уильяма Бута[8] или Генри Мэйхью[9], если не верите! Конечно, дети постоянно умирали, и конечно, иногда им помогали доведённые до ручки родители! Как же иначе?

Мы с Трикси и Чамми потрясённо молчали. Рассказ сестры Моники Джоан, весь её вид настолько впечатлили нас, что мы буквально лишились дара речи. Молчание нарушила сестра Джулианна:

– Поблагодарим же Господа, что эти дни в прошлом. Нашей стране больше не грозит подобная бедность, хотя от неё страдают в других частях света, особенно после войны. Мы будем молиться за этих людей.

В этот момент миссис Би принесла пудинг и передала его сестре Джулианне. Миссис Би была настоящей королевой кухни – превосходной и опытной поварихой.

– Я приготовила сестре Монике Джоан сладкий творожок с клубникой, я знаю, что она его любит больше всего.

– О, замечательно!

В мгновение ока сестра Моника Джоан превратилась в маленькую девочку, предвкушающую праздничное лакомство. Она больше не вспоминала о гибели детей, а я твёрдо решила при случае почитать работы Уильяма Бута и Генри Мэйхью.

Когда Синтия спустилась к чаю в четыре часа, она выглядела отдохнувшей, но по-прежнему печальной. Вечером и на следующий день она, как обычно, вышла на обход, но мы видели, что смерть ребёнка

тяготит её.

Отчёт о вскрытии прибыл неделей позже. Причиной смерти стал ателектаз, то есть не болезнь и не повреждение. Пока младенец находится в материнской утробе, его лёгкие не расправлены. С первым вдохом после родов лёгкие расправляются и наполняются воздухом. Иногда они наполняются не полностью, и это состояние может сохраняться несколько часов или дней.

Ребёнок, которого принимала Синтия, родился в срок и после родов жадно вдохнул, хотя в этот момент его лёгкие, возможно, работали лишь в три четверти своей силы. Цвет его кожи, пульс и движения не позволили заподозрить что-либо неладное. Однако младенцы – очень хрупкие существа, и пока он спал, ему, видимо, приходилось прилагать слишком много усилий, чтобы дышать. Вдохи становились всё незначительнее, пока нижние доли лёгких не закрылись полностью. После этого они опали, и ателектаз распространился. Поверхностное дыхание одними лишь верхними долями лёгких не даёт телу достаточно кислорода. Ребёнок дышал всё слабее и реже, пока его лёгкие окончательно не опали и он не умер.

Прочитав отчет о вскрытии, Синтия испытала огромное облегчение. Там подтверждалось, что при первых вдохах лёгкие малыша расправились, но впоследствии, за четыре часа, которые он провёл с матерью, полностью опали. Почему мать ничего не заметила (например, затруднённого дыхания, бледности, падения мышечного тонуса) и не подняла тревогу, оставалось неизвестным.

Синтию ни в чём не обвиняли, и в процессе родов и послеродовых процедур не было обнаружено никаких ошибок. Впрочем, этот случай сильно повлиял на чувствительную девушку, и она постоянно задавалась вопросом: «Могла ли я что-нибудь сделать?» Ей нескоро удалось справиться с этой травмой.

Пропавшие дети

Кажется невероятным, что новорождённые дети могут пропадать бесследно, но на деле это было распространено – всё зависело от того, кто знал о беременности, о родах, и от того, были ли эти роды зарегистрированы.

Испокон веков новорождённых записывали в приходской книге, но это не было обязательной практикой. С 1837 года родителей принудили регистрировать рождение ребёнка, но на то, чтобы ввести этот закон повсеместно, ушло почти сто лет. Из-за того, что врачей не хватало, а медицинские услуги стоили недёшево, тысячи детей рождались и умирали незарегистрированными. Если младенец умирал вскоре после рождения, семьям было проще объявить их мертворождёнными, и так было до 1929 года.

В 1870-е подсчитали, что в год в Великобритании рождается приблизительно миллион двести пятьдесят тысяч детей, и только десять процентов рожениц получают медицинскую помощь (в другом исследовании цифра была ещё ниже – три процента). Таким образом, около миллиона женщин в год рожали без какой-либо помощи врачей. Показатели смертности в те годы впечатляли: было подсчитано, что в бедных районах материнская смертность составляла примерно двадцать пять – тридцать процентов, а детская – пятьдесят – шестьдесят. Эти данные были собраны теми, кто пропагандировал необходимость обучения акушерскому делу.

Первый Закон об акушерках был принят в 1902 году. До этого момента никто, как правило, не получал специальное образование – любая могла назваться акушеркой и принимать роды за деньги. Иногда таких женщин также называли «мастерицами», поскольку к ним обращались по самым разным вопросам. С точки зрения закона и общественных приличий их деятельность осуществлялась в теневой зоне и являлась сугубо частной практикой: акушерки ни перед кем не несли ответственности за свои действия. На рубеже веков в Великобритании практиковали около сорока тысяч таких «мастериц» – многие из них называли себя акушерками. Некоторые происходили из семей, где знания об акушерстве передавались из поколения в поколение, и это были грамотные и добросовестные специалистки. Другие же работали кое-как и зачастую были совершенно

безграмотны. Многие роженицы, впрочем, не могли позволить себе услуги даже такой помощницы и рожали сами, в присутствии подруги или матери. Дородовый уход отсутствовал даже в состоятельных семьях, и сам факт беременности нигде не регистрировался.

Подобный недостаток внимания со стороны врачей приводил к тому, что порой никто, кроме ближайшего семейного круга, не знал о рождении или смерти ребёнка, а у этих родственников могло быть множество причин, чтобы хранить молчание.

Чаще всего появление малыша скрывали потому, что он был незаконнорождённым. Нынешняя молодёжь и вообразить себе не может, каким позором раньше считалось появление внебрачного младенца – это было такой катастрофой, что девушки иногда предпочитали покончить с собой, чтобы утаить беременность. Множество несчастных женщин прятали живот под юбками, трудились до самых схваток, рожали без чьей-либо помощи, а на следующий день снова отправлялись на работу. Если сама мать не регистрировала рождение ребёнка – кто ещё мог это сделать? Если младенец умирал, что происходило нередко, – кто бы об этом узнал? Обеспеченные семьи более элегантно скрывали, что их дочери сбились пути, – их могли объявить «умалишёнными» и отправить до скончания дней в сумасшедший дом. Ребёнка же отдавали на усыновление или помещали в сиротский приют, и честь семьи таким образом оставалась незапятнанной.

Смерть младенца скрывали ещё и потому, что похороны считались дорогим мероприятием. Погребение стоило немалых денег, и представительницы рабочего класса каждую неделю откладывали по несколько пенни. Общая могила для нищих считалась позором, и всякая уважающая себя женщина опасалась, что соседи, узнав о подобном, не сдержат своего презрения. Но у многих просто не было денег, и несчастной, угодившей в подобную ситуацию, зачастую было проще притвориться, что ничего не произошло, и украдкой сбросить маленькое тельце в реку. В 1950-х мне довелось ухаживать за женщиной, которая поступила так тридцатью годами ранее.

Если стоимость похорон или регистрации ребёнка была непомерной для бедных людей, что говорить о настоящих нищих?

В 1880 году на ступенях похоронного бюро на Лонг-Лейн в районе Бермондси в восточной части Лондона нашли коробку с девятью трупами младенцев. Об этом сообщили во всех газетах. Присутствовали ли при рождении этих детей врач или акушерка? Были ли младенцы зарегистрированы? Удалось ли найти родителей или хотя бы матерей? Нет,

нет и нет. Эти девять малышей пополнили ряды безымянных ребятишек, оказавшихся в общей могиле для отпрысков отчаявшихся, голодных людей – тех, кого не учитывают в переписях. Чарльз Бут (1844–1916), первый специалист по социальной статистике, подсчитал, что в Лондоне было около двухсот пятидесяти пяти тысяч бедняков, а во всей Великобритании – миллион девятьсот пятьдесят тысяч. Дальнейшие исследования показали, что эта цифра была очень приблизительной: в реальности же количество нищих приближалось к трём миллионам.

Другая причина, почему скрывали рождение ребёнка, – его очевидная физическая или умственная неполноценность. В данном случае бедняков охватывал страх – они боялись, что им придётся содержать больного, который так никогда и не начнёт вносить свой вклад в семейный бюджет. Кроме того, они опасались общественного осуждения – принято было думать, что врождённые дефекты появляются из-за того, что у всего рода «в крови» что-то дурное, а значит, от такой семьи нередко отворачивались все соседи. Ребёнка могли просто бросить умирать (возможно, с молчаливого согласия матери или женщины, помогавшей при родах), а потом заявить, что он был мертворождённым. Отец мог ничего и не знать о произошедшем, поскольку в те дни мужчины редко вникали в эти процессы. «Женские дела» были табуированной темой, и сами женщины замалчивали её так же, как и мужчины.

В высших классах – аристократических и королевских семьях – особенно опасались клейма, возникавшего из-за появления на свет больного ребёнка. Это могло привести к слухам о так называемой «порченой крови», и потому в высших классах тоже порой душили новорождённых.

Нищета приводила к тому, что детей просто-напросто бросали. Мы то и дело слышали подобные истории – хотя я и не знаю, насколько они все реальны. В Попларе говорили, что в Лаймхаусе (на его месте мог быть Боу, Миллуолл или любой другой район) живут жуткие люди, и там то и дело находят брошенных младенцев. В Лаймхаусе, впрочем, то же самое говорили про Поплар. Создавалось впечатление, что детей было принято подкидывать на чужие пороги буквально во всех частях города. Однако мы сами никогда с подобным не сталкивались, и в 1950-е на ступенях монастыря ни разу не оставляли младенцев. Я знакома с женщиной, которая родилась в 1940 году в Манчестере, и она была именно таким ребёнком – её нашли как-то утром на крыльце рядом с бутылками с молоком. Девочка была больна, но подобравшие её супруги оплатили её лечение, хотя сами были бедны, и содержали, пока она не выросла.

Есть множество достоверных свидетельств того, что в прошлом младенцев регулярно оставляли у дверей работных домов или сиротских приютов. Работные дома давали этим младенцам имена и регистрировали их как детей «неизвестных родителей».

Уильям Бут в своей работе «Тёмная сторона Англии»[10] пишет, что отчаявшиеся молодые матери иногда буквально силком впихивали новорождённых младенцев девушкам из Армии спасения, говоря при этом, что сами ничего не могут им дать. Мол, так у детей будет хотя бы шанс на лучшую жизнь. Такие женщины растворялись в толпе, не оставляя ни своего имени, ни адреса.

Детоубийство – это ужасно. Действительно ли оно было привычным делом, пока беременность и роды не стали контролировать профессиональные акушерки? За подобные преступления полагалась смертная казнь, поэтому такие секреты скрывали изо всех сил. Сомневаюсь, что женщина способна была хладнокровно убить своего новорождённого младенца, но отчаяние и нищета могли вынудить поступить так, например, бабушку ребёнка. История полна мрачных примеров. Помню, как несколько лет назад я прочла историю шотландки, которая жила в горах и скончалась в девяносто три года. После её смерти выяснилось, что она утопила семерых детей своей слабоумной незамужней дочери. В ходе расследования обнаружились захоронения на их участке. Это осталось незамеченным в далёком шотландском районе – значит, могло сойти с рук и в столичных трущобах, особенно в прошлом. Такие вещи, должно быть, случались повсеместно, и никто о них не знал.

Убивали ли детей отцы? Неизвестно. Одна из наших старших сестёр была в этом уверена.

Я не считаю, что мужчины являются воплощением мирового зла, но, возможно, нищета подтолкнула на такой шаг и кого-то из них. На мой взгляд, несчастный случай гораздо вероятнее убийства. Организм новорождённого – очень хрупкий. В тесноте легко случайно уронить ребёнка или уронить что-нибудь на него, и это может стать причиной гибели. Кроме того, иногда детей нечаянно давили во сне. Не следует также забывать, что домашнее насилие было неотъемлемой частью жизни в некоторых семьях. Женщин и детей регулярно били, и случайный удар мог легко погубить малыша. В этом случае мать предпринимала все возможные усилия, чтобы скрыть происшествие, и если ребёнок не был зарегистрирован, ей это удавалось. Если отца, добытчика, обвинили бы в убийстве, его ждала бы виселица или же, если судья проявил бы снисходительность, ссылка. В любом случае, семья лишилась бы

финансовой поддержки.

Впрочем, не все исчезавшие дети погибали. Чем богаче была семья, тем больше у них могло быть причин скрыть рождение нежелательного ребёнка. Мать могла запереть дома беременную дочь, принять роды с помощью «мастерицы», избавиться от младенца, и никто ничего бы не узнал. Благородная дама, конечно, не могла бы просто принести новорождённого в работный дом или приют – его бы никто не взял, а соседи мигом бы всё пронюхали. В этих случаях малыша втайне отдавали опекунам. Многие «мастерицы» работали по договорённости с такими людьми, служили посредниками и принимали деньги от обеих сторон.

Я знала женщину, чья дочь в двадцать четыре года родила внебрачного ребёнка. На дворе был 1949 год, то есть всё произошло не так давно. Женщина самодовольно сообщила, что, естественно, сразу забрала новорождённого:

– Я не разрешила дочери и взглянуть на него. Ребёнка отдали в приют.

Видимо, это был частный коммерческий приют, поскольку на самом деле мальчик не являлся сиротой – его родители были известны и пребывали в добром здравии.

Десять лет спустя я присутствовала на родах у юной девушки в Попларе. Её мать безостановочно повторяла, что отдаст его «куда следует». В какой-то момент она приказала мне выметаться и заявила, что сама примет младенца и избавится от него. Не знаю, что она планировала, но, видимо, у неё была возможность отделаться от нежеланного ребёнка в рамках закона.

Уровень жизни в таких частных приютах полностью зависел от опекунов. Моя знакомая семидесяти пяти лет была таким незаконнорождённым ребёнком – её передавали из одной приёмной семьи в другую, пока, наконец, она не поселилась у одинокой дамы, которая полюбила её и стала ей другом на всю жизнь. И наоборот, в Клэпхеме в 1920-е годы осудили женщину, содержавшую в подвале дома восьмерых детей (за каждого из них ей заплатили) в пяти кроватках. Там были и новорождённые, и трёхлетки: старшие не умели ходить, поскольку всю жизнь провели лёжа, и разговаривать – они почти не слышали человеческой речи.

Древность истории торговли детьми сравнима с историей грехов человеческих. Джозефин Батлер[11] пишет в своих воспоминаниях, памфлетах и дневниках второй половины XIX века, что встречала тысячи (да, *тысячи*) девочек в лондонских борделях – некоторым из них было всего 5–6 лет. Это было душераздирающее зрелище. Такие дети жили не

дольше двух лет, но хозяйки борделей поставляли всё новых и новых для своих богатых клиентов. «Чистые» дети, то есть не страдающие венерическими заболеваниями, стоили дорого. Эти случаи подробно описаны, но, как ни странно, миссис Батлер не сообщает о мальчиках, хотя торговля ими также наверняка процветала.

Откуда же поступали все эти ребятишки? Явно не из Армии спасения, работных домов, государственных приютов или таких пансионов как Корам, Барнардо или Сперджен. Так откуда же?

Основной закон экономики гласит, что спрос создает предложение. Если борделям требовались «чистые» дети, беспринципные женщины, содержавшие частные приюты, поставляли таких детей за деньги. Никто не задавал вопросов. У многих малышей не было имён, регистрации, а для остальных выписывали фальшивые свидетельства о рождении. Родители и родственники не знали, что произошло с их ребёнком, – он просто исчезал, будто никогда и не появлялся на свет.

Во время демографического взрыва XIX века оголодавшие матери периодически продавали детей. Это приводило к ужасным последствиям – покупатели оформляли опеку, страховали жизнь таких ребятишек, а потом морили их голодом и после смерти подопечного получали страховку. Есть много записей о подобных случаях. Доктор Барнардо, например, как-то раскусил безжалостную старуху, которая приобрела троих детей, застраховала их, продала их одежду и бросила умирать от голода и холода.

Подобные вещи тяжело читать – особенно если вы всерьёз интересуетесь семейной историей. Однако жизнь в равных пропорциях состоит из счастья и горя, и мы бессильны это изменить.

Сажа

Как-то раз мы обнаружили, что несколько младенцев наших рожениц одновременно заболели – у них гноились глаза, текло из ушей, началась диарея, пупки воспалились, а кожа покрылась прыщиками. Пострадали не все, но те, что заболели, тяжело переносили недуг. У детей взяли анализы, и в лаборатории сообщили, что все инфекции были вызваны одним и тем же штаммом золотистого стафилококка. Откуда же он взялся?

Сёстры и монахини сдали анализы, и выяснилось, что переносчиком золотистого стафилококка, от которого и пострадали дети, стала Синтия. Бедняжка была в ужасе от того, что заразила младенцев, тем более что сама она не чувствовала недомогания. Но результаты были неумолимы. Её тут же отстранили от работы, она прошла курс лечения антибиотиками, и инфекция пропала бесследно.

Медики использовали пенициллин, и дети также выздоровели. Ещё недавно некоторые из них могли бы умереть, а у некоторых наверняка бы развилось хроническое воспаление среднего уха, конъюнктивит или же инфекция лёгких, что могло бы привести к дальнейшим ухудшениям. Но антибиотики тогда были внове и действовали крайне эффективно.

Синтия две недели не работала и вернулась к делу совершенно уверенно. Больше вспышек инфекции не случалось.

Первым местом, куда Синтия отправилась по возвращении, был уютный домик в районе Боу. В таких условиях приятно работать, и всё шло как по маслу. У молодой матери, для которой это был пятый ребёнок, прогрессировали схватки, её мать приглядывала за остальными детьми, а бабушка, бывалая дама, для которой роды были куда менее пугающим событием, чем поход к дантисту, во всём помогала Синтии и приглядывала за огнём в камине.

– Еле-еле горит, я смотрю, надо б его раздуть, пока младенчика ещё нет. Надо ж, чтобы ребёночек родился в тёплой комнате, да, сестра?

Она взяла кочергу, поворошила тлеющие угли и открыла заслонку. Пламя вспыхнуло, но в этот момент под крышей что-то загрохотало, и в дымовой трубе обрушилась гора сажи, полностью загасив огонь. Женщина с криком бросилась к камину с газетой, пытаясь прикрыть очаг, чтобы сажа не попала в комнату, но тут опять раздался грохот, упала ещё одна порция

сажи и разлетелась по всей комнате. Сажей было покрыто всё: стерильные инструменты, аккуратно разложенные на комоде; белое постельное бельё; любовно приготовленная колыбелька, вся в ленточках и кружевах; сама Синтия, в чистом белом халате, маске и перчатках; и то же самое произошло с женщиной на кровати – хотя ей было уже всё равно, поскольку началась вторая стадия родов, а вместе с ней мощная схватка, предшествующая полному раскрытию шейки матки. Синтия в ужасе воздела чёрные руки. Сначала она решила вымыться и резво бросилась к тазу, но на воде и мыле красовалась плёнка сажи. Акушерка сорвала перчатки и с облегчением отметила, что пальцы остались чистыми.

– Господи, – простонала пожилая дама. – В жизни такого не видела. Что ж теперь делать, сестра?

– Тут уже ничего не попишешь. Если роды начались, мы их не остановим. Придётся продолжать как есть. Принесите ещё воды и вымойте этот таз. Спросите ещё, есть ли чистое бельё. Нам вряд ли хватит времени принести чистые инструменты из Ноннатус-Хауса, но можно попытаться.

С последней схваткой у роженицы отошли воды. Жидкость хлынула на впитывающие простыни, и к ним тут же начала прилипать кружащаяся в воздухе сажа.

Маску Синтии тоже покрывала сажа, так что она содрала её – всё равно от неё не было толка. Верхняя половина лица оставалась чёрной, а ниже носа всё было белым – акушерка напоминала клоуна.

Бедная Джанет, пыхтящая от боли и потуг, оказалась полностью испачкана сажей, которая каким-то образом попала даже под сорочку. Женщина попыталась стереть сажу с бёдер, но добилась только того, что на коже появились жирные следы.

– Господи, какая грязь, – простонала она и часто задышала. – Ещё одна схватка начинается… А-а-а!

Она скривилась от боли.

Вагинальный осмотр уже не требовался – Синтия видела макушку головы младенца.

– Не тужься, Джанет, постарайся не тужиться, просто мелко дыши, как собачка, часто-часто, вдох-выдох, вдох-выдох. Всё правильно, дыши. Я сейчас переверну тебя, чтобы принять ребёнка.

(В те годы нас учили, что роженица должна лежать на боку.)

Тем временем бабушка унесла таз и принесла горячую воду, чистые полотенца и простыни.

– Можно перенести её в другую комнату, сестра.

– Было бы неплохо, но мы не успеем, малыш может выпасть. Смотрите,

я держу его головку. Ещё одна схватка, и он родится.

– Господи, какой кошмар. Джим побежал к телефону, чтобы вызвать сестёр, но он не успеет, так?

– Да. Давай, Джанет, дыши, всё в порядке, немножко сажи вреда не сделает.

Тёплый, нежный голос Синтии подействовал успокаивающе. Схватка прошла, Джанет расслабилась, взглянула на бабушку и акушерку и захихикала, а потом захохотала в полный голос.

– Вы бы себя видели… Опять пошло… А-а-а!

Следующая схватка началась всего через несколько секунд после предыдущей.

– Вот оно, – ахнула Джанет.

– Да, теперь надо повернуться. Подайте мне полотенца, – скомандовала Синтия бабушке. – Давайте уберём грязную простыню и положим полотенце, чтобы ребёнок лёг на чистую ткань.

Они поменяли подстилку, но сажа была повсюду. Руки были грязными, и всё, чего они касались, тут же пачкалось. Синтия перевернула подушку, чтобы Джанет положила голову на чистую сторону, но нечаянно испачкала её. Пожилая женщина попыталась омыть Джанет лоб холодной водой, что несколько улучшило ситуацию.

Ребёнок легко появился на свет, но роды – зачастую неприятная процедура: кровь и околоплодная жидкость были повсюду, а в сочетании с сажей всё выглядело особенно чудовищно. Новорождённая девочка, вся мокренькая, была покрыта чёрной слизью и хлопьями сажи. Синтия омыла её и перевернула, чтобы прочистить ей горло (в те дни это считалось полезной процедурой). Девочка завопила во весь голос. Синтия в отчаянии посмотрела на некогда стерильные инструменты. В этот момент полагалось перерезать пуповину, но ножницы, щипцы, вата и вода были покрыты сажей.

В этот момент на лестнице раздались тяжёлые шаги и ворчание сестры Евангелины:

– С чего это понадобилась ещё одна сумка, а? Мне пришлось проехать полмили![12] Возмутительно! Надо понимать, свою она испортила? Ох, уж эти молоденькие акушерки, ничего-то они не умеют!

Дверь распахнулась. Сестра Евангелина оглядела комнату, не веря своим глазам, и воскликнула:

– Что вы тут натворили!

После этого она расхохоталась. Она смеялась так громко, что дом трясся. Монахиня привалилась к косяку, схватившись за живот, а потом

рухнула на стул и запрокинула голову, уронив чепец.

Сестра Евангелина была дородной и представительной дамой. Что касается её характера, таких людей часто называют «неотшлифованными алмазами». Она родилась с большой семье в редингских трущобах в конце XIX века и выросла в чудовищной бедности. Первая мировая война дала ей шанс вырваться из замкнутого круга нищеты: в двенадцать лет сестра Евангелина бросила школу и устроилась на фабрику по производству печенья, а в пятнадцать перешла на военный завод. Оттуда девочка попала в военный госпиталь, где выучилась на медсестру и пережила единственный роман в своей жизни – впрочем, нам она об этом никогда не рассказывала. Впоследствии Евангелина вступила в орден Святого Раймонда Нонната и стала одной из монахинь-акушерок. Она проработала в Попларе тридцать лет – в том числе и во время бомбардировок Лондона. Местные обожали её за грубоватую прямоту, деловой подход и острый язык – разумеется, в стенах монастыря её лексикон резко менялся. С нами она зачастую держалась неприветливо и отстранённо, и рассмешить её было нелегко, но если уж вам это удавалось, то сестру Евангелину было не остановить. Её лицо, и без того красное и рябое, буквально багровело, и нос сиял на нём, точно маяк. Теперь же она ухватилась за каминную полку, чтобы удержать равновесие, достала гигантский платок и утёрла глаза и нос.

– Это ж надо, я аж штаны обмочила. Видели б вы себя со стороны! – И она вновь расхохоталась.

Сестра Евангелина не чуралась вульгарности. Самые простые функции организма неизменно веселили её. Впрочем, предрасположенность к туалетному юмору она демонстрировала только в окружении своих пациентов-кокни, и вряд ли сёстры когда-либо видели её такой.

Шлёпнув себя по пышным бёдрам, она согнулась, задыхаясь от хохота. Синтия, встревожившись, постучала ей по спине. Вновь обретя дар речи, сестра Евангелина пропыхтела:

– Вы прямо как «Чёрно-белые менестрели»![13]

Юмор её не отличался тонкостью, и шутки, как правило, получались довольно грубыми, но эта мысль привела её в восторг, и она несколько раз повторила:

– Чёрно-белые акушерки!.. Что ж такое у меня опять! Надо будет одолжить у вас полотенце перед уходом.

К этому моменту дети уже сбежались в комнату, заслышав шум. Они перепугались, когда бабушка вдруг прибежала к ним, вся чёрная от сажи, и потребовала принести воду, мыло и полотенце. Вслед за этим последовал

торопливый разговор, из которого они ничего не поняли, после чего отец побежал к телефонному автомату. Когда в дом ворвалась огромная рассерженная медсестра и с ворчанием затопала на второй этаж, они спрятались за диваном – всё это было очень пугающе. Но вскоре раздались раскаты хохота, и дети поспешили узнать, что происходит.

Ввалившись в комнату, они застыли, пытаясь понять, что к чему, и явно не веря, что взрослые могут натворить подобное. Всё вокруг было чёрным. Все хохотали. Толстая монахиня, перемазанная сажей, раскачивалась на стуле, а лицо у неё было таким красным, что казалось, будто она вот-вот взорвётся. Посреди этого бедлама кричал младенец. Дети потеряли голову от восторга. Они принялись скакать и залезать на кровать к матери – к ужасу Синтии, поскольку новорождённый всё ещё был соединён с женщиной пуповиной. Они катались по полу, чтобы посильнее выпачкаться, и мазали друг другу лица. Бабушка попыталась призвать их к порядку, но всё было без толку.

Сестра Евангелина так хохотала, что раскашлялась и приговаривала:

– Всё, не могу больше, не могу, я сейчас помру. Передайте-ка полотенце, сил моих больше нет.

Она сунула полотенце под юбку и вытерла между ног. Дети, не веря своему счастью, сгрудились вокруг, пытаясь заприметить, какие панталоны носят монахини.

Видимо, смех благотворно подействовал на роженицу, поскольку третий этап родов продвигался благополучно. Извлечь плаценту целиком – непростая задача для акушерки, ей требуется призвать на помощь все свои умения и знания. Но Синтии практически не пришлось ничего делать – Джанет так смеялась, что плацента сама выскользнула из неё. Это было омерзительное зрелище – окровавленная слизистая масса, покрытая сажей, – но главное, что всё было позади. Впрочем, ребёнок был по-прежнему соединён с плацентой!

– Сестра, мне понадобятся чистые ножницы, зажимы и тампоны, – тихо сказала Синтия.

Сестра Евангелина была не просто забавным персонажем – она являлась профессиональной медсестрой и акушеркой, и среагировала на просьбу моментально:

– Надо вынести ребёнка в другую комнату и тщательно вымыть. В таких условиях перерезать пуповину нельзя. Сажа не повредит, но если она попадёт в кровь, последствия могут быть непредсказуемы.

Разочарованных детей прогнали и увели на первый этаж. Младенца вместе с плацентой унесли в соседнюю комнату и перерезали пуповину

стерильными инструментами.

Уборкой пришлось заниматься бабушке. У неё ушло четыре дня, чтобы всё вымыть, и ещё несколько – чтобы прийти в себя.

Нэнси

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.
Прорицания невинного.
Уильям Блейк[14]

Сестра Моника Джоан поразила меня при первой же нашей встрече, которая состоялась холодным ноябрьским вечером в Ноннатус-Хаусе, – тогда мы съели целый пирог на двоих, и она вещала о расходящихся полюсах, пришельцах, эфирных эфирах и бог знает о чём ещё. Она всегда восхищала меня, и мне так и не удалось до конца понять её. Что заставило умную, талантливую, образованную и богатую девушку в конце XIX века отказаться от привилегий, которые давало место в высшем обществе викторианской эпохи, ради работы на самом дне, среди нищих? Как можно было отказаться от любви, семьи и детей ради монашеской жизни? На эти вопросы я так и не нашла ответов. Можно было бы понять глубоко религиозную женщину, которая к тому же ничего не теряет, уходя из мира в монастырь. Но сестре Монике Джоан было что терять – и однако же, она всё это оставила. По сути, она отказалась от своего положения в обществе за десять лет до того, как ушла в монастырь, – она стала медсестрой, а в 1890-е годы это была грязная и чуть ли не презренная работа. При этом её нельзя было назвать святой! Она была своенравной, высокомерной, язвительной, могла быть жестокой и бесчувственной, надменной и придирчивой. Я знала об этих недостатках, но всё равно любила её.

Больше всего на свете мне нравилось приходить к ней в свободные минуты и слушать её рассказы. Порой её мысли вертелись вокруг религии – она говорила о христианстве, язычестве, восточных философиях, оккультизме, теософии, астрологии; она интересовалась всем, и вместе с тем строго соблюдала монашеский устав. Как-то раз я спросила её, почему она оставила всё ради скромной жизни монахини, акушерки и медсестры.

Она подмигнула.

– Так вы полагаете, что мы живём скромно? Чушь. Ерунда. Наша жизнь полна приключений, риска, романтики.

– Тут я не спорю, – сказала я. – Каждый день у нас что-то происходит.

Но я стала медсестрой в восемнадцать, потому что у меня не было выбора. А вы? У вас же была масса возможностей.

– Ошибаешься, милая. Возможность выбирать платья? Ха! Возможность тратить дни на визиты и никчёмные разговоры? Ха! Возможность часами вышивать или плести кружева? Это было невыносимо – и это в то время, когда девять десятых британских женщин из последних сил пытались прокормить полуживых от голода детей. До тридцати лет я не могла покинуть отцовский дом и стать медсестрой – или заняться хоть чем-нибудь полезным.

Она явно была в хорошей форме. С сестрой Моникой Джоан никогда нельзя было угадать, что произойдёт дальше. В любой момент она могла умолкнуть, и я внимательно слушала.

– Когда Нэнси умерла, я страшно поругалась с отцом – он всегда стремился контролировать меня. Я ненавидела пустую жизнь, которую вела, и желала отдаться борьбе. Я ушла из дома и стала медсестрой – это было самое меньшее из того, что я могла сделать в память о ней.

– А кто такая Нэнси?

– Моя горничная. Её хирургически изнасиловали.

– Что?! Хирургически изнасиловали? Что это значит?

– Именно это и значит. Джозефин Батлер спасла девочку и спросила, соглашусь ли я взять её себе в служанки. Тогда мне было восемнадцать, и мать позволила мне нанять горничную. Нэнси было тринадцать.

– А кто это – Джозефин Батлер?

– Безвестная святая. Что за безграмотность, дитя моё! Я не могу тратить время на подобное невежество. Принеси мне чаю, если уж твой разум не в состоянии воспарить.

Сестра Моника Джоан закрыла свои прекрасные глаза и высокомерно отвернулась, сигнализируя тем самым, что ей нанесли оскорбление, и разговор окончен.

Мучимая гневом из-за её уколов и одновременно стыдом (меня не в первый и не в последний раз обуревали подобные чувства), я побрела на кухню. Но в тот же вечер я спросила сестру Джулианну, кто такая Джозефин Батлер.

Джозефин Батлер родилась в 1828 году в семье состоятельного землевладельца в Нортумберленде. Все семеро детей в семье получили хорошее образование и с малых лет привыкли размышлять о неравенстве классов и условиях жизни бедняков. В те дни подобный образ мыслей считался неординарным, радикальным и даже опасным. Дед девочки

вместе с Уилберфорсом сражался за отмену работорговли, и маленькая Джозефин то и дело слышала разговоры взрослых о рабстве, эксплуатации детей, труде рабочих и подобных вещах. Однажды она сказала: «Я с детства оплакивала жизнь угнетённых». Особенно её волновали судьбы женщин, которых нищета толкнула на проституцию, – в результате эти женщины часто беременели и оказывались с детьми на улице.

В 1852 году, когда ей было двадцать четыре, Джозефин вышла замуж за Джорджа Батлера, учёного и оксфордского профессора, который был старше её на десять лет. Как и её отец, он был сторонником радикальных реформ. Их брак оказался идеальным союзом душ. После свадьбы Джозефин с супругом переехали в Ливерпуль. В середине XIX века найти в Ливерпуле бедняков не составляло никакого труда. В одном только работном доме содержалось пять тысяч человек. Джозефин помогала женщинам, которые щипали паклю: «Целыми днями они сидели в сырых, заплесневелых подвалах, где не было никакой мебели. Однако они приходили туда добровольно, движимые голодом и отчаянием, умоляя о куске хлеба и приюте хотя бы на несколько ночей».

В 1864 году пятилетняя дочь Батлеров, Ева, упала с лестницы и погибла. Джозефин парализовало горем. Она всегда была глубоко религиозна, но теперь замкнулась в себе, отвергая всякую поддержку и утешение.

Джозефин, как и большинство жителей Великобритании, не знала о том, что в том же году в парламенте рассмотрели закон «О заразных болезнях». Когда два года спустя она услышала об этом, потрясение помогло ей выбраться из депрессии.

Акт 1864 года «О заразных болезнях» был направлен на «предотвращение распространения заразных заболеваний в военных лагерях и на военно-морских базах». В армии наблюдался рост венерических инфекций, и возникали опасения, что военная сила может оказаться под ударом. В те дни подразумевалось, что болезни переносят именно женщины, и чтобы остановить распространение инфекции, надо контролировать проституцию. В теории идея была верной, но в Англии никогда не было легальных публичных домов. Женщины находили клиентов на улицах, а Акт уполномочил полицейских искать своих жертв там же.

В Лондоне появился добровольческий отряд полиции, который действовал под именем «полицейских-разведчиков». У этих мужчин было право арестовать любую женщину на улице по одному только *подозрению* в проституции, бросить её за решётку и вызвать врача, который подвергал

её вагинальному осмотру в поисках следов венерических заболеваний (Джозефин Батлер называла этот осмотр «хирургическим изнасилованием»). В те дни женщин среди медиков или полицейских не было, поэтому всё это проделывали мужчины, которые *вызвались на эту работу сами*, – и никаких свидетелей не требовалось. Если у женщины находили признаки венерического заболевания, её помещали в больницу для лечения. Если диагноз не ставили, ей выдавали справку о том, что она «чиста», но её имя сохраняли в полицейском архиве, и в любой момент её могли арестовать и повторить процедуру. В теории женщина давала письменное согласие перед первым осмотром, но на деле это было не более чем циничный фарс, поскольку в Акте говорилось, что женщин, отказавшихся от осмотра, следует держать в заключении, пока они на него не согласятся.

Этой чудовищной экзекуции могла подвергнуться любая женщина. В то время возраст согласия наступал в тринадцать лет, поэтому девочку-подростка могли счесть взрослой женщиной. Всё это касалось только представительниц рабочего класса, потому что женщины из высших слоёв общества никогда не появлялись на улицах в одиночку – они передвигались в экипажах или в сопровождении. Мужчин же не арестовывали и не досматривали, вне зависимости от класса, даже если заставали их с проституткой, – борьба разворачивалась только в отношении женщин.

Несправедливость и аморальность этого закона потрясла и возмутила Джозефин. Теперь у полицейских появилась возможность безнаказанно преследовать женщин, и она поклялась Господу и своему мужу, что бросит все силы на отмену этого Акта. Джордж был для неё идеальным супругом. В те дни мужья полностью контролировали своих жён. Предполагалось, что благодетельная женщина ничего не знает о проституции, сифилисе и тому подобных вещах, и уж тем более не говорит о них на публике. Джордж мог запретить Джозефин вести подобную деятельность – вместо этого он поддержал её.

Джозефин посещала собрания по всей стране, писала статьи и памфлеты, пыталась повлиять на членов парламента. Викторианское общество было поражено её резкими речами и откровенными описаниями «хирургического насилия над женщинами». Она заявляла, что осмотр с помощью влагалищного зеркала – это своего рода изнасилование, и прямо обвиняла полицейских, врачей, членов магистрата и парламента: «Такое безобразное обращение с женщинами – это медицинское проявление похоти и стремления держать нас в кулаке, чтобы мужчины могли

удовлетворять свои постыдные наклонности».

Подобные слова из уст образованной представительницы среднего класса шокировали общество, но одновременно и устыдили его, и в 1883 году Акт «О заразных болезнях» был исключён из законодательства Великобритании.

Нэнси не повезло родиться в семье бедной женщины из портового городка Саутгемптона. Девочка была старшей из пятерых детей, их отец умер, мать обстирывала гарнизон, а Нэнси таскала на спине бельё. Когда её арестовали, ей было тринадцать.

За ней начал волочиться один из соцработников. Его власть была безгранична, и как-то вечером он пристал к девочке.

– Зачем это ты таскаешься в порт?

– Я ношу стирку, сэр.

– А ещё зачем?

– И беру у них оплату, сэр.

– За что это?

– За стирку, сэр.

– И всё?

– Да, сэр, – Нэнси встревожилась.

– Дрянная девчонка, ты врёшь.

– Нет, сэр, неправда, – прошептала она.

– Маленькая дрянь, а ну пошли со мной!

Он потащил её по тёмной улице. Нэнси всхлипывала.

– Меня ждёт мама, мне надо домой…

– Знала бы твоя мать, чем ты занимаешься, она б тебя на порог не пустила!

– Я хорошая девочка, сэр, я ничем таким не занимаюсь! Вот мои три пенса за стирку, мама ждёт, когда я принесу деньги.

– Твоя мать постыдилась бы прикасаться к деньгам, если б знала, как ты их заработала!

В участке полицейский сунул перепуганную девочку за решётку.

– Жди здесь! – приказал он и удалился.

Согласно Акту о заразных болезнях, осмотр должен был проводить врач, поэтому его немедленно вызвали. Когда доктор пришёл, оба мужчины натянули перчатки: они были распалены и полны готовности выполнить всё, что требовал от них закон, и даже более того, если им этого захочется. Свидетелей не было, их присутствие не требовалось.

– Умеешь писать? – рявкнул врач. Нэнси кивнула, слишком напуганная,

чтобы говорить. – Тогда укажи тут своё имя.

Ей сунули бумагу с ручкой, и, сама не зная того, она подписала согласие на осмотр.

Полицейский схватил её и бросил на стол, задрал юбку и привязал подол к ножкам стола, закрыв девочке лицо, чтобы приглушить её крики и лишить её возможности видеть происходящее. Врач раздвинул ей колени и прижал их к груди, а после связал ноги девочки. Панталоны с неё сорвали. Нэнси в ужасе заметалась – хотя ноги её были скованы, ей всё же удалось оттолкнуться.

Она упала и повредила спину о край стола – от удара нижний позвонок сломался. Нэнси так и не восстановилась от этой травмы. Врач и полицейский с проклятиями затащили её обратно и привязали кожаным ремнём так, что она больше не могла двигаться.

После этого начался осмотр. Акт требовал, чтобы врач сперва проверил наличие характерных для гонореи выделений или бородавок, а также сифилитических язв на половых губах. При необходимости он мог ощупать вагину изнутри в поисках язв или других признаков венерических заболеваний. Мог использовать вагинальное зеркало и щипцы для осмотра шейки матки. Мужчины выполнили всё в полном объёме. У них ушло сорок пять минут на осмотр, который должен был занять не более двух-трёх минут.

В наши дни для такой процедуры по-прежнему используется стерильное вагинальное зеркало. В те дни оно представляло собой тяжёлый металлический инструмент длиной в пять-шесть дюймов[15], состоящий из двух частей. В сложенном состоянии это был круг около полутора дюймов[16] в диаметре, который вставляли в вагину, открывали на два-три дюйма[17] и укрепляли распоркой, чтобы осмотреть шейку матки. Гинекологическое зеркало XIX века было сделано из грубого, необработанного металла, и вряд ли кто-то трудился смазывать его перед осмотром.

Врач и полицейский несколько раз вставляли зеркало в бедняжку, поворачивая и вращая его. Они совали в неё пальцы. Потом пришёл черед других инструментов – например, длинных щипцов, которые они помещали ей во влагалище, якобы в поисках венерических заболеваний. Можете вообразить боль, которую чувствовала при этом тринадцатилетняя девочка? Неизвестно, изнасиловали ли они её после осмотра. Удовлетворившись, они развязали Нэнси.

– Она чистая, признаков болезни нет. Можно выдать ей справку. Давай,

подымайся, мы оформим тебе подтверждение, твоя родня будет довольна.

Бедная мать Нэнси оказалась бессильна. Жаловаться было некому. Если бы ей хватило храбрости обратиться в полицию, она пострадала бы сама. Мужчины действовали в рамках закона. Если бы они изнасиловали девочку, последствий бы не было, поскольку во влагалище уже побывало зеркало. Джозефин Батлер называла эту процедуру «хирургическим изнасилованием», и ей подверглись тысячи невинных женщин.

Мать Нэнси написала в Ассоциацию по борьбе с Актом «О заразных болезнях», и Джозефин Батлер лично приехала в Саутгемптон. Она посоветовала Нэнси немедленно покинуть город, потому что в противном случае её в любой момент могли схватить и подвергнуть повторному осмотру. Миссис Батлер пообещала найти для неё место – так Нэнси стала горничной юной Моники Джоан, мятежной дочери баронета.

– Её спина была повреждена, и несчастная с трудом ходила и всего боялась. Она прожила со мной одиннадцать лет и умерла от туберкулёза позвоночника.

Больше сестра Моника Джоан не говорила о Нэнси. Видимо, это воспоминание было слишком тяжёлым и болезненным для неё, даже спустя все прошедшие годы.

Меган-Мэйв

Меган-Мэйв были близняшками и достигли невиданных высот в мастерстве ворчания. Видимо, они коротали время в материнской утробе, жалуясь друг другу на тесноту, сырость, темноту и дурные запахи. Когда они вылезли на свет божий, крича и брыкаясь, то тут же начали критиковать яркий свет, шум и суматоху. Колыбелька их была то слишком жёсткой, то слишком мягкой, одежда – чересчур тесной или просторной, а еда то чрезмерно холодной, то чрезмерно горячей. Во время кормления (если их когда-либо кормили грудью) каждая из девочек наверняка хватала грудь сильными ручонками и яростно присасывалась, не отрывая чёрных немигающих глаз от своего двойника у другой груди, в мягких и нежных материнских руках. После еды они принимались жаловаться друг другу на колики и газы. Скорее всего, их не устраивало количество молока и общая скудость рациона, что не могло не сказаться на их состоянии в будущем. На протяжении жизни они отшлифовали своё мастерство и стали настоящими виртуозами своего дела – им удавалось найти изъян во всём вокруг.

Меган-Мэйв держали лавку овощей и фруктов на рынке на Крисп-стрит. Каждую неделю со среды по субботу они оглашали округу своими воплями – куда более звучными и агрессивными, чем у прочих продавцов. У них была пугающая привычка вперять взгляд в потенциального покупателя и вопрошать: «Ну?» Если не подозревающий об опасности человек медлил или терялся, они угрожающе перегибались через прилавок, сверкая чёрными цыганскими глазами, и ещё громче повторяли: «Ну? Чего изволите?» Если доверчивый потребитель полагал, что клиент всегда прав, его быстренько разубеждали. Меган-Мэйв никогда не уступали.

Удивительно, что они вообще что-то продавали, но, как ни странно, их лавка пользовалась огромной популярностью. К ним приходили самые разные женщины: с бигуди в волосах, в платках и домашних туфлях, с папиросами в зубах и детьми у подола, они толпились у прилавка, выслушивали бесконечные оскорбления и всё равно скупали всё подряд. Возможно, секрет успеха Меган-Мэйв заключался в том, что у них всё было на пенни-другой дешевле, чем у других. Впрочем, я видела их за работой, и мне казалось, что дело было не в этом. Обе женщины двигались с невероятной скоростью. Они могли взвесить фунт[18] моркови или репы,

бросить овощи в бумажный мешок, завязать его, посчитать, сколько будет стоить покупка с упаковкой, смерить покупателя взглядом и объявить: «С вас три шиллинга и семь с половиной пенсов», – прежде чем обычный человек успел бы набрать воздуха в лёгкие. Они виртуозно считали в уме и отличались сверхъестественной памятью, могли отбарабанить список в полтора десятков разных товаров вместе с ценами, посчитать сумму в шиллингах и пенсах (в шиллинге было двенадцать пенсов, а не десять), и никто не осмеливался им противоречить. Как-то раз я видела, как одна отважная дама пересчитала сдачу и сказала:

– Я дала вам десять шиллингов, вы должны мне три шиллинга и четыре пенса, а не два и одиннадцать.

Женщины выхватили у неё корзину, высыпали всё на прилавок, взвесили заново, выкрикивая цены и перебрасываясь цифрами, и в итоге заявили, что с покупательницы причитается семь шиллингов и один пенс, после чего сунули корзину ей в руки:

– Забирайте продукты, забирайте сдачу, два шиллинга одиннадцать пенсов, и больше здесь не появляйтесь! Нам такие покупатели не нужны.

Бедняжка удалилась, нервно пересчитывая монетки.

Возможно, большинство людей просто были заворожены энергией и самоуверенностью сестёр. Им не было равных. Язык каждой их них был острый, как бритва, но вместе они представляли собой опасное сочетание. Покупатели приходили, чтобы их оскорбляли, вынуждали покупать больше, чем они собирались, обсчитывали на пару пенсов и убеждали, что они отлично сэкономили.

Внешность у Меган-Мэйв была, мягко говоря, необычной. Казалось, что они попали сюда из другого века – и явно из другой страны. У них были тонкие черты лица, высокие скулы и чистая, хотя и смуглая кожа. Я уже упоминала, как устрашающе действовал на покупателей взгляд их чёрных сверкающих глаз. Обе были невероятно худыми, почти тощими, и при этом сильными и мускулистыми – крупные костлявые руки, длинные пальцы. Одевались они… Господи, как же описать их одежду? Стоит начать с того, что они выбирали совершенно одинаковые и довольно простые наряды, но всё равно выделялись в любой толпе. Меган-Мэйв носили старомодные бесформенные кофты, тёмно-коричневые или чёрные длинные юбки, подпоясанные широкими кожаными ремнями, на которых болталось по две-три связки ключей. Толстые фильдеперсовые чулки и старые бесформенные грязные ботинки. Особенно выделялись они своими головными уборами, без которых их никто и никогда не видел. Сёстры носили платки, так же, как и многие другие женщины, но так, что это

привлекало внимание: они низко надвигали их на брови и затягивали так туго, чтобы наружу не выбился ни один волосок. Узел на затылке завязывался настолько крепко, что, казалось, ткань вот-вот треснет. Иногда я гадала, не облысели ли они из-за какой-нибудь редкой болезни, но это оказалось ошибочным предположением. Одеждой и платками они напоминали неулыбчивых буддистских монахинь. Глядя на них, я вспоминала работу Хогарта, изображавшую двух нищенок в лондонских трущобах XVIII века, – казалось, что они обрели плоть и кровь на рынке на Крисп-стрит.

Меган-Мэйв были замужем. Утверждали, что перед свадьбой три воскресенья подряд оглашали о предстоящем браке Маргарет, старой девы этого прихода, но в амбарной книге в итоге расписалась Мэйвис. Возможно, дело обстояло наоборот – стоит ли доверять слухам! Как бы то ни было, обе отзывались на имя миссис М. Картер. Кто именно встал перед алтарём и поклялся любить, почитать и повиноваться, никто не знал, а тем более Сид, их избранник. Если у него и были какие-то иллюзии о природе этих старинных свадебных клятв, Меган-Мэйв успешно их развеяли. Сёстры повелевали, а почитать и повиноваться приходилось ему. В дни наивной юности Сид, возможно, и думал, что хорошо устроился и заполучил двух женщин по цене одной. Но жизнь научила его, что все выгодные сделки доставались только Меган-Мэйв, а остальным приходилось платить сполна. Это был хилый мужичок, пяти с половиной футов ростом и весом в семь стоунов[19]. Он вечно торчал на рынке и таскал ящики с яблоками, грушами, капустой и брюквой к лавке, где голосили его жёны. В отличие от прочих кокни, он никогда не шутил и не смеялся, не выпивал с другими торговцами, не участвовал в розыгрышах и не способен был, казалось, увидеть позитивную сторону жизни. Он никогда не улыбался, а просто таскал свои ящики и сундуки, порой чуть не падая под их весом: кепка надвинута на глаза, губы сжаты в тонкую прямую линию. Сид ни с кем не разговаривал и не приглашал никого к беседе. Когда торговля заканчивалась, он исчезал. Если и был у него любимый паб, место для прогулок или злачный уголок в порту, об этом никто не знал.

Когда Мэйв забеременела, все трое удивились. Они были женаты уже несколько лет, и брак считался, если выражаться в библейских терминах, бесплодным. Без детей им жилось неплохо. Сёстрам было уже тридцать восемь, и, узнав о беременности, Мэйвис сразу избрала для себя роль великомученицы. Бедняге Сиду приходилось нелегко. Жёны ворчали и беспрестанно цеплялись к нему, и он похудел ещё на стоун и выглядел так,

будто вот-вот исчезнет окончательно.

В Меган проснулся настоящий боец. Сама Мэйв стала тихой и мягкой, но энергия и агрессия Меган удвоились. Женщина обрела новый смысл существования. Не будет преувеличением сказать, что подготовка к родам стала целью её жизни. Она вдруг обнаружила, что Мэйвис уже много лет страдает от разнообразных немощей и недугов, причиной которых стали невыносимые жизненные условия, невнимание и невежество (остальных, разумеется, не самой Меган), но главное – врачебные ошибки. История болезней уходила корнями в самое детство, когда безграмотная акушерка («Которую стоило бы вздёрнуть», – возмущалась Мег), потянула за ручку Мэйв, младшую близняшку. Все видели, что у женщины, очевидно, не было никаких проблем с руками – она двадцать лет таскала по рынкам фрукты и овощи. Мег, однако, не смущало отсутствие доказательств.

– Да вы взгляните только на её *констуцию*! Всё ж дело в *констуции*! Ребёночком она недоедала, это ж кошмар был какой-то. Папаша наш пил, а от матери толку не было, она ему и слова поперёк молвить не смела. С недоедания всё и началось, и посмотрите на неё теперь – разве ж она перенесёт беременность? У неё ж никакой *констуции* нет!

Длинный перечень претензий к врачебному сословию воспроизводился при всяком удобном случае. Фраза «врачебная ошибка» была её любимой.

– Вены ж тугие! У неё тугие вены, видите? А они ещё всё испортили. Напортачили. Я про это читала, и всё надо было делать не так. Врачебная ошибка! Едва её хромой не оставили. Вы только посмотрите. Всё испортили. Вены теперь так и вздулись. Покажи-ка ноги, Мэйв.

Та послушно спускала чулки.

– Разве ж так должно быть? Если б ей вены тогда вылечили, они б теперь не надувались. Ох уж эти доктора! Я и то лучше разбираюсь! Ничего-то они не знают.

На следующий день наступала очередь «жёлтых камней».

– Вы только взгляните на неё. Всё желтеет и желтеет. Я говорю врачу, смотрите, она вся пожелтела, это *жёлтые* камни у неё. Сделайте что-нибудь, а не то я обращусь в медицинский совет. Но он даже не пошевелился. Для него гольф куда важнее…

Мег пристрастилась к чтению. Она обошла все лавки с подержанными изданиями и книжные ярмарки от Портобелло до Поплара в поисках старинных медицинских учебников. Большинство торговцев с радостью избавлялись от подобной устаревшей макулатуры, но Мег гордилась своей добычей и радостно тащила её домой. «Тут заключена вековая мудрость», – говорила она. Меган-Мэйв поглощали труды и приходили к

выводу, что всё, что говорят врачи, демонстрирует их глупость, невежество или обычную злонамеренность, а значит, им нельзя доверять.

Поскольку Мэйвис было уже тридцать восемь, медики велели ей рожать в больнице. Мег тут же открыла огонь:

– В больницу?! Не смешите меня. Скажите лучше – в тюрьму! Знаю я эти заведения. Вы меня не заговорите. Да там женщины мрут как мухи!

Напрасно все уверяли, что современные больницы не имеют ничего общего с лечебницами былых времён. Меган-Мэйв были непреклонны. Мег с умным видом извлекла из сумки пожелтевшую и отсыревшую книгу и смерила доктора презрительным взглядом.

– А на это вы что скажете? «Беременность суть естественное дело, и искусственная стимуляция тут не требуется. Мужчины не должны заниматься акушерством, это дело женщин». Что вы думаете, а, господин умник? Тут всё ясно, – и Меган торжествующе пихнула книгу доктору. – Почитайте-ка.

– Но это же «Трактат об акушерстве» доктора Коффина 1866 года! Медицина с тех пор шагнула далеко вперёд.

– Только вот не надо мне тут! Все вы одинаковые, знаю я вашу породу. Пренебрежение пациентками, вот что у вас там в больницах творится. Мэйв нужно особое обращение. Вы только посмотрите на неё. Слабая *конституция*, и всё из-за врачебных ошибок.

Мэйв сделала несчастное лицо и сжала губы:

– Это был кошмар.

– Кошмар, – повторила Мег, так же сжав губы.

Они закатили глаза и одновременно вздохнули:

– Ужас!

Доктор с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

– Так чего же вы хотите, если отказываетесь ложиться в больницу?

– Особого обращения, чего ж ещё? И самого лучшего.

– Я поговорю с сестрой Джулианной, старшей сестрой ордена Святого Раймонда Нонната. Это старинный орден, и акушерки работают тут со времён доктора Коффина. Возможно, сестра Джулианна согласится принять Мэйвис.

Сестра Джулианна обещала обеспечить Мэйвис дородовый уход и домашние роды, но сказала, что в связи с возрастом роженицы при процессе должен присутствовать доктор.

Мег тут же стала экспертом в вопросах беременности, дородового ухода и деторождения. Она штудировала труды Николаса Калпепера,

знаменитого фармацевта XVII века, прославившегося своими травяными снадобьями. Особенно её интересовало «Руководство по воспитанию здоровых детей» от 1651 года. На одном из развалов она обнаружила издание «Наставления акушеркам» Калпепера 656 года и была сражена: в этой книге автор безжалостно громил прочие учебники по акушерству. Такой подход как нельзя более импонировал Мег. Впрочем она упустила из виду признание самого автора в том, что он ничего не знает об акушерском деле, а следовательно, не может давать практических советов по данному вопросу.

Затем она открыла для себя «Акушерское искусство» 1671 года и начала вещать о лилиях, гиацинтах, водосборе, жасмине и цикламене, которые якобы облегчали роды и снимали боль. Корица и анис питали дитя в утробе матери, тмин и зира стимулировали лактацию, а на живот беременным следовало класть припарки из укропа и петрушки.

– Мудрость веков! – заявляла Мег с умным видом.

В 1950-е правила Центрального совета акушерок требовали, чтобы беременные женщины первые полгода посещали врача раз в месяц, с шестого по восьмой месяц – раз в две недели, а в последний – еженедельно. Но Меган-Мэйв этого было недостаточно. Они приходили каждую неделю, а то и чаще, поскольку у нас было две клиники – в Попларе и Миллуолле. Всякий раз они жаловались на очередное страшное заболевание, которое тут же надо было диагностировать, и очередная жалоба сопровождалась рассказом о новой книге или же пересказом новой главы из старой книги, из которой они узнали, что с Мэйвис что-то не так, – а невежественные и нерадивые врачи с акушерками ничего не заметили. Мол, последствия могли бы быть самыми чудовищными, если бы не неусыпная бдительность Мег.

Дело было во вторник, и день в клинике у Нон-натус-Хауса выдался тяжёлый – жара, духота, неприятные запахи. Я уже обследовала несколько десятков женщин, не все из которых предварительно помылись, вскипятила несколько десятков анализов мочи, чтобы проверить их на альбумин, каждый раз чуть ли не падая в обморок от вони, и пребывала на грани помешательства. В этот момент и появились Меган-Мэйв. В клинике дежурили четверо акушерок и одна из монахинь. Мы переглянулись и едва не застонали. Мой стол стоял ближе всего к двери и, к сожалению, я как раз была свободна. Меган-Мэйв уселись, и Мег без всяких околичностей рявкнула:

– А на это вы что скажете?

Она сунула мне книгу. Четыре чёрных глаза выжидающе уставились на меня. Платки были сдвинуты к бровям, на одинаковых лицах читалось недоверие, четыре руки лежали на столе, а четыре ноги крепко упирались в пол. Они пришли не с миром.

– Но Меган, я не знаю…

– Меня зовут не Меган!

– Ох, простите, – я зашуршала бумагами, чтобы выиграть время.

– Меня зовут Мег, полное имя Маргарет, и я попрошу вас это запомнить, девушка!

– Да, конечно. Что-то не так?

– *Салопишные* трубки завязались.

– Что?..

– *Салопишные* трубки. Вы глухая, что ли?

– Я слышу, но что это такое?

– Зовёте себя акушеркой, и даже не в курсе про *салопишные* трубки?

– Простите, я никогда не слышала о подобном.

Сёстры вздохнули и закатили глаза, всем своим видом выражая негодование.

– Кошмар!

– Невежество!

– Не слышали?

– Что за позор!

Они трясли головами, охали, закатывали глаза и цокали языками. Если бы вы увидели человека, который ведёт себя подобным образом, вы бы не сдержали улыбку, а уж в исполнении двух совершенно одинаковых сестёр это выглядело неописуемо смешно. Я поняла, что грядёт что-то интересное, и приободрилась.

– Просветите же меня, – попросила я.

– Теперь нам и акушерок наставлять придётся?

– Я только учусь, – ответила я скромно.

– Позор. И это называется национальной системой здравоохранения!

Они вновь закатили глаза и вздохнули, и мне пришлось впиться ногтями в ладонь, чтобы не рассмеяться.

– Ну что ж, раз вы ничего не знаете, стоит вам рассказать. Вот тут пишут про *салопишные* трубки.

Женщины открыла старую засаленную книгу на странице, где крайне примитивно были изображены женские половые органы. Мег ткнула в рисунок грязным пальцем.

– Вот это трубки, и у Мэйв они завязались.

Мэйв сделала несчастное лицо и застонала. Сестра взяла её за руку.

– От этого у неё всё болит.

– Не уверена, что понимаю, о чём вы…

– Так вы ж ничего не знаете, вот и не понимаете! Говорю вам, у неё *салопишные* трубки завязались и болят. Теперь понятно?

– Я знаю, что такое фаллопиевы трубы, но они не могут завязаться. Это невозможно.

– С чего это вдруг? Не придумывайте. Меня вы не надурите. Меня уже пытались обвести вокруг пальца, но мне хватает ума не поддаваться. Врачебные ошибки и надувательство! Мэйв удалили *пендикс*, когда ей было четырнадцать. Покажи шрам!

Мэйв послушно задрала подол.

– Видите, её неправильно зашили? Так трубы и завязались, и у неё с тех пор всё болит. Я б книжку могла написать о её страданиях. Целую книжку!

Сёстры вновь закатили глаза, и мне пришлось встать, чтобы хоть как-то совладать с собой. Трикси уже закончила работу и начала прислушиваться, почуяв веселье.

– Что у вас тут? – спросила она.

Мег изложила ей историю о *пендиксе, салопишных* трубках и врачебных ошибках, от которых пострадала Мэйвис, начиная с руки, повреждённой безмозглой акушеркой, раздутых вен, с которыми напортачил хирург, и *жёлтых* камней, на которые было совершенно наплевать врачу, и заканчивая беременностью и мучениями из-за перевязанных трубок.

Трикси считалась прямой и открытой девушкой, и ей недоставало такта.

– Не говорите ерунды, – заявила она.

Мег вскочила на ноги и сжала кулаки. Возможно, она бы ударила Трикси, если бы в этот момент к нам не подошла кроткая Рут.

– Тише, тише, что случилось?

– Она сказала, что я говорю ерунду!

Рут неодобрительно взглянула на Трикси, но та лишь пожала плечами:

– Ты ещё не слышала, в чём дело.

Рут повернулась к Меган-Мэйв.

– Простите, если наша сестра вас обидела. Уверяю, это больше не повторится. Расскажите, пожалуйста, что вас беспокоит? Мы вам поможем.

Сёстры ухватились за выдавшийся шанс и, синхронно жестикулируя и охая, закатывая глаза и пыхтя, снова пересказали историю бедствий Мэйвис, жертвы зловредных, безграмотных врачей.

Рут выслушала их с большим сочувствием, но в целом она явно недоумевала.

– Что мы можем сделать? – спросила она.

– У неё *салопишные* трубки завязались. Надо развязать, – авторитетно сказала Мег.

Рут выглядела так, словно не понимала, где оказалась.

– Фаллопиевы трубы, – прошептала я.

– А, теперь понятно. Но как они могли завязаться? – невинно спросила она.

– Говорю ж вам, тот хирург плохо зашил ей *пендикс* и завязал трубы, от того она и страдает все эти годы.

Рут опустила взгляд на распятие у себя на груди, и я заметила на её губах лёгкую тень улыбки.

– Я осмотрю Мэйвис, – сказала она тихо. – Пройдите за мной, пожалуйста.

Мег торжествующе взглянула на меня и бросила ненавидящий взгляд на Трикси. Мэйв разделась и легла на кушетку. Рут, опытная и профессиональная акушерка, осмотрела женщину, задала несколько вопросов, выслушала ответы и закончила обследование.

– Для тридцать второй недели беременности вы в превосходном состоянии, – сказала она. – Ребёнок развивается нормально, пульс хороший, и вы, Мэйвис, в отличной форме. Я послушала сердце, измерила кровяное давление, взяла у вас анализ мочи и вижу, что с вами всё в порядке. Если вас что-то беспокоит, полагаю, это изжога или газы. От этого страдают многие беременные.

– Изжога? А как же трубки? – вопросила Мег.

– Я как раз хотела об этом сказать, – спешно сказала Рут. – Я тщательно их обследовала и могу заверить вас – хотя во время неудачного хирургического вмешательства они могли завязаться, с годами они развязались сами. Природа – лучший целитель. Вам больше нечего бояться.

Цыганка Мег

Пациентки шли одна за другой. Любая акушерка расскажет вам, как это бывает – можно неделями жить себе спокойно, а потом вдруг рожениц оказывается больше, чем врачей. Некоторые винят в этом фазы луны, другие – местное пиво.

Трикси работала всю ночь. После родов в десять вечера и ещё одних в четыре часа утра она была совершенно вымотана, а впереди был целый рабочий день. После обеда ей удалось часок вздремнуть и немного прийти в себя, но вечерний обход дался ей нелегко. В девять вечера она залезла в горячую ванну со своими любимыми солями и с наслаждением представила, как скоро уснёт.

Раздался телефонный звонок. «Я тут ни при чём, – подумала Трикси, погрузилась поглубже и сделала воду погорячее. – Сейчас дежурит кто-то другой».

Через несколько секунд в дверь постучали.

– Трикси, ты там? – спросила Чамми.

– Да.

– Мне надо бежать. Покарауль пока что.

– Шутишь, что ли? Я не могу.

– Прости, но Синтия принимает роды, а у Дженнифер выходной. Так что осталась только ты.

– Это издевательство какое-то, – простонала Трикси.

– Что-что? В общем, я побежала.

Чамми ушла.

Усталый мозг Трикси отказывался осознавать происходящее. Она поняла, что может заснуть прямо в ванне и заставила себя вылезти, вытереться и дойти до постели, где тут же провалилась в глубокий сон.

Звонок раздался в половине двенадцатого. Обычно дежурная акушерка мгновенно просыпалась и бежала к телефону – подсознание не давало нам полностью отключиться. Но Трикси крепко спала. Постепенно настойчивые трели разбудили её, и она открыла глаза в некотором замешательстве – да собирается кто-нибудь брать трубку? И тут она вспомнила, как Чамми стучалась к ней в ванную.

Она в ужасе бросилась к телефону.

– Ноннатус-Хаус слушает, кто говорит?

– Очень вовремя, нечего сказать! Она ж помереть может, пока вы до телефона дойдёте! – рявкнула какая-то сердитая женщина на том конце провода.

Трикси потрясла головой, пытаясь сосредоточиться.

– Кто помирает? Что случилось?

– Да это у вас что-то случилось, я посмотрю, лентяйки вы этакие!

Трикси со стоном опустилась на деревянную скамью, но тут же взяла себя в руки.

– Пожалуйста, назовите имя и адрес, – сказала она на автомате, – и опишите, пожалуйста, как можно точнее, что у вас произошло?

– Это Мег из Майл-Энд, и у меня у сестры тут роды, Мэйв рожает. Приходите скорее.

Сознание Трикси начало проясняться.

– Но ей ещё рано рожать, впереди целый месяц.

– Вот только не надо мне тут! Быстро приходите, а не то я доложу вашему начальству, что вы отказали ей в помощи.

Теперь Трикси окончательно проснулась. Мэйв была на тридцать шестой неделе беременности. Преждевременные роды грозят осложнениями и могут быть опасными для ребёнка.

– Сейчас приеду.

Трикси поспешно натянула форму и прежде чем побежать за сумкой, постучалась к сестре Бернадетт, чтобы сообщить, что, по словам Мег, у Мэйвис начались преждевременные роды.

– Оцените ситуацию и сообщите мне, – распорядилась сестра. – Если это действительно так, её надо немедленно везти в больницу.

Трикси собрала сумку и пристегнула её к велосипеду. Ей предстояло проехать три мили[20], на улице моросило. Девушка с трудом шевелила ногами, и поездка на велосипеде казалась ей чем-то вроде подвига.

Добравшись до широкой улицы Майл-Энд, она принялась искать нужный поворот, но всё же проехала его и вынуждена была возвращаться. «Какое-то проклятие», – подумала она. Свернув в узкий переулок с одинаковыми домишками, она тут же увидела нужное жилище – в нём единственном горел свет. У двери её ждала Мег.

– Это значит «сейчас», да? Вы, что, сюда ползком добирались? Минут двадцать прошло!

Если Мег и предполагала, что ей удастся припугнуть Трикси, её ждало горькое разочарование.

– Если сможете доехать сюда на велосипеде быстрее – буду только рада. Хватит болтать, ведите меня к сестре.

В спальне было жарко и душно – окна были закрыты, а в камине пылал огонь. Мэйв лежала в постели и жалобно стонала, ухватившись за живот.

– Видите, плохо ей. Она уже пару часов такая. Что-то не то.

– Когда он уже родится? – простонала Мэйв. – Я больше не могу. Разрежьте меня и заберите его.

– Она больше не может! – поддакнула Мег. – Это кошмар какой-то. Ей это не по силам, у неё *констуция* слабая.

Трикси сняла плащ и села на кровать.

– Вы работать собираетесь? – требовательно спросила Мег.

– Я работаю, – ответила Трикси. – Мне надо оценить состояние роженицы.

– Состояние? Да какое ещё состояние, плохо ей! В книжке доктора Смели говорится, что её надо посадить на родильный стул.

– Родильный стул? Да где ж вы такого набрались?

– В этой книжке. Почитали бы. Вам это всё положено знать.

Трикси покосилась на потрёпанное издание.

– Всё это уже лет двести как устарело. Не забивайте себе голову вещами, в которых не разбираетесь. Стулья при родах уже давно не используются.

Мег подозрительно уставилась на Трикси.

– Это вы тупой меня сейчас назвали, что ли?

– Если и так, то это недалеко от истины. Всё, хватит препираться, мне надо работать.

– Вы нам не подходите. Пошлите за кем-нибудь поумнее.

– Больше никого нет. Я бы тоже хотела лечь спать, но все остальные заняты. Придётся вам терпеть меня. Теперь помолчите, мне надо осмотреть Мэйв.

Трикси откинула одеяло и начала пальпировать живот. Головка ребёнка находилась над лонным сочленением, но больше ничего нащупать не удавалось – повсюду чувствовались бугры. Она задумалась, склонив голову.

– Ну и что вы теперь собираетесь делать, госпожа Невежда?

– Послушаю сердечный ритм ребёнка, – холодно ответила Трикси, стараясь не поддаваться на провокации.

Она вытащила стетоскоп и приложила его к животу.

– Давайте уже, заканчивайте возиться. Она рожает, говорю ж вам.

– Помолчите! Я ничего из-за вас не слышу.

Мег закатила глаза, демонстрируя полнейшее недоверие к процедуре. Трикси насчитала сто двадцать ударов в минуту – сердце билось ровно.

Она встала, крайне довольная услышанным.

– С младенцем всё в порядке. Теперь мне надо задать вам несколько вопросов. Когда начались схватки, Мэйв?

– В десять вечера, – вмешалась Мег. – Ни с того ни с сего. Кошмар был какой-то.

– Я спрашиваю Мэйв, а не вас.

Трикси слишком устала. Она повернулась к роженице.

– Как часто идут схватки?

– Да они не прекращаются, – снова вмешалась Мег. – Сами не видите? Она страдает!

Тут и без того небольшой запас терпения Трикси окончательно иссяк.

– Замолчите и убирайтесь отсюда! Либо вы уйдёте, либо я. В таких условиях я ничего делать не буду.

Трикси рисковала и знала об этом – если бы она бросила женщину во время схваток, акушерку бы ждали самые неприятные последствия. Но блеф сработал: Мег покинула комнату.

Теперь можно было заняться Мэйв. Трикси пребывала в замешательстве – ситуация выглядела так, словно роды шли полным ходом, но схваток не было.

– Когда это началось?

– Часов в десять, – простонала Мэйв.

– И как часто приходят схватки? Вы замеряли время?

Мэйв выглядела оскорблённой.

– Всё время, вообще не прекращаются! Мег говорит, что доктор Смелли пишет…

– Неважно, что он пишет. Схватки не начинаются так внезапно и точно не идут без перерыва. Это невозможно.

Мэйв приняла мученический вид:

– Вы не понимаете, я умираю, а вам наплевать.

Она схватилась за живот и перевернулась на бок.

– Не валяйте дурака! – рявкнула Трикси. – Никто здесь не умирает. Я ещё ни одной схватки не видела.

– Да вы просто ничего не понимаете, вот Мег говорит…

– Не хочу ничего слышать. Когда вы в последний раз ходили в туалет?

– Что? – Мэйв обернулась и уставилась на Трикси.

– Что слышали. Когда?

– Не знаю, пару недель назад.

– У вас запор. А что вы ели на ужин?

– Крыжовенный пирог с кремом.

– Из зелёного крыжовника?

– Да, две порции.

– В этом всё дело. У вас болит живот, никакие это не роды. И ради этого вы вытащили меня из кровати! – Трикси была в ярости. – Вы понимаете, что я проработала без отдыха сорок часов подряд, а вы меня разбудили из-за какой-то ерунды? Я вам дам касторку, сделаю клизму, а дальше вы уже сами разбирайтесь.

Это была первая из множества ложных тревог. На протяжении следующего месяца Мег вызывала нас дважды в неделю. Иногда она посылала мужа, которому велено было сообщить о надвигающейся катастрофе. Бедняга! Сид мял в руках кепку, что-то бормотал, а глаза у него слезились от смущения. Мы вынуждены были тащиться к ним, чтобы лично удостовериться, что всё в порядке, но знали, что это будет бессмысленный визит. Мег не просто не выказывала никакой благодарности – она даже не пыталась держаться вежливо. Вместо этого она твердила, что мы ничего не понимаем, и лучше б мы почитали книги. Она советовала держать Мэйв в тёмной комнате с повязкой на животе и уточняла, есть ли у нас питьё для больных[21], соляная свеча и родильный стульчик. Мэг рассказывала, что доктор Якоб Руфф в своей книге «Опытной акушерке» (изданной на латыни в 1554 году, но она раздобыла английский перевод) пишет, что пуповину надо перерезать особым ножом, который благословил епископ, и ежели это мальчик, то пуповину следует оставить длинной, потому что тогда у него будет длинный пенис. Сложно было реагировать на всё это всерьёз, и доктора Смелли, Руфф и Коффин стали постоянными комическими персонажами в наших застольных разговорах.

Однако Мег, сама того не желая, оказала нам большую услугу, и я таким образом много узнала о том, в каких ужасающих условиях рожали женщины в прошлые века.

Сид вновь стоял у нас на пороге. Рынок только что закрылся, и мужчина ещё был в рабочей одежде. Он стеснялся своего вида и не отваживался войти. Сунув Трикси записку, он пробормотал: «Мег говорит…» После чего печально покачал головой, бросил напоследок умоляющий взгляд и ушёл.

Дело было после обеда, мы только что закончили утренний обход, пациенток было немного, и мы устроились в гостиной, намереваясь приятно провести время. Но тут в комнату ворвалась Трикси с запиской в

руках.

– Я не пойду. Это опять наше исчадие ада.

Синтия подняла взгляд от книги.

– Расскажи это сестре Джулианне.

– Но у неё же опять ложные схватки!

– Возможно. Но сейчас твоё дежурство, и отказывать нельзя.

Трикси шумно вздохнула, признавая своё поражение перед лицом фактов.

– В общем, я только загляну и сразу уйду.

Она мрачно преодолела уже знакомую дорогу к Майл-Энд. У входа в дом её поджидала Мег.

– А, это снова вы?

– Да, к сожалению.

– Надеюсь, что в этот раз вы знаете, что делать, потому что моя сестра рожает, и нам тут халтурщики не нужны.

– На себя посмотрите, – отрезала Трикси и отправилась в спальню.

Там было темно, поэтому она сразу же отдёрнула занавески. Комнату залил солнечный свет.

– Что вы делаете! – воскликнула Мег.

– Мне надо видеть, что происходит.

– Это опасно.

– Это мне опасно работать вслепую.

– Женщина во время родов должна быть в тёмной комнате!

– Чушь.

– Не смейте со мной так разговаривать!

– Буду, если не прекратите болтать ерунду. Так, я пришла к Мэйв, а не к вам.

Акушерка приблизилась к кровати. Мэйв выглядела вполне спокойно.

– Мег просто переволновалась. У меня тут с час назад немножко поболело, но уже всё в порядке, так что можете идти.

Трикси скрипнула зубами.

– Слишком уж часто вы кричите: «Волки!»

– Это вы про что?

– Если будете продолжать в том же духе, то в следующий раз, когда вам правда понадобится помощь, мы не поверим вам и не придём.

– Это уже халатность! – гаркнула Мег.

– Сами будете виноваты.

Женщины задохнулись от возмущения.

– Позор! Вам на всё наплевать! Кому теперь верить!

Не обращая внимания на крики, Трикси присела на край кровати.

– Мне надо вас осмотреть, а потом я уйду. Ложитесь на спину, пожалуйста.

Она ощупала живот и обнаружила, что ребёнок лежит головой вниз – это указывало на то, что роды произойдут скоро, хотя и не обязательно начнутся прямо сейчас. У младенца сильно билось сердце – пульс ощущался в нескольких местах сразу. В этот момент матка напряглась, и Мэйв застонала. Трикси замерла, не убирая руку с живота роженицы, и вытащила часы. Напряжение ослабло через пятьдесят секунд.

Мэйв хотела что-то сказать, но Трикси перебила её:

– Вы не могли бы сделать чашечку чаю? Мэйв сейчас надо что-нибудь попить.

Мег, проворчав, что она не служанка, вышла из комнаты.

Трикси молча сидела на кровати. Десять минут спустя началась ещё одна схватка, чуть сильнее первой.

– У вас идут схватки, Мэйв, и сейчас всё по-настоящему. Ваш ребёнок родится сегодня.

В спальню вошла Мег с чаем.

– У меня схватки, Мег! Наш малыш скоро родится!

Мэйв выглядела непривычно оживлённой, но Мег, услышав это, побледнела. Чашки в её в руках так зазвенели на блюдцах, что чуть не оказались на полу.

– Мне надо сбегать в телефонную будку и позвонить сестре Бернадетт, – сказала Трикси.

– Никуда вы не пойдёте! Это халатность! – закричала Мег.

– Халатность будет, если я не пойду. Вернусь до следующей схватки. Вы пока что пейте чай и обсуждайте мой непрофессионализм.

Сестра Бернадетт сказала, что немедленно приедет. Женщина, которая впервые рожает в тридцать восемь, требует особого обращения. Мэйв категорически рекомендовали рожать в больнице, но та отказалась. Необразованные представительницы рабочего класса в те дни так боялись клиник, что побороть этот страх было невозможно. Больницы по-прежнему виделись им жуткими изоляторами, переделанными из бывших работных домов. Если бы Мэйв всё же отвезли в клинику, она была бы так напугана и напряжена, что подобный стресс помешал бы родам. Поэтому в качестве компромисса были выбраны домашние роды в присутствии опытной акушерки и, по возможности, врача.

Трикси вернулась в спальню, и обнаружила, что там снова воцарилась тьма. Она направилась к окну, но Мег преградила ей путь.

– Ей надо быть в тёмной комнате.

– Не надо.

– Надо! В книге пишут…

– Мне плевать, что там пишут. Я здесь главная, а не вы.

За этим последовала некоторая возня, но наконец занавески были отдёрнуты, и в комнату проник свет. Мэйв сидела в постели и выглядела вполне довольной, но Мег в панике кружила вокруг, бормотала что-то под нос и бросала на Трикси недовольные взгляды.

– Если вы допили чай, унесите посуду, – сказала Трикси. – Мне надо приготовить инструменты для родов.

Мег забрала у Мэйв чашку с блюдцем, заглянула в неё и вдруг ахнула, побледнела и задрожала. Чашка выпала у неё из рук и раскололась.

– Нет, нет, нет!.. – простонала Мег и привалилась к шкафу, с трудом держась на ногах. Трикси схватила её за руку.

– Держитесь! Что случилось?

Мег не могла вымолвить ни слова.

– Выйдите отсюда.

Трикси повела её к двери. Женщина выглядела совершенно убитой и повисла у неё на руке. Наконец она обрела голос:

– Это дурное предвестье.

– Что?

– Чаинки. А потом чашка разбилась. Плохо, очень плохо. Хуже я и в жизни не видала.

– Да о чём вы?

– Они никогда не врут. Никогда.

– Кто не врёт?

– Это дурной знак, говорю вам. Чаинки никогда не врут.

В этот момент появилась сестра Бернадетт – она осмотрела Мэйв и сказала, что врач придёт, как только закончит операцию. Вагинальный осмотр показал раскрытие на два пальца и лицевое предлежание. Сердечный ритм был в норме, мать – расслаблена и бодра: Мэйв сейчас выглядела веселее, чем во время беременности.

Мег, напротив, совершенно сломалась. Она маячила в дверях, всхлипывала, а цвет её лица напоминал цвет страниц из её старых книг. Когда у Мэйв начиналась схватка, Мег стонала, закатывала глаза и выглядела так, словно сейчас упадёт в обморок.

– Она умрёт, она от этого умрёт, – причитала Мег. – Она не вынесет. У неё слабая *констуция*. Сделайте же что-нибудь, помогите ей. Я видела дурной знак.

Сестра Бернадетт тихо, но строго велела ей покинуть помещение. Мег заголосила, но на этот раз Мэйв её не поддержала. Она взглянула на сестру Бернадетт, кивнула и сказала:

– Иди, Мег. У меня всё будет хорошо.

Роды шли своим чередом. Сестра Бернадетт и Трикси выжидали и наблюдали. Сестра прочла вечернюю молитву. Шло время. Врач пришёл, отметил, что всё в порядке, и сказал, что у него ещё несколько вечерних визитов, и он вернётся позже. Трикси проводила его к выходу.

Возвращаясь через гостиную, она услышала странные звуки, доносящиеся из кухни, и заглянула туда. Кухня была залита странным жёлто-зелёным светом. Из печки шёл дым, а Мег была наряжена в длинные зелёные одежды. На голове у неё красовался зелёный платок, низко надвинутый на лоб. Лицо её побелело, под чёрными глазами обозначились круги. Она была так поглощена происходящим, что не заметила Трикси.

Цыганка Мег раскладывала карты. Она тщательно тасовала колоду, медленно доставала четыре карты, после чего вновь принималась тасовать.

– Смерть! – бормотала она. – Я вижу смерть! Гроб! Могилу! Морг!

Она перемешала карты.

– То же самое. Всё время одно и то же. Карты не лгут.

Женщина опять перетасовала карты, выложила на стол четыре и медленно, осторожно сняла колоду. Кожа её так побледнела, что казалась зелёной.

– То же самое. Сначала чашка, потом карты. Они не врут. Смерть! Смерть!

Она уронила голову на руки, и карты разлетелись по полу.

Мама Мег

В комнате, где проходили роды, царила благостная атмосфера. Сестра Бернадетт производила впечатление крайне серьёзной дамы – не старше тридцати пяти, глубоко религиозна, и служба в монастыре делала её совершенно счастливой. Кроме того, она являлась высокопрофессиональной медсестрой и акушеркой. Она излучала уверенность, спокойствие и готовность решить все проблемы, что невероятно успокаивающе действовало на её пациенток. Мэйв совершенно преобразилась. От мученического вида не осталось и следа, глаза светились, и она, кажется, пребывала в восторге. Схватки шли регулярно, каждые десять минут. Сестра дала ей порцию касторки, а Трикси побрила её и поставила клизму (в те дни это было обязательно).

Доктор вернулся в девять вечера и согласился, что теперь ему стоит остаться. Хотя врачи общей практики и не обучались акушерскому делу, акушерки в случае необходимости обращались именно к ним. Более того, во время учёбы студенты половину необходимого срока практиковались в больнице под наблюдением квалифицированного акушера, а остальное время принимали роды под руководством фельдшеров и акушерок вроде нас. Поэтому врачи общей практики, если только у них не было специального опыта, зачастую знали о родовспоможении меньше нас. Порой это приводило к конфликтам, особенно если акушерка была не согласна с мнением доктора. Но нам повезло: сёстры Святого Раймонда Нонната так долго и успешно работали в Ист-Энде, что их уважали все окрестные медики.

Мэйв дали дозу хлоральгидрата, и в перерывах между схватками она дремала. В одиннадцать вечера отошли воды. Сестра приготовилась к вагинальному осмотру, но при следующей схватке стала видна головка младенца. Она велела Трикси вымыть руки и принять ребёнка.

Вторая стадия родов прошла на удивление быстро. Мэйв было почти сорок, и это была её первая беременность, но она пребывала в расслабленном, спокойном состоянии, мышцы матки работали хорошо, а промежность растянулась без каких-либо проблем. Понадобилась всего лишь пара схваток, и головка младенца показалась на свет. Сестра Бернадетт улыбнулась Мэйв, которая доверчиво взглянула на неё.

– Сейчас будет новая схватка и надо, чтобы вы не тужились.

Сосредоточьтесь и дышите, потому что нам надо, чтобы головка ребёнка появилась медленно.

Мэйв держалась великолепно. Мы ожидали, что во время родов она будет вести себя безобразно и не будет никого слушать, но всё оказалось совсем не так. Со следующей схваткой головка вышла полностью. Трикси дождалась, пока она повернётся, и через несколько мгновений показалось плечо, и младенец наконец родился.

– Это девочка.

– Слава богу, – сказала Мэйв. – Не люблю мальчиков.

Малышка завопила во всё горло, и Мег просунула голову в дверь. На ней по-прежнему было странное зелёное одеяние, и она буквально пожирала нас глазами. Её траурный вид резко контрастировал с сияющей улыбкой Мэйв.

– Мы же хотели дочку, Мег!

– Она умрёт. Я всё видела.

– Не говорите так, – рассердилась сестра Бернадетт.

– Черви да могила. Карты не врут.

– Выйдите, вам нельзя здесь находиться, – заявила монахиня.

– Никогда не врут.

– В жизни не слышала подобной чуши! Уходите немедленно.

Мег закатила глаза, отчего стала выглядеть ещё чуднее обычного.

– Черви и гробы, – сообщила она напоследок и удалилась, печально качая головой.

Если Мэйв и слышала эти мрачные предзнаменования, то не обратила на них ни малейшего внимания, поскольку в этот момент обнимала свою дочь. На её лице читались изможденье и ликование.

Пуповину зажали и перерезали, и сестра взяла девочку, чтобы осмотреть и взвесить её. Это был крохотный младенец – всего четыре фунта и двенадцать унций[22], но на вид она была совершенно здоровой и развитой. Трикси оставила сестру заниматься ребёнком и сосредоточилась на третьем этапе родов. Схваток не было. Подождав десять минут, Трикси решила помассировать дно матки, чтобы простимулировать её. На ощупь матка была бугристой. В этот момент она заметила какое-то шевеление под стенкой, как будто кто-то толкнул её изнутри. Она положила руку на живот Мэйв, и шевеление повторилось.

– Сестра, мне кажется, здесь ещё один младенец, – сказала она.

Врач и сестра Бернадетт в мгновение ока оказались у кровати.

– Теперь понятно, почему первый ребёнок такой маленький, – сказала сестра, ощупывая матку. – Вы совершенно правы, и, по-моему, там

поперечное положение. Передайте мне стетоскоп, пожалуйста.

Она прислушалась. Сердце билось глубоко внизу, под лобковой костью – часто, но размеренно. Сестра насчитала сто сорок ударов в минуту. Она попросила врача подтвердить положение ребёнка – он ответил, что не уверен, но полностью полагается на суждение сестры. Тем не менее он в любом случае советует позвонить дежурной группе и срочно везти Мэйвис в больницу.

Вплоть до этой секунды Мэйв ни о чём не тревожилась и была совершенно спокойна, но услышав слово «больница», она буквально взвыла от ужаса. В комнату ворвалась Мег.

– Что вы там с ней делаете? – визгливо вопросила она.

– Они хотят меня упечь в изолятор!

– Только через мой труп.

– Это не изолятор, – принялся объяснять врач. – Это современная клиника, где Мэйв получит самое лучшее лечение.

– Она же не выйдет оттуда живой. Или вообще не выйдет. Я-то знаю, что в таких местах творится. Они хватают людей вроде нас с Мэйв, и больше их уже никто не видит. *Сперименты* на них ставят.

Мэйв была близка к истерике. Она всхлипывала и твердила, что никуда не поедет. Мег покровительственно обняла её. Сестра измерила пульс Мэйв. До этого он был совершенно нормальным, но теперь взлетел до пугающих ста десяти ударов в минуту.

– Если так будет продолжаться, ребёнок может пострадать, – заметила сестра. – Надо приготовиться к домашним родам. Тебя никто не повезёт в больницу. А Мег надо покинуть комнату. Я не готова принимать второго малыша таким образом.

Мег закатила глаза.

– Я ж говорила. Это дурной знак был… Чаинки… И карты. Умрут они. Запомните мои слова.

Сестра Бернадетт вытолкала её из комнаты и вымыла руки. Она была совершенно спокойна и сосредоточена.

– С того момента, как родился первый ребёнок, схваток не было. Если плод лежит поперёк, это нам на руку. Для начала я хочу уточнить, в каком он положении, а затем понять, отошли ли воды. Если матка неактивна, а пузырь цел, то младенца, скорее всего, можно повернуть в более удобное для родов положение. Сестра, проверяйте сердечный ритм плода каждые несколько минут.

Трикси послушала и сообщила, что ритм сохраняется – сто сорок ударов в минуту. Сестра произвела вагинальный осмотр.

– Да. Плодный пузырь давит на внутренний зев – отлично, – но какой стороной повёрнут ребёнок, я не понимаю. Точно не головой. Возможно, это тазовое предлежание, но я не уверена. Главное, не переборщить… запомните это, сестра. Так можно порвать мембрану, а если рука малыша попадёт в родовые пути, то вагинальные роды будут уже невозможны.

Сестра вытащила руку и сняла перчатки.

– Попробую снаружи. Может, вы хотите, доктор?

Врач покачал головой.

– Лучше уж вы.

Сестра Бернадетт кивнула.

– Какой пульс?

– Чуть повысился, сто пятьдесят ударов.

– Да. Теперь, Мэйвис, лежи спокойно и расслабься. У тебя же ничего не болит?

– Нет.

– Мне надо повернуть твоего ребёнка, и для этого я сильно надавлю тебе на живот. Надо, чтобы ты глубоко дышала и не напрягала мышцы.

Хорошо?

Мэйвис кивнула и улыбнулась. Когда угроза попадания в больницу растаяла, она совершенно успокоилась, и пульс у неё упал до ровных семидесяти двух ударов в минуту.

– Внимательно следите, сестра, чтобы знать, что делать в подобных ситуациях.

Трикси изо всех сил надеялась, что никогда больше не попадёт в подобную ситуацию.

– В правой подвздошной впадине голова… Пощупайте – я права?

Акушерка кивнула, хотя никакой головы не почувствовала.

– А здесь ягодицы, чувствуете?

Трикси неуверенно кивнула.

– Вроде бы да.

– Хорошо. Я не знаю, лежит ли ребёнок спиной вверх или вниз. Вы говорите, что видели, как он пинается. Где именно? Покажите.

Она продемонстрировала.

– Хм. Понятнее не стало. Теперь я хочу, чтобы младенец свернулся в клубочек, и тогда его будет удобнее поворачивать.

Сестра положила руки туда, где, по её мнению, находились ягодицы и голова, и медленно стала их сжимать.

– Есть… пошёл… Он сворачивается. Голова прижимается, и спина выгибается под дном матки. Отлично! Пощупайте. Чувствуете разницу?

Трикси пощупала, но не заметила никаких отличий. Врач тоже приложился к животу и одобрительно кивнул.

– У вас просто золотые руки, сестра, – пробормотал он.

– Теперь я поверну плод, причём так, чтобы он как бы обернулся вокруг собственного носа. Четверти круга хватит, и тогда он выйдет головой вперёд. Мэйв, будет больно, но ненадолго. Постарайся расслабиться.

Сестра Бернадетт, опытная акушерка, нажимая большим пальцем правой руки под голову младенцу, а пальцами левой – под ягодицы, медленно, но уверенно осуществила поворот плода. Ребёнок повернулся.

– Теперь голова прямо над лобковой костью… чувствуете?

К собственному удивлению Трикси вдруг поняла, о чём речь, и с энтузиазмом закивала.

– Чтобы убедиться, что она тут и останется, подержите здесь… крепче… и придерживайте ягодицы второй рукой. Иногда после поворота плод возвращается в прежнюю позицию. Я проколю пузырь, чтобы голова начала выходить. Обычно это удобно делать пинцетом.

Сестра вновь вымыла руки и проколола пузырь. Околоплодная жидкость хлынула на кровать.

– Пока что надо проверить место родничка, так мы поймём, как он лежит… отлично! Головка уже продвинулась. Просто идеально. Теперь нам нужно несколько хороших схваток, и второй ребёнок родится.

Она улыбнулась Мэйвис, и та заулыбалась в ответ.

Шли минуты. Сестра взглянула на часы.

– С рождения предыдущего малыша прошло двадцать пять минут, и схваток больше не было. Сердечный ритм плода растёт. Нельзя, чтобы так продолжалось дольше получаса.

Трикси не ожидала осложнений. Она понятия не имела, что ответить и пробормотала что-то насчёт того, что матери надо отдохнуть.

– Чушь! – рявкнула сестра Бернадетт. – Вас что, ничему не учат? Смотрите внимательно, опыт – лучший учитель. Однажды вы можете оказаться в такой ситуации, и вам некому будет помочь.

Одна мысль о подобном приводила Трикси в ужас, и она промямлила:

– Да, сестра.

– Нельзя позволять матке расслабляться слишком надолго, это рискованно и для матери, и для ребёнка. Мы не знаем, в каком состоянии плацента, а это источник жизни для плода. Если это однояйцевые близнецы… что это значит, сестра?

– Это значит, что они развились из одной яйцеклетки.

– Правильно. В этом случае после рождения первого малыша плацента

может отделиться от стенки матки, пока второй ещё находится в утробе. Продолжать, думаю, не стоит.

Сестра намекала на то, что Мэйвис прекрасно слышит этот диалог, и предпочла, чтобы та не знала: если плацента однояйцевых близнецов отделяется после рождения первого и до рождения второго младенца, второй лишается кровоснабжения и погибает в утробе. Более того, мать в этом случае может умереть от кровопотери, поскольку сокращения мышц матки контролируют кровотечение во время третьей стадии родов. Если второй плод всё ещё находится в матке, это мешает завершению процесса, и плацентарная площадка начинает кровоточить.

Сестра снова попросила Трикси измерить пульс плода. Он по-прежнему держался на отметке сто шестьдесят.

– Удовлетворительно. Теперь я собираюсь стимулировать матку. Есть три простых способа. Назовите их.

Трикси ничего не приходило в голову.

– Возмутительно! Чему вас вообще учат? У вас же были лекции по близнецам?

– Кажется да, сестра.

– Вам кажется! Надеюсь, что вы не спали на занятиях.

– Что вы, никогда, – неубедительно заверила её Трикси.

– Уж надеюсь! Мы можем стимулировать сокращение шейки матки, проколов околоплодный пузырь. Это я уже сделала, чтобы головка продвинулась после поворота плода. Однако схваток это не вызвало. Во-вторых, мы можем помассировать дно матки, как мы делаем, чтобы перейти к третьей стадии родов.

Сестра энергично помассировала живот Мэйв, но желаемого эффекта не достигла.

– Если эти два способа не срабатывают, мы можем приложить первого ребёнка к груди. И что произойдёт, сестра?

Трикси боялась услышать новый вопрос, но этот оказался особенно ужасным. Она сглотнула и покачала головой.

– Как вы, разумеется, знаете, задняя доля гипофиза выделяет гормон под названием питуитрин.

Трикси кивнула, стараясь изобразить знающий вид.

– Питуитрин, как вам известно, участвует в процессе лактации.

– Конечно, сестра.

– Опишите, пожалуйста, роль питуитрина для лактации.

«Кто меня тянул за язык…» – с горечью подумала Трикси.

– Поскольку вы, очевидно, не в курсе, я вам объясню. Когда младенец

стимулирует сосок, это активирует заднюю долю гипофиза, которая начинает выделять питуитрин, и он воздействует на гладкие мышцы, окружающие молочные железы и протоки. Это приводит к выделению молока. Но кроме этого – запомните, – питуитрин стимулирует сокращение мышц матки.

Сестра Бернадетт положила девочку на грудь матери, но малышка была слишком слаба и не сосала.

– Прошло уже полчаса с рождения первого ребёнка. Матка может оставаться инертной часами, и всё это время риск для матери и ребёнка растёт. В этот момент требуется врачебное вмешательство.

Тем временем врач распаковывал свой чемоданчик и выкладывал лекарства, шприцы и инструменты, включая акушерские щипцы.

– Что нужно в первую очередь подготовить для медицинского вмешательства?

Трикси, вновь оказавшись в центре внимания, оглядела инструменты.

– Щипцы, наверное.

– Чушь. Щипцы будут *последним* инструментом, который мы применим. Для начала нам надо добиться сокращения матки. В прошлом для этого использовали хинин, но сейчас это не рекомендуется. Как вы, возможно, помните, существует синтетический аналог питуитрина – питоцин. Это гораздо более надёжное и безопасное средство. Полагаю, доктор собирается использовать именно его.

Сестра Бернадетт посмотрела на врача.

– Именно так, сестра. Я готовлю маленькую дозу – четверть миллилитра – для внутримышечной инъекции. Если мышцы матки не среагируют, процедуру можно повторять каждые тридцать минут в течение двух часов. Но я надеюсь, что после первой инъекции мы увидим результат.

– Питоцин обычно работает, – продолжала сестра, – но для него есть ряд противопоказаний. Назовите их.

Трикси вновь оказалась под огнём. Она отчаянно пыталась вспомнить лекции, но так устала, что ей ничего не приходило в голову.

– Ну же, сестра. Так не пойдёт. Питоцин нельзя использовать, если стимуляция матки может оказаться опасной для матери или ребёнка. Во-первых, диспропорция: если вы видите, что таз слишком узкий или искривлённый, как это бывает при рахите, и плод не может опуститься, питоцин принесёт только вред. Далее, неправильное положение плода, обратное или косое. Если питоцин даётся слишком рано, до того, как сделан наружный поворот, ребёнок будет сдавлен. Наконец, надо

учитывать состояние плода. Какое в этом случае противопоказание для использования питоцина, сестра?

Наконец-то у Трикси был ответ.

– Сердце!

– Превосходно. Состояние плода можно определить по пульсу. Замерьте его, пожалуйста, ещё раз перед уколом.

Трикси опять послушала пульс.

– Пульс сто семьдесят, сестра, и довольно ровный.

– Это неплохо, именно потому, что он ровный. Следует беспокоиться, если сердечный ритм становится рваным. Думаю, мы готовы, доктор.

Врач ввёл четверть миллилитра питоцина, и все застыли в ожидании. Мэйвис было тепло и спокойно, и она уснула. Медики были встревожены. Сестра сидела, положив руку на верх живота роженицы, но схваток не было. Она два раза измерила пульс – результат был тем же и даже выше. Прошло полчаса. Она посмотрела на врача.

– Думаю, теперь я введу тридцать миллилитров, сестра, – сказал он.

Сестра Бернадетт кивнула. Они вновь принялись ждать. Сердце ребёнка билось быстро, слишком быстро, и сестра тревожно кусала губы. Прошло ещё двадцать минут. Схваток не было. Сестра Бернадетт и врач переглядывались, и Трикси чувствовала, как растёт напряжение.

Потом она рассказывала, что всё произошло одновременно: мощное сокращение матки, и тут же – поток крови из вагины, пинта[23] или даже больше.

– Плацента отделилась, быстро дайте мне внутриутробный стетоскоп! – в панике воскликнула сестра Бернадетт. Мэйвис проснулась, и сердце плода стучало так быстро, что сестре никак не удавалось посчитать пульс.

– Надо немедленно извлекать младенца. Мэйвис, сдвиньтесь к изножью кровати. Не обращайте внимания на кровь, просто сползите и поднимите ноги к груди. Сестра, удерживайте ноги в литотомическом положении.

Обезболивающего не было. Даже для укола петидина было слишком поздно. Мэйвис предстояло вытерпеть. Газовоздушная анестезия могла бы облегчить её страдания, но всё равно это нельзя было назвать полным обезболиванием.

Сестра вновь потянулась за стетоскопом Пинара. Пульс опустился до пугающих восьмидесяти ударов в минуту.

– Нельзя терять ни минуты, – прошептала она.

Врач ввёл два пальца в вагину, стараясь максимально растянуть промежность, после чего разрезал её ножницами для эпизотомии. Мэвис издала душераздирающий вопль, и в комнату ворвалась Мег. Увидев

сестру, лежащую с задранными ногами в луже крови, она закричала: «Убийцы!» – и подскочила к кровати. Она попыталась наброситься на врача, но сестра Бернадетт схватила её за плечи. Мег кинулась на неё, словно тигрица, и отвесила ей такую пощёчину, что бедная монахиня отлетела к стене.

– Если вы вмешаетесь, Мэйвис умрёт. Выбора нет. Можете не верить, но мы знаем, что делаем. Мы работаем, чтобы спасти и мать, и ребёнка. Если вы нам помешаете, ваша сестра погибнет.

Мег непонимающе уставилась на неё. Слова сестры Бернадетт так потрясли её, что она утихла.

– Если вы хотите помочь, а я знаю, что хотите, держите эту маску над лицом сестры… удерживайте её над носом и ртом. Поверните ручку на максимум и тихо говорите с Мэйвис, старайтесь её успокоить.

Ей больно, но если вы будете меня слушаться, то очень ей поможете. Вы ей нужны. От этого зависит её жизнь.

Мег успокоилась и занялась анестезией. Оказалось, что самой лучшей идеей было привлечь её к делу.

Сестра Бернадетт послушала пульс плода. Он упал до шестидесяти ударов в минуту и был слабым и неровным. Врач ввёл в вагину ветвь щипцов и тихо сказал Трикси:

– Что бы ни произошло, держите её ноги, она не должна шевелиться.

Трикси дрожала, её тошнило, но она всем весом налегла на ноги Мэйв.

– Сестра, внутренний зев всё ещё полностью открыт, слава богу, но головка по-прежнему за тазом. Можете надавить на дно матки, чтобы попробовать немного опустить ребёнка? Нельзя терять время.

Сестра нажала на живот Мэйв двумя руками и надавила со всех сил. Из вагины хлынул поток крови и мекония и забрызгал врача с ног до головы, но тот не обратил на это ни малейшего внимания.

– Быстро. Головка немножко опустилась. Сильнее.

Сестра надавила ещё, и у Мэйв начались схватки. Врач ввёл ещё одну ветвь щипцов по другую сторону головки ребёнка. Из-под маски были слышны сдавленные крики Мэйв, но Мег с мрачным видом продолжала удерживать маску на месте.

Врач медленно и аккуратно потянул за щипцы, в то время как сестра Бернадетт продолжала давить.

– Держите ноги, – тихо сказала она Трикси. – Ей нельзя двигаться.

Трикси потребовалось приложить все силы, чтобы удержать Мэйв на кровати.

Через полминуты головка появилась на свет. Лицо ребёнка было

бесцветным. Сестра тут же схватила пару ватных тампонов и тонкий катетер и попыталась прочистить воздушные пути, но младенец не пошевелился и не попытался вздохнуть.

Врач подцепил пальцем показавшееся плечо малыша и одним стремительным движением извлёк его и положил матери на живот. Это была ещё одна девочка, бледная и безжизненная. Она выглядела мёртвой.

Между первым кровотечением и появлением ребёнка прошло всего девяносто секунд, но Трикси эти секунды показались полутора часами. Время словно бы растянулось. Даже ровное тиканье часов как будто замедлилось – словно мир замер.

Ребёнка отделили от матери. Девочка напоминала тряпичную куклу и казалась совершенно безжизненной. Сестра отнесла её к камину. Доктор коснулся безжизненно висящей ручки и взглянул на монахиню.

– Сделайте, что возможно, – печально сказал он. – Есть вероятность, что придётся…

Но времени на разговоры не было. Хлынул новый поток крови, и пуповина, уходившая одним концом в вагину, удлинилась.

– Плацента выходит. Быстро, сестра, принесите лоток.

Трикси попыталась шагнуть, но ноги её так тряслись, что она не могла пошевелиться. Плацента выскользнула и упала на пол.

– Потом осмотрим, – сказал врач и отодвинул её ногой. – Для начала надо остановить кровотечение.

Кровь продолжала течь, а потом вдруг хлынула с новой силой. Перспективы казались довольно мрачными. Мэйвис уже не было больно, но она невероятно ослабла от пережитого и сильно вспотела. От знаменитой уверенности Мег не осталось и следа. Она тихо сидела у изголовья сестры, гладила её по голове и тихо шептала что-то нежное.

Врач энергично массировал матку, чтобы выдавить сгустки крови. Мэйвис застонала и слабо двинула ногой.

– Кажется, все сгустки вышли. Теперь надо ввести эргометрин внутривенно, и мне надо, чтобы вы создали внешнее давление на матку, пока я готовлю инъекцию. Вы когда-нибудь это делали, сестра?

Трикси покачала головой.

– Приступайте. Это займёт всего пару минут, но нельзя, чтобы матка расслаблялась, иначе может начаться новое кровотечение. Так, встаньте здесь… положите левую руку на живот прямо над пупком, а правую сожмите в кулак и надавите ей как можно ниже под лонным сочленением… да, здесь… теперь изо всех сил давите правой рукой вверх и сожмите матку руками как можно сильнее… крепче… Вот так. Держите.

Врач подошел к чемоданчику, чтобы взять лекарство для инъекции. Вернувшись к кровати, он туго перевязал Мэйв руку, чтобы сделать укол в вену в локтевом сгибе, но у него ничего не вышло. Мэйв потеряла столько крови, что вены у неё стали совершенно неразличимыми. Доктор сделал несколько попыток, но всё было напрасно. Он тихо выругался.

– Продолжайте давление, сестра. Важно не допустить ещё одно кровотечение – оно может повлечь за собой смерть. Надо сделать внутримышечный укол. Он подействует не так быстро, но раз вену обнаружить не удаётся, у нас нет выбора.

Трикси продолжала давить на матку. Акушерка ослабела, ей было дурно, но нездоровый вид Мэйвис и страх очередного кровотечения и его последствий придавали ей сил.

Врач вернулся и быстро сделал укол в бедро.

– Должно сработать. Теперь я вас заменю, – сказал он Трикси, – а вы бегите и звоните в больницу.

– Нет! – вмешалась Мег. – Нет, я не дам её забрать!

– Помолчите, женщина, и не мешайте нам! – прикрикнул на неё врач. – Если бы Мэйвис рожала в клинике, как я говорил ещё полгода назад, этого всего можно было бы избежать.

Мег притихла.

Сестра Бернадетт отнесла малышку к камину, замотала её в тонкую шерстяную ткань и прочистила дыхательные пути тоненьким катетером. Из носа, рта и глотки удалили кровь, слизь и меконий. Сестра придерживала язык девочки тонкими щипчиками, поскольку он мог запасть в глотку и перекрыть доступ воздуха. Она переворачивала ребёнка вниз головой на несколько секунд, а потом снова выдыхала воздух, приложив губы к её носу и рту. Сестра Бернадетт переворачивала её, массировала ей спинку снизу вверх, а потом снова прочищала дыхательные пути. Затем настала очередь процедуры под названием «Колыбель Евы» – голову и ножки ребёнка по очереди поднимали под углом в сорок пять градусов. Девочка не реагировала. Монахиня начала искусственное дыхание рот в рот – она набирала в грудь воздух, три раза дула в крохотные белые губы, двадцать секунд качала малышку и снова три раза выдыхала ей в рот. Спустя две минуты она опять замерила пульс.

И тут сестра Бернадетт просияла.

– Слышу слабый пульс – около восьмидесяти ударов в минуту. Слава богу!

Она продолжала трудиться. Вдруг девочка коротко, судорожно втянула воздух и вновь замерла, как будто не дыша. Но младенцы могут дышать

так тихо и слабо, что это почти незаметно для наблюдателя. Сестра по-прежнему слышала слабое биение сердца, поэтому не останавливалась. Пару минут спустя ребёнок вновь судорожно втянул воздух, а через тридцать секунд – снова. Это продолжалось почти полчаса, и за это время пульс выровнялся до сто двадцати ударов в минуту.

У сестры Бернадетт не было ни лекарств, ни кислорода, ни инкубатора, ни современного оборудования для реанимации новорождённых с белой асфиксией. В её распоряжении были только вышеописанные методы, и девочка выжила.

Внутримышечная инъекция эргометрина сработала через пять минут. Матка сжалась в плотный твёрдый комок, и угроза кровотечения исчезла. Бедная Мэйв выглядела ужасно – бледная, холодная, покрытая испариной от боли и кровопотери. Она пережила шок, но состояние её было стабильным. Следовало немного поспать, поэтому врач ввёл ей морфин, что было невозможно ранее, когда ребёнок ещё находился в утробе. Роженица уснула.

Врач приготовился накладывать швы. Теперь спешить было некуда, поэтому он обезболил область вокруг промежности и вагинальной стенки и присел, ожидая, пока анестезия подействует. Когда препараты сработали, доктор смог заняться последствиями эпизиотомии. Он с облегчением отметил, что шейка матки не пострадала.

Тем временем Трикси звонила в больницу, чтобы к ним выслали дежурный автомобиль. Она стянула шапочку и халат, но забыла снять маску. Руки, ноги, одежда – всё было покрыто кровью. Когда она бежала по улице, то не замечала, как странно поглядывают на неё прохожие. Только оказавшись внутри телефонной будки она поняла, что забыла взять три пенса, чтобы позвонить. Пришлось остановить какого-то мужчину.

– Можете дать три пенса? Надо срочно позвонить.

В этот момент она вспомнила про маску и сорвала её. Её руки дрожали, и она поняла, что вся перемазана кровью.

– Мне нужны три пенса. Я забыла их взять. Мне надо позвонить в больницу.

Голос Трикси звучал визгливо. Мужчина неуверенно залез в карман и протянул ей деньги.

– Спасибо.

Она нырнула в телефонную будку, но руки у неё так тряслись, что ей не удалось набрать номер или сунуть монетки в щель. Пришлось звать на помощь всё того же прохожего.

– Выглядите неважно, сестричка, – сказал он.

У Трикси не было сил отвечать, поэтому она просто сунула ему листок бумаги.

– Наберите этот номер, пожалуйста.

Раздался гудок, и трубку сразу же сняли. Трикси коротко изложила ситуацию и продиктовала адрес.

– Мы немедленно вышлем машину.

– Вас довести до дома? – спросил мужчина.

– Доберусь. Спасибо за заботу.

Когда Трикси вернулась, Мег кричала на врача и сестру Бернадетт.

– Убийцы! Смотрите, что вы наделали! Вы её искалечили! Я уж доложу, кому следует. Только посмотрите, сколько крови! Вы её чуть не убили!

Врач пытался защищаться:

– Плацента отделилась преждевременно, кровопотеря произошла из-за этого. Я тут ни при чём.

– Лжец! Судье это будешь рассказывать! Коновал!

Она повернулась к сестре Бернадетт.

– А вы ничем не лучше! Уморите ребёночка! Это ваша будет вина, ежели она помрёт. Я этого так не оставлю.

Врач в панике смотрел на монахиню.

– Можете ей объяснить?

– Вряд ли, – вяло ответила та. Её глаз отёк из-за оплеухи. – Мы уже полгода пытаемся, и всё впустую. Тут никакие объяснения не помогут.

– Я этого так не оставлю, уж погодите у меня, вы за всё заплатите!

Мег закатила глаза и сплюнула на пол.

Прибыла выездная команда врачей-гинекологов. Все крупные больницы держали в штате медиков, которые готовы были экстренно выехать на домашние роды. Они гордились тем, что должны были приезжать на любой вызов за двадцать минут, – и обычно так и происходило. В этот раз сюда приехали врач-акушер, педиатр и медсестра, вооружённые инкубатором, кислородным баллоном, капельницами, лекарствами, обезболивающими и прочими приспособлениями для операций и детской реанимации. Они вошли в тесную, душную комнатку, которая напоминала поле битвы – кровь в буквальном смысле была повсюду. Перепачканный с ног до головы врач зашивал пациентку. Плацента по-прежнему лежала на полу. Сестра Бернадетт, возившаяся с младенцем, выглядела так, словно побывала на передовой – лицо её побагровело и отекло, под глазом наливался синяк, а одежда была залита

кровью. Странно одетая женщина в зелёном враждебно уставилась на прибывших.

– Снова убийцы, – прошипела она. – Я её не отдам.

Врачи начали советоваться. Мэйв мирно спала благодаря уколу морфина, но она потеряла много крови и пережила серьёзный шок. Ей поставили капельницу с плазмой крови.

Плаценту собрали с пола и осмотрели. С виду она казалась целой. Доктор ощупал живот женщины. Матка была жёсткой на ощупь и размером с грейпфрут – как и полагалось. Он оглядел тесную комнату, в которой не было никаких медицинских аппаратов, роженицу в состоянии шока, мирно спящую в колыбели старшую девочку, сестру Бернадетт с младенцем с асфиксией на руках и оценил масштаб кровопотери.

– В подобных обстоятельствах – с незапланированным рождением близнецов, тазовым предлежанием, преждевременным отделением плаценты и кровопотерей – женщина легко могла умереть. Вы славно поработали, коллега.

– Спасибо, – вяло ответил врач. Он выглядел крайне истощённым. – Мы старались.

– Старались! – воскликнула Мег. – Да вас за решётку надо! Если б вы её сразу посадили на родильный стул, как я велела, этого бы не произошло!

Приехавшие врачи удивлённо на неё уставились.

– Не обращайте внимания, мы так и работали, – прошептал доктор. – Её не переубедить.

Медсестра забрала девочку у сестры Бернадетт и положила её в инкубатор, разогретый до девяноста пяти градусов по Фаренгейту[24]. Воздух внутри увлажнялся, чтобы слизистые оболочки не пересыхали. Малышка дышала, но неглубоко. Мышцы были вялыми, а кожа – синеватой. Сердце билось ровно, но слабо. Педиатр осмотрел ребёнка и ввёл один кубик лобелина в пуповинную вену и помассировал еёпо направлению к животу. К инкубатору подключили кислород и настроили тридцатипроцентную подачу.

Педиатр посоветовал немедленно отвезти новорождённую в больницу на Грейт-Ормонд-стрит. Как ни странно, Мег, которая так яростно протестовала против самой идеи клиники для сестры, не стала возражать. Девочку держали в больнице шесть недель, пока она не набрала вес, после чего её вернули домой. Близняшки набирались сил и выросли крепкими и здоровыми – их воспитали мать и тётка. Посетители рынка на Крисп-стрит то и дело встречали их в овощной лавке и полюбили девочек всем сердцем.

Тридцать лет спустя я навестила Трикси, которая незадолго до того переехала в город Базилдон в Эссексе. Мы отправились за покупками, и она настояла, чтобы мы зашли на рынок. Там было шумно и людно, а торговцы за прилавками, как это было принято в старину, громко зазывали народ. И тут я услышала пронзительный женский голос:

– Лучшие яблоки, тридцать пенсов за фунт, дешевле не найдёте! Лучшие бананы, дыни, грейпфруты!

Мы подошли к прилавку.

– Ну? Что брать будете? – осведомилась женщина.

Я ахнула, увидев перед собой двух совершенно одинаковых особ в уродливых коричневых платьях, подпоясанных кожаными ремнями, в мужских сапогах и с туго завязанными на головах шарфами. У меня пропал голос.

– У меня нет времени ждать, пока вы решите. Следующий!

Все эти годы словно куда-то исчезли.

– Меган-Мэйв! – воскликнула я.

– Что? – хором спросили женщины. Чёрные глаза воинственно вспыхнули.

– Меган-Мэйв! Не может быть!

– Мэйв наша мать, а Мег – тётка. Чего вам надо?

– Ничего.

Трикси улыбнулась мне, и мы с хихиканьем удалились.

Уличная Мадонна

Я видел их на Хай-Холборн. Они выделялись в оживлённой, шумной толпе тем, что двигались совершенно бесцельно: им некуда было идти и нечего делать, они потерялись, пропали. Кроме того, они выделялись своей бедностью. На самом деле уровень благосостояния – вещь относительная, и мы превращаемся в нищих лишь тогда, когда жизнь становится для нас необитаемым островом, который не даёт нам ни пищи, ни укрытия, ни надежды. Они очевидно проиграли в азартной игре, которую мы называем успехом. Если бы этот мужчина, эта женщина, это дитя вдруг застонали от боли, заглушив своими криками грохот телег, их несчастье и тогда не было бы более очевидным.

Он плёлся в небольшом отдалении от жены, опустив плечи. Казалось, что жизнь уже давно трепала его и, дождавшись, пока он кое-как встанет на ноги, вновь валила его на землю. На согбенном теле болтались зелёные тряпки, а в прорехах сапог мелькали голые ноги. Он, впрочем, вызывал не только жалость – перед вами был человек, которому вы бы с радостью дали полкроны, чтобы успокоить совесть, но не решились бы оставить его наедине со своим чемоданом!

Она примотала к себе ребёнка старой бурой тряпкой. Возможно, ей было лет двадцать пять, но выглядела она на пятьдесят, поскольку никто не заботился о ней и не давал ей поводов гордиться собой, что так важно для женщин. Ей даже не суждено было стать для кого-то желанной или нужной, а ведь благодаря этому и расцветает бескорыстная женская душа. Её мужчине явно было бы легче одному. Когда-то она считалась красивой.

Какой стыд! Нести по улице своё тело в каких-то обносках под взглядами аккуратно одетых дам, видеть жалость в глазах других жён и матерей и плестись, точно рабыня за этим шаркающим подозрительным типом. Может ли быть худшая пытка для женщины?

Он шёл впереди, и у неё была возможность обдумать, почему же она вышла за него замуж? Порой он оборачивался и подзывал её жестом, ожидая, что она прибавит шаг. Она не обращала на него внимания и продолжала плестись, влекомая милосердной инерцией.

Вдруг ребёнок проснулся и принялся ёрзать и изгибаться, как это свойственно младенцам. Мать крепче прижала к себе его крохотное

тельце. Она остановилась, подошла к витрине, оперлась коленом на бордюр, сунула палец в шаль и опустила взгляд на малыша…

Поверьте, в этот момент вы бы уже не жалели её – вы бы начали преклоняться перед ней. Улыбка смягчила и разгладила её точёное лицо, и на нём проступил образ прекрасной Мадонны – единственное возвышенное, что осталось в них двоих. Это была та же вечная улыбка, от которой таяли сердца бесчисленных поколений мужчин. Когда мужчина впервые видит, как женщина так смотрит на его ребёнка, в его душе что-то сжимается. Они видят эту улыбку посреди подушек в спальнях, где слабо пахнет духами, в детских комнатах – во всех этих уютных гнёздышках, которые они так трудолюбиво строили, чтобы защитить собственный мир. Но нет, всё та же щедрая улыбка во всём её неуловимом великолепии сияла здесь, в окружении лондонской грязи.

Они смешались с толпой и были забыты, а я продолжал свой путь, зная, что в нищете и несчастье кроется неукротимая полнокровная сила, которая и правит нашим миром, к счастью или к несчастью.

Двое нищих в лондонской толпе, а на груди матери – само Будущее. Несчастная и великолепная Уличная Мадонна…

Г. В. Мортон, впервые опубликовано в «Дейли Экспресс» в 1923 году.

Человеческая память – странная штука. Наш мозг состоит из миллионов, возможно миллиардов, взаимосвязанных соединений, питаемых электрическими импульсами. В них хранятся наши воспоминания, которые порой забываются на много лет и словно бы теряются. Но они по-прежнему внутри нас и ждут только искры, которая вернёт их к жизни.

Сборник статей Г. В. Мортона послужил для меня такой искрой. Как-то раз я взяла его с собой в отпуск и после насыщенного дня, заполненного плаванием и катанием на велосипеде, села с книгой под последними лучами вечернего солнца. Когда я читала это прекрасное, трагическое описание опустившегося мужчины и несчастной женщины, я вдруг вспомнила семью Лейси. Я совсем забыла о них. Первую страницу статьи, где говорилось о нищей паре на лондонской улице, я прочла бездумно, но за ней следовало душераздирающее и вместе с тем оптимистичное описание материнской любви. Искра памяти вспыхнула, и история семьи Лейси, как принято говорить, встала у меня перед глазами. Оставалось лишь записать её.

Джону Лейси принадлежал паб «Остролист» неподалеку от Поплар-Хай-стрит. Когда мы познакомились поближе, мне стало казаться невероятным, что пивовары Труманы вообще выдали ему лицензию и платили зарплату, но в профессиональном мире встречаются вещи и почуднее, и он наслаждался ролью, которой щедро одарила его судьба.

У Джона Лейси обнаружили диабет с поздним началом. Он не слишком прогрессировал, и врач сказал Джону, что тот может контролировать болезнь с помощью диеты с пониженным содержанием сахара и углеводов. Но Джон Лейси отказался от ограничений, и уровень сахара в его крови только рос. Ему выписали инъекции инсулина, и врач рассудил, что раз уж пациент не следит за своим питанием, он вряд ли будет регулярно делать себе уколы. В связи с этим он обратился к сёстрам ордена Святого Раймонда Нонната, чтобы те дважды в день приходили к Джону Лейси. Процесс занимал массу времени. В те дни применяли раствор инсулина, и каждый укол действовал только двенадцать часов. Нас часто просили взять на себя диабетиков, поскольку рассчитать и набрать нужную дозу лекарства и ввести его под кожу было очень непросто.

Мы с сестрой Евангелиной отправились оценить состояние мистера Лейси. Паб располагался в переулке и не вызывал желания в него заглянуть. Это был узкий и грязный проулок, несколько домов в нём разрушили бомбы, а некоторые стены держались только благодаря подпоркам. Заведение не бросалось в глаза – его фасад ничем не отличался от окружающих зданий: бурая краска, облетавшая хлопьями, грязные окна, узкая, вечно закрытая дверь. Единственным, что выделяло паб в ряду соседей, была вывеска, – но она была такой старой, что болталась на одном гвозде, и краска с неё давно уже слезла.

Мы вошли через паб – это был единственный путь в квартиру хозяина на втором этаже. Площадь заведения составляла около двадцати квадратных футов[25], здесь были высокие потолки и деревянный пол. По залу было расставлено несколько дешёвых деревянных столов со стульями, вдоль одной из стен высилась барная стойка. С потолка свисала погасшая лампочка, вокруг которой жужжали мухи. Стены и потолок были выкрашены в грязно-жёлтый цвет. На стене висела картинка, но настолько грязная и тусклая, что сложно было сказать, что на ней изображено: морской пейзаж или охотничья сценка.

Мы пришли в половину первого, к открытию, но в пабе, где в это время дня должно быть людно, сидел всего один посетитель – усатый мужчина неопределённого возраста посасывал пиво, уставившись на стену. Тишина действовала на нервы.

За стойкой показалась женщина, без энтузиазма вытиравшая стаканы грязной тряпкой. Для официантки она была слишком стара. Серые волосы были завязаны в неаккуратный узел, а вдоль бледного, морщинистого лица свисали выбившиеся патлы. Её взгляд был тусклым и безжизненным, губы – бесцветными, ей недоставало зубов, а сама она была малорослой и тощей. Когда мы вошли, она подняла глаза.

– Вам мистера Лейси, небось? Давайте отведу.

Она повернулась к мужчине с усами.

– Присмотрите за баром чуток, а, мистер Харрис? Ежели кто придёт, свистните меня?

У неё был виноватый, подобострастный вид, голос в полупустом помещении звучал жалко. Мужчина фыркнул и продолжил потягивать пиво, наблюдая за нами.

Вслед за женщиной мы поднялись по тёмной голой лестнице.

– Света нет, – сказала она. – Под ноги смотрите.

Она отвела нас в спальню. В просторной комнате на кровати лежал грузный розовощёкий мужчина. Здесь тоже было множество мух. Помимо кровати тут стоял стол, заваленный окурками, а также грубый деревянный шкаф. На дворе было лето, и мужчина лежал совершенно голым, если не считать тоненького армейского одеяла, наброшенного на живот. В комнате царила полутьма – солнечному свету не удавалось проникнуть сквозь грязь на окнах.

– Пиво принесла, Энни?

– Нет, Джон, это сёстры пришли.

– Бесполезная лентяйка, я же велел принести мне пиво. Не нужны мне твои чёртовы сёстры.

Сестра Евангелина затопала по комнате.

– Не смейте называть нас «чёртовыми сёстрами» и не забывайте о вежливости, пожалуйста. Что вы делаете в постели посреди дня? Сядьте.

– Да кто вы такая?

– Я – «чёртова сестра». Садитесь. Ну же.

Джон Лейси смерил её изумлённым взглядом и не без труда сел, старательно удерживая на себе одеяло. Женщина прокралась в угол и встала там, робко перебирая фартук.

– Так-то лучше. Теперь скажите, что у вас за болезнь такая, с которой не справляется добрая порция солей?

– Я болен.

Он застонал и поднял глаза к потолку.

– Чушь. Вы просто толстый, в этом всё дело. Когда вы в последний раз

опорожняли кишечник? Хорошая чистка, вот что вам нужно.

– Нет-нет, я болен, я в агонии! – Он вновь застонал и потёр грудь и живот. – Всё кончено. Вы опоздали, сестра, я умираю.

Мужчина откинулся на подушки и слабо вздохнул.

– Оно и к лучшему, если кого интересует моё мнение.

Джон Лейси распахнул глаза.

– Что?

– Старый вы мошенник, вы точно так же умираете, как эта вот медсестричка. Что с вами не так?

– У меня диабет.

– И всё? У миллионов людей рак.

– Я умираю, говорю же вам.

– Чушь. Вставайте. Мне нужна ваша моча для анализа.

– Не могу я встать, говорю же вам, у меня диабет. Врачи говорят, что мне не избежать *инсультина! Инсультин*, понятно? От этого помирают!

– Делайте, что говорю, и не спорьте. Есть у вас уборная? Идите и наполните ночную вазу мочой. Мне эта гадость даром не нужна, но надо проверить её на сахар. И побыстрее, у меня мало времени.

Джон Лейси с трудом поднялся на ноги, движимый скорее любопытством, чем стремлением себе помочь, прикрылся одеялом и вышел из комнаты. Его голые ягодицы колыхались при каждом шаге. Когда он удалился, сестра повернулась к женщине.

– Он всегда такой?

– Другим и не видала.

– Не встаёт?

– Нет.

– Хм. Ему нужны соли и хорошая клизма.

– Ой, не понравится ему это.

– Зато почистится. У него запор, в этом всё дело. Не верю я этим новомодным медицинским штучкам – стафилы, кокки, вирусы, и что они там ещё напридумывали. Хорошая порция солей, горячий суп и водяная клизма, и он будет как новенький. Живо забудет, что болеет и помирает.

Джон Лейси вернулся, постанывая и закатывая глаза. Всем своим видом он показывал, что совершенно измождён. Он поставил ночную вазу на стол и рухнул в постель.

Сестра достала из сумки прибор для измерения сахара, накапала пипеткой в колбу десять капель воды и пять капель мочи и бросила туда таблетку. Жидкость зашипела, запузырилась и стала ярко-оранжевой.

– Сахар очень высокий. Неудивительно. Вам следует перестать пить

пиво, и дважды в день вам нужно делать уколы.

Мужчина тревожно взвыл.

– Нет уж, никаких иголок! Не выношу иголок! Не переваривaю! Я потеряю сознание от одного их вида, точно вам говорю.

– Ну так и теряйте. Хоть каждый день.

– А вы злая, – пробормотал он бессильно.

Сестра Евангелина набрала в шприц раствор и направилась к пациенту. Джон Лейси взвизгнул, с прыткостью горного козла выскочил из кровати и забился в угол, поскуливая. Деваться ему было некуда, и она воткнула иголку. Секунду спустя всё было кончено.

Я услышала какой-то сдавленный шум в углу и повернулась. Впервые с момента нашего появления женщина расслабилась и захихикала. Я поймала её взгляд и подмигнула.

Джон Лейси хныкал и потирал ногу.

– Злая вы, очень злая. Никакой жалости к человеку, который ничего дурного вам не сделал.

Сестру Евангелину это совершенно не тронуло.

– Прикройте своё хозяйство, одевайтесь и идите работать.

– Не могу. Я болен. Энни, принеси мне пива. У меня шок.

– Нет уж, вам надо завязать с алкоголем.

Он хитро на неё взглянул:

– А если я завяжу с пивом, может, заодно и с уколами?

– Вероятно, со временем, когда у вас понизится сахар в крови.

– Тогда наверняка со временем я брошу пить пиво.

– Вот проныра! Вы, конечно, ленивый, но уж точно не идиот. Поступайте как знаете. Можете хоть с собой покончить, только не ждите от меня жалости.

С этими словами сестра Евангелина повернулась к двери.

– Утром и вечером к вам будет приходить медсестра и делать уколы, – сообщила она перед уходом.

Самые агрессивные люди зачастую оказываются трусами. Как обычно, сестра Евангелина нашла нужный тон в обращении с пациентом с первого же визита. Мне выпала неблагодарная задача дважды в день вводить мистеру Лейси инсулин, и хотя всякий раз он принимался хныкать, протестовать он больше не пытался. Через несколько дней он принял героический вид и стал говорить, что немногие мужчины вынесли бы такую чудовищную боль, и о нём следовало бы писать в учебниках. Во время укола он делал стоическую гримасу, а когда всё было позади, со

страдальческой миной падал в постель. Мужчина относился к себе крайне серьёзно. Это был одновременно комический и жалкий персонаж.

В процессе ежедневных визитов в паб я познакомилась с миссис Лейси. Когда бы я ни пришла, она работала. Заведение существовало благодаря ей. Женщина самостоятельно принимала бочки с пивом, после чего сама катила их по полу и подключала к системе, ведущей в бар. Она таскала по узкой каменной лестнице ящики с бутылками и выносила пустую тару на улицу. Мыла зал, скоблила столы, оттирала стаканы. Опустошала плевательницы и чистила туалет. Она стояла за стойкой, пока несколько мужчин мрачно потягивали пиво. Всё это миссис Лейси выполняла тупо и методично, словно ничего большего и не ждала от жизни. Она неизменно выглядела вялой и уставшей и редко разговаривала, а только работала – восемнадцать часов в день, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году.

Миссис Лейси оставляла паб, только чтобы пройтись по магазинам. Потом она готовила обед и приносила еду мужу в постель. Как-то раз я увидела, что она подаёт, и предупредила, что мистеру Лейси нельзя есть сладкое.

– Не могу ему перечить, – жалобно сказала она. – Должен быть десерт. Иначе никак.

Спорить было бесполезно. Бедняга очевидно жила в постоянном страхе перед мужем.

Так же дело обстояло и с пивом. Я приходила дважды в день и видела, что происходит. Мистер Лейси топал ногами и кричал: «Принеси пива, да поживее!» – и она мчалась наверх с пинтой. Врач, сестра Евангелина и я твердили, что ему будет хуже, но он фыркал в ответ:

– Станет хуже, значит, вы виноваты. Вы же должны меня лечить.

Я дважды в день проверяла его мочу и вела подробный график уровня сахара в крови, но показатели всегда были высокими, а порой и опасными.

Миссис Лейси выглядела лет на двадцать старше своего возраста. Говорила она подобострастно и будто все время за что-то извиняясь, – это отличало её от большинства женщин Поплара, которые держались уверенно и непринуждённо. Она звала меня «мадам» и «госпожа медсестра» и как-то раз предложила отнести наверх мою сумку. Когда я запротестовала, она ответила:

– Сумка слишком тяжёлая для леди. Я отнесу.

Так она и сделала. Я сказала «спасибо», и она удивилась:

– Вы очень добры, мадам, очень добры.

Я и не ждала благодарности. Вы очень добры. Спасибо вам.

В спальне её муж заорал:

– Сумку ставь на стол и выметайся, ленивая тварь! В меня тут иглами тычут, чтобы я не умер! Прочь!

Если бы при мне в тот день была четырехдюймовая[26] игла для внутримышечных инъекций, с каким наслаждением я засадила бы её в эту толстую задницу!

Спустившись в паб, я сказала:

– Не надо позволять ему так с собой обращаться.

– Как, мадам?

– Обзывать вас, прогонять.

– Я и не заметила.

Бедная женщина. Она пропускала мимо ушей оскорбления, но обращала внимание на слова благодарности.

Когда я пришла в следующий раз, то застала миссис Лейси в подвале – та пыталась докатить огромную бочку с пивом. Я наклонилась, чтобы помочь. Она переполошилась.

– Нет, что вы, не надо. Негоже леди катать пивные бочонки. Так нельзя. Сама справлюсь.

Я проигнорировала её слова:

– Беритесь с одной стороной, а я с другой. Сейчас быстро управимся.

Так и вышло. Она присела на бочку, обливаясь потом.

– У меня битых двадцать минут уходит, чтобы приладить бочку. А мы справились за две. Ох, мадам, я так вам благодарна. Жалко, что у меня нет дочери. Каждой женщине нужна дочка.

– А сыновья у вас есть?

– Один, чудесный мальчик. Живёт в Америке. У него всё хорошо, я им так горжусь. Он свою мамашу любит.

И она бледно улыбнулась.

Мы вскарабкались по каменным ступеням обратно в паб и тут же услышали громкий стук. Мистер Лейси на втором этаже бился в приступе ярости.

– Никчёмная ленивая тварь! – вскричал он. – Чем ты там занималась? Чаи распивала да сплетничала, так? Пока твой законный муж тут помирает! Слушай меня, дура, ты там письма принесла, так одно было от Боба. Домой едет. Через три недели. Из Нью-Йорка плывёт. Говорит, у него сюрприз.

Миссис Лейси со стоном оперлась на стол.

– Боб? Мой Бобби? Домой едет? Сюрприз?

– Да. Через три недели. Мне нужны новые штаны, носки и рубаха, если ты возьмёшь на себя труд пройтись по магазинам. Давай, займись делом. Меня сейчас колоть будут. Мне нужно собраться с силами, чтобы это вытерпеть.

После инъекции мистер Лейси застонал:

– Бобби увидит, как страдает его старый папаша. Я так его любил, всем для него пожертвовал, чтоб сыночек вырос да выучился, а теперь я совсем один.

По жирным щекам потекли слёзы жалости к самому себе.

Всю следующую неделю я неизменно заставала миссис Лейси за бурной деятельностью. На смену обычной вялости пришла бодрость. Она привела в порядок комнату сына – стены, обои, новые занавески, навес от солнца – всё должно было быть идеально. Не знаю, где она находила время на ремонт параллельно с работой в пабе, но она всё успевала и была счастлива.

Как-то утром я зашла за стойку и увидела, как миссис Лейси поднимается из подвала с ящиком бутылок в руках. Она явно тащила их из последних сил и поставила ношу на пол со вздохом облегчения. Я возмутилась.

– Нельзя так тяжело работать!

– Это лучше, чем безработица.

Она обливалась потом и вытерла лицо грязным посудным полотенцем, после чего на секунду присела на высокий стул.

– Это лучше, чем таскаться по улицам, когда некуда пойти, негде голову пристроить, некуда деть ребёнка.

Я молча смотрела на неё, гадая, что она пережила во времена Великой депрессии, когда не было работы даже для трудолюбивых мужчин, не то что для Лейси. Она подняла взгляд, и её усталое лицо осветила редкая улыбка.

– А ребёночек мой – это Бобби. Он уже на следующей неделе приезжает. Домой, к мамочке. Порядочный он мальчик. Хорошо живёт, говорят. Очень хорошо. Его письма для меня всегда радость, так уж он чудно пишет. Я им горжусь!

К началу третьей недели комната была готова, и миссис Лейси показала мне результат. Её смущал цвет занавесок. Понравится ли ему? Подходят ли они к интерьеру?

По сравнению с унылым пабом, комната была светлой и уютной, и я ахнула от удивления, когда увидела, чего ей удалось добиться за две недели. Заметив выражение моего лица, она захихикала от удовольствия.

– А занавески как? Хорошие?

– Прекрасные занавески. Он будет в восторге.

– Я их целыми днями шила за стойкой.

Два дня спустя женщина застенчиво сообщила:

– Я купила себе новую блузку. Надо хорошо выглядеть к его приезду. Но вот принесла её домой и не знаю. Если я надену её, скажете, как вам?

Когда я спустилась вниз после укола, миссис Лейси была в розовой блузке. Это был не тот оттенок, что принято называть «кричащим», но в такой унылой обстановке любой цвет громко бы заявил о себе. Она стояла, нервно кусая губы беззубыми деснами.

– Слишком ярко?

Ну не могла же я сказать «да»?

– Прелестно. Боб будет вами гордиться. Вы прекрасно выглядите.

Её лицо засияло. Говорил ли ей кто-нибудь комплименты?

– Утром нам пришло письмо из Саутгемптона. Корабль прибыл вчера, а сынок приедет завтра или послезавтра и пробудет здесь три недели. Три недели! Мой Бобби…

Голос её дрогнул.

– Надо переодеться. Не хочу испортить блузку до его приезда. Вам точно нравится? – Она с надеждой посмотрела на меня. – Правда?

Два дня миссис Лейси провела в розовой блузке – вытирала столы, обслуживала покупателей. Мистер Лейси спустился вниз в новой рубахе и штанах и уселся за стол, потягивая пиво и дымя папиросой. Оба нервничали. То и дело она выбегала за порог и шла на угол, чтобы оглядеться. Но Боба не было.

– Задержался, видать, вот-вот приедет, – повторяла женщина.

На второй вечер в одиннадцать часов она вяло объявила, что заведение закрывается и заперла дверь.

– Хорошего сына ты мне родила! – гаркнул мистер Лейси и отправился в постель.

Она села за стул, уронила голову на руки и горько заплакала.

Вечером третьего дня в паб вошёл молодой человек – симпатичный и одетый хотя и элегантно, но непривычно для Поплара. В заведении было пусто.

– Эй, есть здесь кто? – крикнул он. Произношение выдавало в нём образованного человека, говорящего с лёгким американским акцентом.

– Ничего себе возвращение в родные пенаты… есть здесь кто? Божечки, ну и дыра! Ты уж прости, – сказал он своей спутнице, высокой

белокурой девушке с каре.

Её облегающая одежда сидела строго по фигуре. Вырез жакета был достаточно низким, чтобы продемонстрировать соблазнительное декольте. Тонкие нейлоновые чулки обтягивали мускулистые ноги, а туфельки на высоких каблуках были остроносыми. Губы она накрасила ярко-алым, глаза густо подвела чёрным, от неё едва уловимо пахло экзотическими духами. Девушка курила через длинный мундштук.

Оглядев мрачную безлюдную пивную, мух, жужжащих вокруг лампочки, пожелтевший потолок и грязные окна, она сказала:

– Божечки, ну и грязь! Ты здесь вырос?

Молодой человек покраснел.

– Нет, что ты, они здесь живут всего восемь лет. Перебрались сюда, когда я уехал. К сожалению, они потеряли состояние. Я вырос в загородном доме, тогда у нас были и горничные, и садовник. Слушай, нам необязательно тут оставаться. Можем тихо смотаться, никто и не узнает.

Девушка собиралась что-то сказать, но в этот момент распахнулась дверь, ведущая в подвал. Миссис Лейси втащила в зал огромный ящик бутылок. Её внимание было полностью сконцентрировано на необходимости донести их, не уронив. Поставив ящик на пол, она привалилась к стойке, вся дрожа.

Её волосы растрепались, а следы от слёз прорезали борозды на грязном лице.

– Кто это? – прошептала потрясённая девушка.

– Тихо, пойдём отсюда, – прошептал Боб и шагнул к двери.

Но каблук его спутницы цокнул по полу, и миссис Лейси обернулась и хрипло вскрикнула.

– Боб, милый мой. Ты приехал! Я знала, что ты приедешь. Иди к мамочке, мальчик мой.

Она подбежала к нему и уткнулась грязной седой головой в его чистую белую рубашку.

– Тише, старушка, не шуми так. Я ж сказал, что приеду.

Молодой человек отцепил от себя её руки и сделал пару шагов назад. Она рухнула на стул и утёрла грязной рукой текущие по лицу слёзы.

– Бобби мой, милый мой мальчик, вернулся.

Девушку она не заметила.

– Вернулся, вернулся. Соберись, мать. Я писал, что у меня для вас сюрприз. Познакомьтесь с Труди. Мы собираемся пожениться, и она хотела вас увидеть.

Женщины уставились друг на друга так, словно прибыли с разных

планет. Сложно сказать, кто был потрясён больше. Обе молчали.

– Где отец? – спросил Боб.

Миссис Лейси взяла себя в руки.

– Ох, папаша твой, конечно… Сейчас приведу.

И она убежала наверх.

– Это действительно твоя мать? – уточнила девушка.

– Боюсь, что так.

Боб пнул ножку стола.

– Не надо было приезжать. Зря мы это.

На лестнице раздались шаги, и в зал вошёл мистер Лейси. Он не брился уже два дня, а новые штаны с рубахой покрывали пятна от пива и сигаретного пепла. Он проковылял к молодому человеку и протянул руку.

– Сын, добро пожаловать домой.

Боб моргнул и сделал ещё один шаг назад.

– Рад тебя видеть, папа. Это Труди, моя невеста. Хотел вас познакомить.

Мистер Лейси смерил девушку похотливым взглядом и осклабился:

– Недурно! Экая конфетка.

Он попытался чмокнуть Труди, но та увернулась. Впрочем, мистер Лейси ничего не заметил – зато заметил Боб.

– Садитесь, садитесь! – Джон указал на стулья жестом гостеприимного хозяина. – Выпьем сейчас по пиву с виски, поболтаем, послушаем твои новости, сынок. Садитесь. Надо отметить.

Он плюхнулся на стул и завопил:

– Энни! Да куда эта ленивая тварь запропастилась! Когда понадобится, так её и нет. Иди сюда живо, мы выпить хотим.

Миссис Лейси вошла в зал – в розовой блузке, умытая, трепещущая.

– Давай, шевелись, хоть какая-то от тебя польза будет, коза! Выпить нам принеси да чипсов.

Он повернулся к Труди.

– У меня диабет, и мне грозит *инсультин*, так они сказали. Долго не протяну. Каждый день иголками колют. Агония, одно слово. Помираю.

Мужчина облокотился на стол и заглянул девушке в декольте. Она отшатнулась. Боб едва не ударил отца.

Миссис Лейси принесла им виски и пива.

– У нас тут больше ничего и нет, но я могу достать ром, ежели хотите.

Она уселась рядом с Бобом и застенчиво тронула его за рукав.

– Мальчик мой, милый, – прошептала она, глядя на него с обожанием.

– Ну что, Боб, что делал, кроме как девок тискал? – поинтересовался

мистер Лейси и во все глаза уставился на Труди.

– Я занимаюсь страховкой, – холодно ответил Боб. – Дела идут неплохо. Есть перспективы.

Мать погладила его по руке и повторила:

– Страховкой… Мальчик мой, какой же ты взрослый. Страховка. Хорошо всё, значит. Как же я тобой горжусь.

Она так и светилась от счастья.

В бар вошли двое потрёпанных и чумазых мужчин, источавших крепкий аромат немытого тела. Недоумевающе оглядев четверых за столом, они уселись в дальнем конце зала. Миссис Лейси принесла им выпить и вернулась к сыну. Она взяла его за руку и принялась гладить его запястье.

– Так давно тебя не было. Восемь лет, как в энти штаты уехал. И так хорошо устроился. Страховка… Господи, сын мой – да страховкой занимается. Как тебе это, отец?

– Хватит, мать, ну что ты как ослица. Бобу ни к чему, чтоб ты его тут слюнями поливала, да, сынок?

Молодой человек ничего не смог ответить, поэтому высвободил руку и взглянул на свою спутницу.

– Ну что, нам пора, думаю. Хочу показать Труди окрестности, и у нас много планов.

– Я приготовлю ужин. Комната твоя готова, к твоему приезду я там всё привела в порядок, – с гордостью сообщила мать.

– Нет-нет, мы не будем оставаться, мы заказали комнату в гостинице, а на вечер у нас забронирован стол в ресторане.

– Не будете?

Миссис Лейси побелела от горя.

– Нет. Мне нужно всё показать Труди. Она раньше не была в Англии, и хочет всё посмотреть.

– Конечно. Я понимаю, – едва слышно произнесла миссис Лейси и повернулась к девушке. – Вам повезло. Он порядочный человек. Мой Боб будет хорошим мужем. Я вам тут кое-что приготовила, подождите, пожалуйста.

Она скрылась наверху. Трое за столом явно тяготились происходящим. Молодые люди поглядывали друг на друга, держась за руки. Отец наклонился вперёд.

– Я говорил уже, что у меня диабет, и мне грозит *инсультин*? Помру я от этого. *Инекции* каждый день. Агония как она есть, и никуда мне от этого не деться.

Он тыкнул пальцем в сторону двери, за которой скрылась его супруга, и брюзгливо фыркнул.

– Никчёмная баба, что и говорить.

Мужчина откашлялся и срыгнул, пододвинул к себе плевательницу и смачно харкнул. Казалось, Труди вот-вот стошнит.

Миссис Лейси вернулась, сжимая в руках конвертик из шелковистой бумаги. Она присела рядом с Труди и открыла конверт.

– Это тебе, милая. Боб его носил во младенчестве. Я хранила его все эти годы. Теперь забирай.

Это был пожелтевший от времени детский чепчик – дешёвое кружево оторвалось, а ленточки разлохматились.

– Возьми, милая. Теперь он твой.

– Спасибо, – неловко пробормотала Труди.

Молодые люди встали.

– Ну что, нам пора, – деланно бодро сообщил Боб. – Рад был видеть. Не забывайте, что в Америке вам всегда рады. Это большая страна. Там много людей. И все рады гостям.

На этом они ушли.

Час спустя миссис Лейси выставила на улицу пустые ящики и обнаружила в канаве свой драгоценный чепчик. Она поднялась на второй этаж, сняла розовую блузку и больше никогда её не надевала.

Драка

В 1950-е годы окружные акушерки в Попларе нередко попадали в довольно странные ситуации. Как-то раз в холодный и сырой вечер, проходя по кварталу многоквартирных домов, я услышала какие-то пугающие звуки. Оказалось, что это дерутся две женщины. Я никогда раньше не видела ничего подобного и подошла поближе, прислушиваясь к комментариям прохожих.

Судя по всему, они подрались из-за мужчины. «Конечно, – подумала я, – из-за чего ещё драться женщинам?»

Было темно, но благодаря свету из окон хоть что-то было видно, и я разглядела, что женщины уже содрали блузы и теперь яростно царапали, били, кусали и пинали друг друга. У одной из них были длинные волосы, что ставило её в крайне невыгодное положение – её противница то и дело хваталась за локоны. Вокруг столпилось несколько сотен человек – мужчин, женщин, детей. Все они кричали и подначивали дерущихся. Длинноволосая упала, а её соперница взобралась сверху и принялась колотить её головой о брусчатку.

«Господи, их надо остановить!» – подумала я, и в этот момент услышала свистки полицейских.

Во двор ворвались двое мужчин, размахивая дубинками, чтобы показать серьёзность своих намерений. Если бы они не появились в этот момент, длинноволосая могла бы получить сотрясение мозга, а то и вовсе погибнуть. В те дни Ист-Энд так и кишел полицейскими – разумеется, они патрулировали окрестности пешком, поскольку машин тогда было очень мало. Несколько минут спустя прибыли ещё десять стражей порядка, привлечённых пронзительным свистом. В то время в полиции не было раций, и вызвать подкрепление можно было только с помощью свиста. Заслышав его, полицейские бежали на звук. При виде них толпа разбежалась.

Пару минут спустя я была единственной, кто остался во дворе вместе с полицейскими и женщинами, которых уже успели разнять. Одна из них вся дрожала и стонала от боли. Вторую удерживал молодой офицер, но это не мешало ей сыпать проклятиями и плевать в лежащую на земле соперницу.

– Вас накажут, – предупредил её полицейский.

– Да пошёл ты, мне начхать! – выкрикнула она и попыталась пнуть его.

– Если вы нападёте на полицейского, будет только хуже, – сообщил его напарник. – А если эта женщина умрёт, вас повесят.

Это привело драчунью в чувство. Прошло не так много лет с тех пор, как Рут Эллис[27] повесили за то, что она убила своего любовника. Этот случай потряс всю страну, и воспоминания о нём были ещё живы. Несмотря на дождь, темноту и грязь на лице женщины, было заметно, как она побледнела.

Я присела на мокрую брусчатку, чтобы осмотреть пострадавшую, которая уже не шевелилась. Она вся вымокла, а длинные влажные волосы закрывали ей лицо. Я бегло оценила её состояние и сказала:

– Для начала нам надо принести одеяла. Она пребывает в шоке, и холод вредит ей не хуже травмы головы. Потом надо отвезти её в больницу и сделать рентген.

– Нет, только не в больницу, – простонала женщина. – Я в порядке.

Наступившая после ужасного шума тишина казалась пугающей. Вокруг не было ни души.

– Эй, есть здесь кто, притащите что-нибудь тёплое! – крикнул полицейский в темноту. Голос его отозвался эхом.

Несколько минут спустя в дверях домов начали появляться женщины с одеялами, они молча отдали их нам и скрылись. Свет в квартирах уже погас, и мы могли только догадываться – но не видеть, – что за окнами толпятся наблюдатели.

Я укутала руки и ноги пострадавшей, чтобы хоть как-то согреть её, и мы накрыли её ещё одним одеялом. Наконец она села.

Обидчица не унималась:

– Да жива она, эта корова, ей ещё мало досталось! Гореть бы ей в аду!

– Мы заберём вас в участок, – сказал молодой полицейский.

– Она сама начала, сучка!

Вдруг обидчица словно что-то осознала. Возможно, в пылу битвы она не сразу поняла, что оказалась полуголой в окружении мужчин, – или же полицейский участок вдруг показался ей хорошей идеей. Она прижалась к офицеру, потёрлась голой грудью о его рукав и похотливо подмигнула.

– Это приглашение, красавчик? – неожиданно хриплым и низким голосом спросила она.

Я и большинство полицейских рассмеялись. Мокрая, грязная баба в роли обольстительницы Далилы выглядела необыкновенно комично. Но смешнее всего была реакция молодого полицейского. На вид ему было не больше девятнадцати, и он годился ей в сыновья – чистый, розовощёкий и явно очень благоразумный. Увидев, как о его рукав трётся грудь

впечатляющих размеров, он отпрянул. Мы расхохотались. Видимо, притаившиеся за окнами тоже покатились со смеху. Молодой человек побагровел от стыда.

– Где ваша одежда? – рявкнул он с сильным шотландским акцентом. Вряд ли он хотел выглядеть напыщенным хлыщом, но именно так он и выглядел.

Вопрос, впрочем, был совершенно логичным. Куда делись её вещи? Предметы женского гардероба были разбросаны по всему двору, и толпа втоптала их в лужи. Нарушительница подхватила свои тяжёлые груди и потрясла ими прямо перед лицом полицейского.

– Да я и сама не знаю, красавчик.

Молодой человек отшатнулся. Коллеги не спешили ему на помощь – уж больно хороша была сцена. Он понимал, что проигрывает, поэтому поднял с земли лишнее одеяло и сунул его своей мучительнице.

– Во имя всего святого, женщина, прикройтесь! – отчаянно потребовал он. Остальные рассмеялись. Ситуация выходила из-под контроля – важно было не запятнать честь полиции.

– Мы не будем вас арестовывать, – сказал офицер постарше. – Идите домой, только сначала назовите своё имя и номер квартиры.

Женщина снова поникла. Момент ликования прошёл, и она с неохотой назвала свои данные.

– Теперь идите и ведите себя тихо, иначе у вас будут проблемы. Это предупреждение.

Затем он повернулся к своим подчинённым.

– Возвращайтесь к работе. Вы двое останетесь здесь с медсестрой и потерпевшей. Сообщите, если понадобится помощь.

Полицейские разошлись, едва сдерживая смех, и я услышала, как кто-то передразнивает своего коллегу:

– Женщина, прикройтесь!

Молодой шотландец прикусил губу. Казалось, что он сейчас заплачет – но поделать ничего было нельзя, и он отлично это понимал.

Всё это время пострадавшая продолжала сидеть на земле. Когда её обидчица двинулась прочь, она закричала:

– Поглядите только на эту шлюху! Да она вечно на мужиков вешается, словно проститутка! Тварь! Дрянь! Дешёвка!

Она выкрикивала ругательства вслед своей противнице, и та попыталась было вернуться, но второй полицейский преградил ей путь.

– Идите отсюда! – велел он. – Если вы снова начнёте, мы вас арестуем.

Наконец она ушла. К пострадавшей очевидно вернулись силы, но меня

тревожила её голова – я видела и слышала, как она несколько раз с силой ударилась о брусчатку. Кость могла треснуть, и женщине требовался осмотр врача.

– Надо отвезти её в больницу и сделать снимок, – сказала я.

– Нет! – запротестовала она. – Не поеду я никуда. Вы меня не заставите. Я в порядке.

Уходите.

Мы, разумеется, не могли оставить женщину под дождём, поэтому решили хотя бы довести её до квартиры. Она была слаба, вся дрожала и куталась в одеяло.

– Облокотитесь на меня, – любезно сказал молодой шотландец. – Покажите, куда идти, мы проводим вас домой.

Нам пришлось преодолеть четыре лестничных пролёта, женщина шла с большим трудом. Однако же она справилась – её вела вперёд мрачная решимость. Она всё бормотала под нос: «Только не в больницу!» Мне кажется, что ей придавал сил страх перед госпитализацией и мысль о том, что если она упадёт, её отвезут к врачу насильно.

Дорога по длинному балкону, опоясывавшему здание, казалась бесконечной. Лица за стёклами исчезали при нашем приближении. Какой-то ребёнок остался у окна, но, когда мы проходили мимо, чья-то рука оттолкнула его, и мы услышали гневное проклятие и последовавший за ним шлепок.

Я поёжилась. Мальчику просто было интересно, что происходит.

Женщина отказалась пускать нас в квартиру.

– Идите себе, – сказала она. – Валите.

Я в порядке.

Мы ушли, и больше я никогда её не видела. В те дни женщины были очень крепкими. Наверняка насилие являлось привычной частью её жизни. Возможно, добросердечные соседи помогли ей встать на ноги. Если у неё действительно была трещина в черепе, всё заросло само, без участия врачей. Ни одной из дравшихся не предъявили обвинения. Во-первых, пострадавшая не подала заявление. Во-вторых, свары в то время были обычным делом. Обычно полицейские просто разнимали нарушителей, и если дело было не связано с какими-либо другими преступлениями, никаких карательных мер не следовало. На следующий день я, раздуваясь от важности, пересказала эту историю за обедом, но выяснилось, что сёстры давно привыкли к таким сценам. Монахини не раз видели подобное, а то и гораздо хуже. Это был суровый район. Однако все мы согласились, что в общем-то мы гораздо чаще встречались с людской добротой и

щедростью.

Теперь кажется странным, что такие случаи в многоквартирных домах не происходили регулярно. Люди жили в тесноте – у них не было никакого личного пространства и ни малейшего шанса на уединение. Тишина была редкостью. Жильцы пребывали в таком напряжении, что порой срывались на родственников или соседей. Домашнее насилие считалось частью жизни. В 1950-х никого не удивляло, когда мужья били жён. Мы часто встречали женщин с синяками или хромотой. Они никогда не жаловались в полицию, потому что «от копов надо держаться подальше». Возможно, они обсуждали такие случаи между собой, но относились к этому смиренно. Времена, однако, менялись, и девушки послевоенного поколения постепенно обретали независимость. Но женщины постарше не роптали. Принято было считать, что «бьёт – значит любит», и несмотря на явную ущербность подобной логики, это убеждение было широко распространено.

Мужчинам тоже жилось непросто. Они убивали себя работой и терпели жестокое обращение со стороны нанимателей – это считалось нормой. Большинство обитателей Поплара трудились в порту, а к портовым рабочим принято было относиться как к тягловому скоту, расходному материалу. Подобное ожесточило бы любого. Но большинство из них всё же были не чудовищами, а достойными и трудолюбивыми людьми, которые отдавали почти весь свой заработок жёнам и пытались быть хорошими мужьями и отцами. Но после тяжёлого трудового дня их не ждал ни покой, ни уют дома – виной тому были теснота и обилие детей. Кто после десяти-двенадцатичасовой рабочей смены будет с нетерпением ждать возвращения в две-три комнатушки, по которым бегает полдюжины ребятишек? Это было матриархальное общество, и дом принадлежал женщинам и детям. Мужчины зачастую чувствовали себя в нём чужаками.

Из-за этого мужчины проводили больше времени в компании друг друга – после работы они встречались с товарищами в рабочих клубах, в клубах моряков, на собачьих бегах, футбольных матчах, гонках или в пабах. Оживлённая атмосфера баров была куда гостеприимнее домашней. Кроме того, там наливали, и это помогало расслабить усталые мышцы, успокоить нервы и заглушить тоску по давно оставленным мечтам и надеждам.

«Руки мастера»

Зачем здесь, рыцарь, бродишь ты
Один, угрюм и бледнолиц?
Осока в озере мертва,
Не слышно птиц.

Бледно, как лилии, чело,
Морщины – след горячих слёз.
Согнала скорбь со впалых щёк
Цвет блёклых роз.

La Belle Dame sans Merci.

Джон Китс[28]

За сто лет своего существования паб «Руки мастера» в Попларе повидал множество исторических событий. Основал его старый Бен Мастертон в 1850 году – паб принадлежал ему по праву собственности и в течение четырёх поколений переходил от отца к сыну. Множество крупных пивоварен пытались выкупить его, но Мастертоны были упрямой семейкой, и несмотря на то, что владеть пабом – занятие не из лёгких, они неизменно отказывались от всех предложений, предпочитая зыбкую независимость надёжной зарплате. Говорили, что старый Бен с деревянной ногой спьяну выпал с торгового судна и остался на берегу. Делать было нечего, и он решил посвятить жизнь своему любимому занятию и открыл питейный дом. Заведение быстро стало популярным среди моряков. Бен женился на девушке из местных, любившей шум и веселье, и у них родилось четырнадцать детей – шестеро дожили до взрослых лет. Со временем старый Бен, как все и предсказывали, окончательно спился, и пабом занялись двое старших сыновей. На дворе были 1880-е, пора экономической депрессии – найти работу в порту было почти невозможно, и в результате тысячи трудяг стали голодать. В тяжёлые времена пабы неизменно процветают, а люди всегда будут пить – как бы ни страдали их семьи.

Когда в 1888 году началось дело Джека-потрошителя и в этот район стали стекаться жадные до сенсаций гуляки, братья решили расширить

заведение, обновили обветшалые интерьеры и повесили на стены несколько жутковатых картинок и плакатов: «Это случилось здесь». Посетители потекли рекой, и один из братьев начал водить экскурсии по местам убийств, излагая кровавые подробности произошедшего, приукрашенные для пущего удовольствия толпы, которая вслед за этим валила в паб, чтобы пощекотать нервы. Дело пошло на лад.

После этого паб зажил собственной жизнью и прославился радушием хозяев, уютом и непринуждённой атмосферой. В те дни весело было в каждом кабаке, но веселье должно было иметь свои пределы, и братья сами установили эти границы. В пабе были запрещены драки, детская проституция, незаконные азартные игры, денежные сделки и курение опиума. Братьям Мастертон вновь сопутствовал успех, и заведение процветало.

В год смерти королевы Виктории скончался и один из братьев. Его хоронили не так пышно, как королеву, но по меркам Поплара это было роскошное мероприятие, и все вволю повеселились. Ничто так не поднимает настроение, как хорошие похороны в Ист-Энде, и после церковной службы двери паба гостеприимно распахнулись навстречу скорбящим. Второй брат решил отойти от дел и передал право собственности сыну, который успешно управлял заведением в течение двадцати пяти лет – во время правления короля Эдуарда, ужасов Первой мировой войны и хаоса последующих годов. Именно он купил пианино, нашёл тапёра и ввёл в обычай пение хором. Он надеялся, что песни развеселят людей – или же дадут им повод отвести душу в слезах. Песни и танцы стали особой традицией «Рук мастера», и несмотря на все усилия, окрестные пабы не могли превзойти их на ниве субботних развлечений.

В 1926-й, в год Всеобщей стачки, когда большинство британских предприятий вынуждены были закрыться, отец Билла Мастертона умер, и он, представитель четвёртого поколения, взял управление пабом на себя. Это был крепко сбитый мужчина ростом чуть выше среднего, невероятно сильный и энергичный. Он с лёгкостью работал за двоих, отличался сметливостью, необходимой для дельцов, и все называли его Мастером. Он женился на девушке из Эссекса – выходя замуж за извозчика, она и не подозревала, что окажется в пабе. Ей так и не удалось прижиться в Попларе. Как-то раз Билл уговорил её встать за стойку, но это занятие было ей настолько не по душе, что он решил, что своей кислой миной она распугает всех посетителей. Она с облегчением вернулась к детям.

Оливер, старший сын, был её отрадой – такой же привлекательный, как и отец, но куда более мягкий. Джулия, вторая по старшинству, оставалась

для окружающих загадкой: это была мрачная и неразговорчивая девочка, а молчаливые дети ставят взрослых в тупик. Однако миссис Мастертон было чем заняться с тремя младшими сорванцами. Затем она снова забеременела, и на свет появилась прелестная крошечная девочка. Её назвали Джиллиан. Отец, казалось, полюбил младшую дочку, чем немало удивил мать. Остальных детей он словнобы и не замечал и вечно повторял: «Воспитание ребятишек – твоя задача, ты позаботься о них, а я уж позабочусь о деньгах, ясно?»

Яснее и не скажешь. Он много работал, и паб приносил хороший доход. В отличие от большинства женщин Поплара, миссис Мастертон никогда не знала бедности. Ей не хотелось, чтобы дети росли как кокни и говорили на жаргоне, поэтому, когда пришло время, их отправили в маленькую частную школу в другом районе. Супруг ворчал, но исправно платил за обучение.

– Тебе лучше знать, что нужно детям, – говорил он. – Надеюсь, оно того стоит.

Муж и жена притёрлись друг к другу, каждый выполнял свою роль, но они почти не разговаривали и не стремились стать ближе.

– Твой паб тебе интереснее, чем родные дети, – жаловалась иногда миссис Мастертон.

На что её муж отвечал:

– Не говори ерунды! Что мне, пелёнки менять? Тоже мне придумала! С ними же всё в порядке, так? Хорошо растут. Так чего тебе ещё надо?

Когда Джулии было девять, её старший брат начал кашлять.

– Это простуда, – сказала мать и растёрла ему грудь мазью с камфорой. Но кашель продолжался.

– Весной всё будет нормально, – рассудила она и заставила мальчика надеть фланелевую рубашку под школьную форму. Но кашель не проходил.

Оливер мечтал играть в школьной футбольной команде. Он трудолюбиво учился пинать и передавать мяч, и кашель был всего лишь досадной помехой. Больным он себя не чувствовал и не думал, что это помешает его увлечению. Когда он начал отхаркивать густую, желтоватую слизь, то просто сплёвывал её в бумажку и выбрасывал. Дома он ничего не сказал. Матери вечно суетятся, а он не хотел чтобы с ним возились. Нет уж, он будет капитаном футбольной команды.

Обнаружив как-то утром кровь на подушке сына, миссис Мастертон встревожилась. На все вопросы Оливер отвечал, что прекрасно себя чувствует, но она всё же вызвала доктора, который заподозрил туберкулёз

и порекомендовал сделать рентген и отдать мокроту на анализ. Врач также посоветовал остальным членам семьи на всякий случай сделать снимки, но все они оказались здоровы. Кроме того, Оливера тут же забрали из школы, поскольку, по словам врача, он мог заразить других детей. Его определили в специальную школу при санатории Колиндейл к северу от Лондона. Ему предстояло жить там и получать лучшее лечение.

Оливер был в панике. А как же спорт, как же футбольная команда? Врач пытался объяснить, что в новой школе тоже играют в футбол, но мальчик казался безутешным. Мать тревожило другое.

Её обожаемого старшего сына, её гордость и радость, увозили из дома, и хотя она могла навещать его, это было слабым утешением.

Оливер прожил в Колиндейле полгода. Он прижился и полюбил новую жизнь. Сельский воздух шёл ему на пользу, и всё лето он играл на свежем воздухе и вроде бы окреп. Миссис Мастертон была в восторге, и врачи разрешили ей увезти сына на лето к морю – все хором твердили, что это ему поможет. Надежда – очень важная составляющая лечения. Однако до моря он не добрался. Он так и не покинул санаторий. Прекрасная безжалостная дама[29] взяла его в рабство.

Оливер умер, и его родные были потрясены. Бедная мать чуть не сошла с ума от горя, и казалось, что она уже никогда не будет прежней. Отец стал молчаливым и рассеянным, но паб продолжал исправно работать.

Когда Джулия вспоминала эту смерть и думала об обожаемом старшем брате, её охватывали гнев и отвращение. Семья жила над пабом, и ребёнка в открытом гробу выставили на всеобщее обозрение, чтобы родные и соседи могли проститься с ним. Дети, которым в ту пору было от двух до девяти лет, выглядели подавленными и грустными, мать, не переставая, рыдала, а отец молчал. Женщины приносили цветы и мелкие подарки – кого-то из них дети знали, а кого-то видели впервые. Они складывали свои дары на тело мальчика и всхлипывали.

– Держись, Эми, – говорили они. – Подумай об остальных.

Мать плакала и ничего им не отвечала. Женщины уходили, чтобы оставить семью наедине с их горем. Всё это время из паба доносилась весёлая музыка – на пианино бренчали популярные мелодии, а сиплые голоса выводили: «Забудь беду, оставь печаль и улыбнись!» От топота стол с гробом беспрерывно трясся. Пьяные выкрики не утихали до поздней ночи, и только тогда в доме воцарялся покой, которого так недоставало бедной матери. Как-то вечером Джулия пришла к ней и села рядом, наслаждаясь долгожданной тишиной. Они так и заснули в одном кресле.

– Ты моя отрада, – говорила мать и гладила её по голове.

День похорон обернулся кошмаром. Он выпал на Троицу. Мать Джулии молила отца закрыть в этот день паб, но он отказался. Последовал чудовищный скандал, и дети в ужасе забились на чердак. Мать, бабушка и тётки вместе напустились на Билла Мастертона, требуя, чтобы он проявил уважение к усопшему, но тот стоял на своём.

– Надо работать! – твёрдо сказал он. В праздники пабам разрешалось держать двери открытыми с десяти утра до рассвета, и в этот день всегда была хорошая выручка.

Катафалк подъехал к задней двери заведения, а весёлые посетители толпами шли через главный вход. Мать хотела, чтобы на похоронах её старшего сына был кортеж с лошадьми, но это обернулось катастрофой. Гроб торжественно спустили вниз и поставили в катафалк, но в этот момент из паба вывалилась компания разгорячённых юнцов и визжащих девушек и завернула за угол. Крики испугали лошадей, одна из них попятилась, и это послужило сигналом для остальных – они принялись метаться и брыкаться. Распорядители утратили торжественный вид и принялись с проклятиями тянуть за вожжи, пытаясь не дать катафалку перевернуться. Слышно было, как гроб колотится о стенки. Все гости были напуганы.

Наконец, лошади успокоились, и похороны прошли спокойно, но родители Джулии сохраняли ледяное молчание. Они не пытались утешить друг друга. Как только церемония закончилась, отец сказал, что ему пора в паб – день будет непростой.

– Ты идешь, Эми?

Она потрясла головой.

– Я не могу идти в этот шум, не сейчас.

– Как пожелаешь, – ответил он и удалился.

Семья допоздна не шла домой, но в какой-то момент им пришлось вернуться, потому что младшие дети устали и начали плакать. В пабе творился бедлам, и компания полупьяных посетителей попыталась втащить миссис Мастертон в круг танцующих. Она с трудом вырвалась, загнала детей на второй этаж и заперла за собой дверь. К одиннадцати часам уровень шума достиг критической отметки – все хором пели: «Руки, ноги, потанцуй-ка!» Мужчины и женщины аплодировали, хлопали себя по коленям и пихали друг друга бёдрами. Всё это сопровождалось взрывами хохота, улюлюканьем и свистом. Поскольку всё происходило в праздничный день, безутешной семье пришлось слушать это ещё несколько часов.

Это была лишь первая смерть. Хотя всех детей осмотрели и объявили здоровыми, младшие сыновья один за другим заболели туберкулёзом. Безутешная мать выхаживала их. Двое отправились в санаторий Колиндейл, но вернулись домой умирать, когда врачи сообщили, что больше ничем не могут им помочь. Джулия на всю жизнь запомнила время, когда на втором этаже царила тихая смерть, а внизу гремел пьяный разгул. Мать словно оцепенела от горя, а отец становился всё более угрюмым и молчаливым, но неизменно повторял: «Надо работать!» – и открывал паб. Между мужем и женой нарастало напряжение, и дома то и дело вспыхивали ужасные скандалы, в которых супруги давали волю гневу и досаде.

Последнему мальчику было девять, когда он тоже начал терять вес, падать в обмороки и часто потеть. Он не кашлял, но врач посоветовал миссис Мастертон увезти его за город, на свежий воздух. Они отправились в Скегнесс, климат которого, как говорили, был целителен.

Миссис Мастертон взяла с собой и Джиллиан – на всякий случай, как она говорила родным и друзьям. С мужем она не посоветовалась. К тому моменту они почти не разговаривали. Джиллиан была младшей, и отец любил её больше других. Это была прелестная, ласковая девочка, которая боготворила своего папу, – а тот баловал её вне всякой меры. Он заплатил за домик у моря на полгода вперёд, думая, что жена уедет туда с младшим сыном. Они отправились в путь, пока мистер Мастертон работал в пабе, и только ближе к вечеру, когда Джиллиан не вернулась из школы, он осознал, что произошло.

Это был настоящий удар. Он и не предполагал, что женщины могут быть так коварны. Его переполняла ярость, и первым его порывом было броситься в Скегнесс на следующем же поезде и вернуть девочку. Но Билл Мастертон был умным человеком. Той ночью, закрыв паб, он уселся в своём кабинете, схватившись за голову. Слёзы душили его, и он запер дверь, чтобы никто не видел его в момент слабости. Возможно, жена была права. Они потеряли уже трёх сыновей, а теперь заболел и четвёртый. Он навалился на стол и кусал губы, пока не почувствовал вкус крови. Если его Джиллиан, его милая доченька, умрёт, – ему тоже не жить. Ей лучше побыть у моря, вдали от грязного городского воздуха. Через полгода она вернётся, и её болтовня и смех вновь утешат его сердце.

Так Джулия стала жить с отцом. Ей было шестнадцать, она хорошо училась, и вскоре ей предстояло сдавать экзамены, которые, по мнению преподавателей, должны были дать ей шанс поступить в университет. Отец и дочь остались наедине.

Отношения у них были сложные. Джулия никогда не любила отца и чувствовала, что он тоже её недолюбливает. На самом деле они страдали от того, что были слишком похожи, – например, оба не любили разговаривать, что весьма портило им жизнь. Оба подозревали, что собеседник смотрит на них с неприязнью, тогда как в действительности оба отчаянно пытались придумать, что бы сказать. В результате они подолгу молчали, и хотя каждый хотел растопить этот лёд, оба не понимали, как этого добиться.

Оба были умными людьми, но по-разному, из-за чего пропасть между ними неуклонно ширилась. Отец обладал практичным, интуитивным умом, тогда как дочери были близки академические науки. Когда она сидела за уроками, он порой брал в руки книгу и спрашивал:

– Что это?

– Алгебра.

– А это что?

– Вид математики.

– Арифметики, что ли?

– Можно и так сказать.

– Чушь какая-то.

– На самом деле, это очень красиво.

– Красиво? Что это значит?

И так далее. Билл Мастертон практически всё время проводил в пабе, а Джулия – в школе, в библиотеке или за уроками. Оба, отец и дочь, замкнулись в своих одиноких, несчастливых мирах.

Но дети бывают не по годам восприимчивы. Хотя Джулия мало разговаривала – или, возможно, именно поэтому, – она замечала, впитывала и анализировала всё вокруг. Ей начало казаться, что отец вовсе не так безразличен, как может показаться со стороны. Они с матерью каждую неделю писали друг другу. Миссис Мастертон никогда не выходила на связь первой, но всякий раз, когда из Скегнесса приходило письмо, отец с нетерпением ждал вестей.

– Как дети, всё ли у них в порядке?

Услышав, что всё хорошо, он удовлетворённо фыркал. Как-то раз он застенчиво вручил Джулии несколько нарядных ленточек для волос и детскую кофточку.

– У Джиллиан день рождения, отправишь ей? Надеюсь, размер подойдёт. Вроде я не ошибся с размером. – Он никак не мог успокоиться. – Женщина в магазине сказала, это то что надо. Красиво, как думаешь? Ей понравится?

Билл Мастертон так переживал, что снова и снова повторял одно и то же. Когда со следующей почтой ему пришёл рисунок и письмо, написанное детским почерком, он казался невероятно счастливым. Джулия была удивлена и по-новому взглянула на отца, но так и не смогла заговорить с ним открыто. Они никогда не проявляли нежности друг к другу, а теперь, когда он полностью погрузился в себя и работу, а она стояла на пороге взрослой жизни, готовясь постичь мир за пределами паба, – это было и вовсе невозможно.

Прошло полгода, и мальчику, казалось, стало гораздо лучше после лета на побережье. Семья вернулась домой, а мистер Мастертон вновь воссоединился со своей доченькой.

Джулия наблюдала за ними и удивлялась тому, как много отец позволял Джиллиан. За завтраком она сидела у него на коленях и макала хлеб с маслом в яйца всмятку – никому из детей такое и в голову не пришло бы. Отец расчёсывал ей волосы и перевязывал лентами. Он больше обращал внимания на младшего сына и в целом держался добрее.

– Ты хорошо придумала, – сказал он как-то жене ворчливо-уважительным тоном. – Они так и пышут здоровьем.

Но туберкулёз – жестокое заболевание. Человек может заразиться и никогда не узнать об этом, поскольку процесс порой протекает бессимптомно. В других случаях, однако, болезнь способна развиться и убить пациента за несколько месяцев или даже недель – раньше это называли скоротечной чахоткой. Как-то раз мальчик вернулся из школы с температурой. Мать уложила его в постель и вызвала врача. Родители тут же перевезли сына в санаторий, где его лечили всеми доступными на тот момент методами, но три месяца спустя доктора сказали, что больше ничего не могут сделать и лучше позволить ребёнку вернуться домой и спокойно умереть.

Горе вновь вцепилось в семью своими холодными серыми пальцами. Гроб с телом, как и в прошлые разы, выставили для прощания, и родные и близкие пришли отдать последнюю дань.

– Дочери тебя утешат, – говорили они миссис Мастертон. – Мальчики всегда заболевают первыми. Такая у них конституция.

Миссис Мастертон и не просила супруга закрыть паб – она знала, что это бесполезно.

– Я приду на похороны, – сказал он. – А пока что надо работать.

Днём в пабе было тихо, но по вечерам начинался кутёж.

– Ненавижу это место, – призналась как-то миссис Мастертон, которая

выглядела скорее на шестьдесят лет, чем на свои сорок.

– И я, – ответила Джулия. – Всем сердцем.

Девочка с отличием сдала экзамены и получила право учиться с университете. Она мечтала об одном – поскорее покинуть дом. Но в 1930-е девушкам жилось непросто. Британия была сжата тисками Великой депрессии, работы не хватало, а платили очень мало. Джулии хотелось продолжать учебу, но без денег это было невозможно. Паб процветал, и отец не отличался жадностью, но она не осмеливалась попросить его оплатить ей учёбу. Она поговорила с матерью, и та велела ей обратиться к папе, но между ними была такая пропасть, что Джулия так и не смогла себя заставить. В конце концов она решила стать телеграфисткой на почте, переехала в район Лейтонстоун (куда более приличный, но менее шумный, чем Поплар) и поселилась в женском общежитии.

Джулии было одиноко. Она неизменно чувствовала себя чужой среди окружающих девушек, ей мешали какие-то внутренние барьеры. Она привыкла к роли наблюдателя и зачастую сидела рядом с хохочущей компанией, не зная, как ей разделить их легкомысленное веселье. Такое поведение настораживало товарок. Пару раз её спрашивали: «Ты чего это на нас уставилась?» – а она не знала, что ответить. Её провозгласили воображалой. Джулия старалась держаться дружелюбно с некоторыми девушками, но настоящей близости между ними не получилось. Как-то раз она пошла прогуляться в девичьей компании, но по возвращении поклялась никогда больше этого не делать. Если она не работала, то большую часть времени проводила в библиотеке, где читала всё, что попадалось под руку – исторические труды, романы, работы по теологии, записки путешественников, стихи и фантастику. Мир книг помогал ей расширить горизонты и уравновешивал унылую рутину коммутатора. Уйти с работы она не решалась, поскольку в годы Великой депрессии любая занятость была большой удачей.

Сама по себе работа ей тоже не особенно нравилась. Джулия трудилась усердно, но в глубине души понимала, что она достойна большего. Начальница была стервой и, казалось, особенно невзлюбила её – возможно, из-за того, что Джулия отличалась от остальных. Девушке жилось непросто, но, по крайней мере, она была далеко от душной семейной атмосферы, шумных попоек и призрака смерти, который, казалось, поселился в их доме. Она была согласна на что угодно – лишь бы не возвращаться.

Мать и дочь переписывались раз в неделю. Им обеим было нечего сказать, но они поддерживали связь. Они постоянно обсуждали Джиллиан:

что она нормально себя чувствует, хорошо учится, дружит с дочерью викария, ходит на пикники воскресной школы и так далее. Мать мало писала о себе, и ничего – об отце.

Затем пришли ужасные новости: Джиллиан заболела. Викарий молился за неё. Вызвали врача. Им посоветовали уехать в санаторий. Миссис Мастертон поехала вместе с дочерью, и Билл снял для неё небольшой домик. О санатории отзывались хорошо, но им стало известно, что швейцарский воздух ещё полезнее. Говорили, что многие выздоравливают в местечке Санта-Лимог в Альпах. В середине зимы Джиллиан с матерью пересекли Ла-Манш, после чего отправились на поезде в горы в поисках исцеления. Но двухдневное путешествие оказалось слишком тяжёлым испытанием для девочки, и она умерла вскоре после прибытия.

Джулия была безутешна. Её семью прокляли. Она тихонько плакала по ночам в спальне, которую делила с двадцатью другими девушками, а днём молчала больше обычного. Она отправила матери длинное скорбное письмо и впервые раскрылась перед ней – к её удивлению, это оказалось действенно. Она написала короткое послание отцу, но так и не придумала, что сказать. Ей вспоминалось, как Джиллиан сидела у него на коленях и поедала хлеб, как он купил её сестре в подарок ленты и детскую кофточку, но что написать ему, она не знала. В конце концов Джулия отправила ему несколько слов на листочке, и ответа не получила.

Похороны состоялись в Швейцарии. Миссис Мастертон вернулась домой, но несколько месяцев спустя оставила мужа и уехала к сестре в Эссекс. Мать и дочь продолжали переписываться, и время от времени встречались и проводили день вместе. Отец всё также заправлял пабом, но Джулия не писала ему и не приезжала. Хотя ей жилось одиноко, она не жалела о том, что покинула дом. Воспоминания о пьяном разгуле вызывали отвращение, а мысли о смерти чересчур тяготили.

«Нет уж, – клялась она, – в “Руки мастера” я больше не вернусь».

Туберкулёз[30]

Юность иссыхает от невзгод…
Ода соловью.
Джон Китс[31]

Туберкулёз существует столько, сколько живёт человечество. Следы этой болезни находили в неолитических захоронениях вблизи Гейдельберга, в Германии и в египетских гробницах, датируемых 1000 годом до нашей эры. В древнеиндийских работах упоминается чахотка. Гиппократ использовал слово *phthisis* для обозначения совокупности кашля, худобы и разрушения лёгких. Эта болезнь универсальна, и её распространение не зависит от климата – её обнаруживали у коренных народов Северной Америки, в первобытных племенах Северной Африки, у инуитов на Аляске, в Китае, Японии, Австралии, России, на Корсике, в Малайзии и в Персии. Возможно, на свете нет ни одной нации или племени, не затронутых туберкулёзом.

На протяжении истории эпидемия то усиливалась, то ослабевала – как правило, вначале её вспышки остаются незамеченными, затем болезнь приобретает масштабы эпидемии, после чего сходит на нет, когда население получает иммунитет к туберкулёзной палочке. Цикл занимает приблизительно двести лет. В Европе и Северной Америке пики эпидемии приходились на период между 1650-ми и 1850-ми годами (в зависимости от нации). Историки и учёные медицины пишут, что в отдельные периоды заражёнными оказывались девяносто процентов населения. Десять процентов из них умирали. В основном бацилла поражает лёгкие, но страдают также кости, кора головного мозга, почки, печень, позвоночник, кожа, кишечник, глаза – туберкулёз влияет практически на все ткани и органы человеческого организма. Эту болезнь называли Великой белой чумой Европы.

Чаще всего от туберкулёза умирают люди в возрасте от пятнадцати до тридцати лет. В европейской литературе XVIII–XIX веков преобладало творчество писателей «Бури и натиска» и поэтов-романтиков. Сегодня мы с недоумением смотрим на их болезненных персонажей, дивясь тому, как очевидно здоровые молодые женщины то и дело падают в обморок или

умирают, а бледные апатичные юноши не имеют сил ни на что, кроме написания стихов. Но всё это не мрачный плод воображения – апатия, слабость, утомляемость, потеря веса и бледность были чрезвычайно характерны для молодёжи и являли собой первые признаки заболевания, которые большинство окружающих не могли распознать. Когда у больного начинался кашель, жар и отёк лёгких, болезнь называли чахоткой, и лечить её было уже поздно.

С древности существует убеждение, что между туберкулёзом и гениальностью имеется связь: выдающиеся личности чаще заболевают, а жар, охватывающий больного, заставляет его ум работать наиболее продуктивно. В XVIII–XIX веках в Европе верили, что чахотка возникает из-за повышенной чувствительности или богатого воображения – ведь знаменитые музыканты, поэты, художники и писатели часто умирали от этой болезни. Те, кто оплакивал смерть единственного сына или любимой дочери, с радостью хватались за такое неправдоподобное объяснение. Горе нуждается во внешних проявлениях, и если мать может увидеть в мрачных стишках умирающего сына проявление гениальности, эта мысль её некоторым образом утешает.

Возможно, впрочем, что богатство культуры этого периода европейской истории действительно косвенно связано с туберкулёзом. Для лечения кашля больным часто прописывали опиум, и говорили, что те, кто мог позволить себе такое лекарство, впадали от него в зависимость. Многие наркотики вызывают галлюцинации, но именно опиум стимулирует творческое начало.

Жители севера полагали, что туберкулёз начинается под влиянием серого неба, туманных зим и ледяного ветра, поэтому заболевшие чахоткой богачи массово отправлялись на юг, подальше от холода, – но всё было тщетно. Они привозили с собой смерть, и она забирала и местных жителей. Живописная рыбацкая деревушка на юге Франции, Ницца, неожиданно вошла в моду. Там построили гостиницы, где поселились чахоточные больные – бледные, исхудавшие люди с обеспокоенными взглядами. Говорили, что в оперном театре не слышно музыки из-за кашля и отхаркиваний! Состоятельные американцы уезжали во Флориду и Нью-Мексико, чтобы вымолить у солнца последний луч надежды. Но оно не способно исцелить скоротечную чахотку; на самом деле, солнечный свет мог оказать негативное влияние на ход болезни.

Рекомендации врачей менялись. Больным прописывали горный воздух, пустынный, тропический, влажный, сухой, мягкий ветер, сильный ветер,

безветрие. Те, кто мог себе позволить путешествия, тщетно разъезжали во всех направлениях. К концу XVIII века всем стало очевидно, что климатические перемены не имели никакого воздействия на туберкулёз, и болезнь не знала географических ограничений.

Медицинская наука тогда пребывала в зачаточном состоянии, и лечение предлагалось крайне ограниченное. Непредсказуемость течения и прогнозов чахотки ставила докторов в тупик – некоторые люди умирали через несколько месяцев, другие вдруг выздоравливали без лечения, а кто-то жил полноценной жизнью, иногда прерываемой приступами слабости. Больные молили о врачебном вмешательстве и дрожащими руками цеплялись за малейший проблеск надежды. Но лечение было так же непредсказуемо, как сама болезнь, и, возможно, мало на неё влияло. Несмотря на это, в моду постоянно входили те или иные процедуры. Врачи обширно применяли кровопускание, шпанскую мушку, горчичники и банки, примочки, припарки и ингаляции. Полагали, что дело может быть в образе жизни, и рекомендовали больным физические упражнения – порой им помогали лыжи, верховая езда, прогулки или морские купания. Находились сторонники глубокого дыхания, игры на флейте и пения. Другие эскулапы утверждали, что главное – это отдых, и больным прописывали постельный режим на долгие месяцы или годы, зачастую в жаркой комнате, где нельзя было даже открыть окно. Элизабет Барретт[32] провела в кровати много лет, пока Роберт Браунинг[33] не увёз её в Италию, где ей неожиданно стало лучше!

Питание важно при любом лечении, и модные диеты сменяли друг друга с пугающей частотой. Некоторые доктора советовали строгие ограничения (сейчас бы назвали это лечебным голоданием), и сёстры Бронте почти наверняка страдали от недоедания, предписанного отцом и его врачами. Другие предлагали рацион, богатый мясом, потрохами, тёплой кровью животных, жирами, сливками, рыбой, яйцами или молоком – ослиным, козьим, верблюжьим, овечьим и человеческим (последнее употреблялось в США вплоть до начала XX века). Все продукты по очереди получали признание.

Но данные методы не учитывали заразности туберкулёза. Врачи не рекомендовали никаких особых мер предосторожности при уходе за умирающим. Напротив, считалось, что больных надо держать в жарких душных комнатах, где никогда не открывали окна. Есть множество свидетельств того, как любящие родители или братья и сёстры дни и ночи проводили в одной комнате или даже одной постели с чахоточными.

Миллионы людей, у которых не было ни единого симптома болезни, на самом деле являлись её переносчиками.

Если все деньги мира не в силах защитить богатых от туберкулёза, что же было с бедняками? Они не могли позволить себе ни роскошных гостиниц на юге Франции или в Швейцарских Альпах, ни даже визита ко врачу. Они с трудом наскребали на аспирин или выпрашивали выходной. Потеря работы вела к нищете, поэтому они работали, пока не умирали.

В промышленных городах (в Англии, а потом в Европе и Америке) замёрзшие, голодные мужчины, женщины и дети работали по двенадцать и более часов в сутки в душных, зловонных цехах, а по ночам возвращались в дома, санитарно-гигиенические условия которых мы даже не можем вообразить. Инфекция распространялась с чудовищной скоростью и прогрессировала из-за недостаточного питания и изнуряющего труда.

В предыдущие столетия детский труд считался в Европе обычным делом. С середины XVIII века в промышленной Европе детей заставляли по двенадцать и более часов работать в душных запертых помещениях. Королевская комиссия по детскому труду на производстве в 1843 году пишет, что семи– и восьмилетние дети «отстают в росте, выглядят бледно и болезненно; самые распространённые заболевания у них – расстройство пищеварительной системы, искривление позвоночника, деформация конечностей и заболевания лёгких, приводящие к чахотке». Количество смертей от туберкулёза среди этих ребятишек даже не учитывалось. Это были дети бедняков или взятые из работных домов, нежеланные, беззащитные и легко заменяемые.

В закрытых работных домах, обитателям которых не позволялось выходить на улицу, болезни были неотъемлемой частью жизни. Единственным свидетельством о туберкулёзе в работном доме, которое мне удалось найти, была запись из Кента, где в 1884 году *все* семьдесят восемь мальчиков страдали от туберкулёза, а среди девяноста четырёх девочек здоровы были только три. Неизвестно, сколько из них умерло, но, скорее всего, многие. Разумеется, чем хуже условия жизни, тем тяжелее последствия заражения туберкулёзной палочкой. Зафиксировано, что в еврейском гетто в Вене в разгар эпидемии было заражено сто процентов населения, из них двадцать процентов скончалось. Богатые жители Вены боялись и близко подходить к этому району.

Для бедняков болезнь не ассоциировалась с романтическим образом бледного, исхудавшего юноши. Она не становилась поводом ложиться в постель на долгие месяцы и сочинять длинные печальные стихи. Она не давала возможности отправиться в путешествие. И приносила с собой

смерть, нищету и осиротевших детей.

Чаще всего от туберкулёза умирали молодые люди, но среди погибших было и немало детей. На кладбище в Бёртоне на границе Англии и Уэльса, где похоронены мои дедушки с бабушками и мой отец, есть могила десяти детей из одной семьи – все они умерли в возрасте от полугода до двенадцати лет от «скоротечной чахотки». У композитора Густава Малера было тринадцать братьев и сестёр, и семеро из них умерли от туберкулёза. Мастертоны, трагическую историю которых я излагаю, были далеко не единственной семьёй с подобной судьбой. В многоквартирных домах Поплара жила пара, все шестеро детей которой, по слухам, умерли от чахотки. Я до сих пор не могу забыть скорбный вид этих супругов.

В те времена не думали о том, как болезнь передаётся от человека к человеку посредством дыхания. Чахотку считали наследственным пороком лёгких, а поскольку ею часто болели целыми семьями, то эта ложная теория получала дополнительные подтверждения. Как ни странно, врачам не приходило в голову задуматься над тем, что внутри закрытых религиозных орденов, где проживали не родственные друг другу монахи и монахини, могли оказаться инфицированными все обитатели.

Однако в 1722 году английский врач Бенджамин Мартен опубликовал статью, в которой говорилось, что, возможно, «мельчайшие живые существа, наделённые способностью селиться в наших телах, грызут и истирают сосуды в лёгких». Эта идея показалась всем такой абсурдной, что медики отказывались в неё верить. Если бы Мартена послушали и приняли надлежащие меры по изоляции больных и дезинфекции, Великой белой европейской чумы можно было бы избежать.

В 1882 году немецкий учёный Роберт Кох в своей домашней лаборатории впервые выделил бациллу туберкулёза при помощи опытов на животных продемонстрировал, что именно она в ответе за болезнь, которая веками ставила в тупик исследователей и медиков. Он также показал, что бацилла может передаваться от человека к животному (и наоборот), а значит, молоко от коровы, больной туберкулёзом, способно заразить людей – особенно детей.

С того момента во всех европейских странах и в Америке развернули общественные программы здравоохранения. Люди узнали о том, как происходит инфицирование и передача инфекции, и всё это было для них настоящим открытием. Пришлось обучаться совершенно новому занятию – стерилизации. Главной задачей стало ограничение распространения инфекции. На это ушло почти восемьдесят лет.

Пастеризация молока началась в 1920-х годах – почти через сорок лет

после того, как Кох доказал возможность передачи инфекции между людьми и животными. Но даже тогда многие отказывались верить в это и покупать пастеризованное молоко. Поначалу анализы у скота брались только по решению фермеров, но в 1930-е годы они стали обязательными. В 1920-е годы во всех общественных местах, зданиях и в транспорте появились огромные объявления: «Плеваться запрещено!» – и просуществовали они вплоть до 1950–1960-х.

Больных чахоткой не допускали до работы; даже праздным богачам было запрещено прогуливаться на юге Франции, заражая окружающих, – их лечили в закрытых санаториях. За такими людьми ухаживал специализированный персонал, и медсёстрам, работающим с заражёнными туберкулёзом, не разрешалось даже входить в обычные больницы. Заболевших чахоткой родителей разлучали с детьми, ребятишек забирали из школы. Благодаря этим мерам, туберкулёз, долго терроризировавший Европу, начал сдавать свои позиции.

В обществе начали рассматривать возможность профилактической прививки от туберкулёза. Вакцинацию против инфекционных заболеваний разработал в 1796 году Эдвард Дженнер – он заметил связь между коровьей оспой и человеческой. В 1880-х, когда Роберт Кох открыл бациллу туберкулёза, он рассчитывал, что из мёртвых бацилл можно приготовить вакцину. Идея была верной, но случилась трагедия: группе детей ввели некорректно приготовленные вакцины с живыми бациллами. В результате все дети заболели туберкулёзом, а многие умерли. Этот случай приостановил использование прививок на шестьдесят лет, и безопасное и эффективное лечение распространилось лишь в 1950-е годы, когда вакцинирование против туберкулёза стало выполняться при помощи штамма Кальметта-Герена.

Но прививка – это профилактическая мера, и она не поможет уже заболевшим. В первой половине XX века для лечения туберкулёза было разработано множество средств. В 1930-е годы использовали сульфаниламид, в 1940-е – парааминосалициловую кислоту, в 1950-е годы появился один из первых антибиотиков, стрептомицин, и спас миллионы жизней.

Рентген изобрели задолго до этого, в 1895 году, и благодаря ему можно было определить степень развития болезни. Для лечения применяли хирургические методы, и к 1930-м годам они прогрессировали – врачи удаляли больному целое лёгкое или поражённые доли. В 1890-е медики начали прибегать к торакопластике или искусственному пневмотораксу, и в начале XX века эти техники получили развитие.

Но основной причиной успеха стали общественные программы здравоохранения: к концу 1960-х туберкулёз уже не был основной причиной смертности в европейских странах и Америке.

Мы, счастливые люди XXI века, не можем понять и вообразить, какое ужасное влияние имела эта болезнь в прошлом. Будем же благодарны медицинскому прогрессу и приложим все усилия, чтобы его достижения распространились по всему миру.

Мастер

Там убаюкала затем
Она меня – о, горе мне! –
Последним сном забылся я
В покинутой стране.

La Belle Dame sans Merci.

Джон Китс[34]

Они пили чай в кафе «Лион» на Стрэнде. Обычно они встречались там раз в месяц. Миссис Мастертон нравилась местная атмосфера – «изысканная», как она выражалась. Как повелось, они собирались провести вместе день. Миссис Мастертон разливала чай.

– Говорят, что твой отец болен, – бросила она.

– Папа? Болен? Я не знала.

– Мне сказал молочник, у него брат – таксист. Таксисты всё знают. Говорят, что хозяин «Рук Мастера» в Попларе заболел. Подробностей у меня нет.

– А что с ним?

– Я не в курсе.

– Ты его видела?

– Нет. Поэтому я хотела с тобой поговорить, Джулия. Когда вы в последний раз общались?

– Несколько лет назад. Точно не помню.

– Вы не ссорились? Ничего резкого друг другу не говорили?

– Нет, мы никогда не ругались, мы просто почти не разговаривали. Я никогда не знала, о чём он думает. Мне всегда казалось, что он странно на меня поглядывает. Не знаю почему. Может, просто казалось. Не знаю. Он всегда любил Джиллиан, но не меня, тут я уверена. А мальчиков он любил?

– Думаю, что любил, по-своему, – мать горестно вздохнула. – Странный он человек. Никогда не умел показывать свои чувства, но мне кажется, что сыновей он любил. И Джиллиан любил, это уж точно. Она была ему очень дорога.

Миссис Мастертон смяла салфетку, еле сдерживая слёзы.

– Жизнь такая тяжёлая. Все пропало, и у меня осталась только ты,

отрада моя.

Мать и дочь сжали друг другу руки. В кафе играл пианист. Женщины умокли, погрузившись в воспоминания. Тишину нарушила Джулия.

– Надо навестить его.

– Я так надеялась, что ты это скажешь, милая.

– Зайду к нему в выходной.

– Умница.

Миссис Мастертон помолчала, копаясь в сумочке в поисках помады, а потом нерешительно добавила:

– Спроси его, будет ли он рад меня видеть, хорошо? Я не хочу навязываться, но если он согласится, я приеду. Бедняга… Тяжело представлять, что он болеет в одиночестве. Он не был мне дурным мужем, он хотел как лучше. Но мы никогда не уживались, и паб был для него на первом месте.

Ранним утром Джулия отправилась в Поплар.

Ей хотелось прийти к отцу до открытия паба. Трамвай дребезжал, проезжая по местам, которые она не навещала более шести лет. В семнадцать она сбежала отсюда при первой же возможности, но в двадцать три всё здесь было ей интересно, и она с нетерпением высматривала знакомые с детства места. Её охватило странное волнение, почти восторг – это были совершенно неожиданные чувства.

Она вышла раньше, чем требовалось, чтобы пройти последнюю четверть мили[35] пешком, и по пути разглядывала знакомые заведения: универмаг на углу, где торговали конфетами, – они с братьями частенько туда наведывались; булочную, откуда вечно доносились дивные запахи; ломбард, над распахнутыми дверями которого красовались три неизменных медных шара[36]; лавку еврея-портного. Всё это было ей знакомо и успокаивало.

Перед «Руками мастера» кто-то подметал. Она поздоровалась и спросила, дома ли мистер Мастертон. Ей ответили, что он тут, но болен и не принимает посетителей.

– Меня он примет, – сказала Джулия. – Впустите, пожалуйста. Я его дочь.

Мужчина перестал подметать, опёрся на метлу и уставился на девушку.

– Дочь! Я и не знал, что у него есть дочь. Он говорит, что его семья померла.

«Этой дочери и не было», – печально подумала Джулия. Он даже не рассказывал обо мне. Но если быть честной, сама она никогда не

упоминала отца в беседах с девочками на коммутаторе; так почему же он, оставшись в одиночестве, должен был говорить о ней своим сотрудникам?

– Я его единственная живая дочь. Можете меня впустить?

Мужчина тут же приосанился.

– Нет, мэм, но у Терри есть ключ, он раньше был тут старшим барменом, а теперь управляет, с тех пор как начальник заболел. Я вас отведу.

Терри был также потрясён новостью о существовании Джулии и пробормотал что-то вроде: «Моя мать приглядывает за стариком». Девушке не понравилась подобная фамильярность.

– Если вы говорите о моём отце, называйте его мистером Мастертоном, пожалуйста, – сказала она холодно. – Прошу, пропустите меня к нему.

Она спустилась по хорошо знакомым деревянным ступеням. Тишину нарушали только её шаги. Она вошла в комнаты, где семья обитала в прежние, счастливые дни, где дети смеялись и играли, пока смерть не отбросила на этот дом свою чёрную тень. Джулия увидела дверь комнаты, в которой размещали гробы её братьев, но не стала открывать её. Вместо этого она отправилась в кухню – там было чисто, но холодно, и казалось, что ей не пользуются. Неужели здесь никого нет?

– Папа, ты тут? – окликнула она.

– Кто здесь? – спросили в ответ. – Это миссис Вестон?

Джулия пошла на голос.

– Нет, это не миссис Вестон, это я, Джулия.

Она вошла в спальню. На узкой кровати у окна лежал человек, которого она не сразу узнала. Лицо его осунулось и сморщилось, глаза запали. Дышал он часто, шумно и с очевидным трудом, а шея была такой тонкой, что, казалось, будто она вот-вот переломится. Кожа его была серой, но на щеках лихорадочно горели два алых пятнах, словно мужчину загримировали под клоуна. Слабые руки покоились на одеяле, а костлявые пальцы с длинными ногтями вцепились в ткань.

– Это вы, миссис Вестон? – уточнил он, повернув голову, и его тусклые глаза расширились, когда он узнал дочь.

– Джулия? Что ты здесь делаешь? – спросил он хрипло.

– Я узнала, что ты заболел, папа…

– Ничего страшного. Скоро пройдёт. У меня был врач. Говорит, что я иду на поправку. Через несколько дней я встану. Рад тебя видеть, дочка. Располагайся.

Она взяла стул и присела у постели.

– Почему ты не сказал, что болен?

– Ни к чему было кого-то беспокоить. У тебя своя жизнь. Я и сам справляюсь. Миссис Вестон приходит и помогает мне. Когда ты пришла, я решил, что это она. Даже и не думал, что увижу тебя.

Джулию захлестнули эмоции.

– Прости, папа, мне следовало прийти раньше.

– Нет, девочка, что ты. У тебя своя жизнь. И неплохая, судя по всему. Всё на коммутаторе?

Она кивнула.

– Хорошая работа, перспективы. Всё у тебя будет отлично – своя жизнь, свои друзья. Нельзя вечно оглядываться на прошлое.

Сравнивая нарисованную им радужную картину с унылой реальностью, Джулия не знала, что ответить.

– Ты хорошо ешь?

– Миссис Вестон готовит мне, но мне много и не надо. Не держится во мне еда.

– Боже, папа, что же мне делать? – Джулия чуть не плакала.

– Ничего, девочка моя, ничего. Радуйся жизни. Молодым бываешь только однажды, так что пользуйся этим.

– Папа, ну нельзя же просто бездействовать.

– Не принимай близко к сердцу. Мне ничего не нужно. Миссис Вестон мне помогает, а её сына, Терри, я назначил управляющим. Он присмотрит за пабом, пока я не встану на ноги.

Он откинулся на подушки – разговор утомил его. Джулия молчала, терзаемая угрызениями совести и раскаянием. Перед ней лежал отец, которого она не видела шесть лет, и видно было, что он умирает. Не открывая глаз, он протянул ей слабую руку и прошептал:

– Рад тебя видеть, дочка. Хорошо, что пришла. Спасибо.

– Хочешь, чтобы мама тебя навестила?

– Мать? А она захочет?

– Она говорит, что придёт, если ты пожелаешь. Навязываться не будет.

Мистер Мастертон не ответил, глубоко вздохнул и, казалось, погрузился в сон. Джулия сидела рядом, разглядывая жалкую тень человека, которого называла отцом, но на самом деле не знала. Человека, который некогда был полон жизни, вызывал всеобщее уважение, у которого было больше сил и энергии, чем у всех окружающих, человека, который филигранно управлял «Руками Мастера».

Она поняла, что делать. Надо уходить с коммутатора и бросать съёмную комнату. Ей не придётся покидать отца, даже чтобы собрать вещи – квартирная хозяйка пришлёт их, да и вещей там немного. Она

мысленно перебирала дела – повидаться с врачом, нанять медсестру, выяснить, чем кормить отца, какие процедуры ему нужны и как его устроить поудобнее. Её пугала собственная неопытность, и она жалела, что рядом нет матери.

Отец спал, поэтому Джулия прошлась по большой, пустынной квартире. Она опустилась на лавку, на которой они любили сидеть с братьями и наблюдать за жизнью на улице. Она влезла по узкой лестнице на чердак, забитый хламом, где они играли в прятки. Там лежали всё те же вещи, что принадлежали ещё их бабушкам с дедушками, – запылившиеся, постаревшие, но те же. Вот было бы жутко, если бы что-то изменилось! Она вошла в кухню, некогда полную жизни и соблазнительных для ребёнка ароматов, а теперь – холодную и опустевшую. Джулия заглянула в спальню, которую когда-то делила с сестрой, и тут же решила, что будет жить здесь. Но вторую кровать придётся отправить на чердак – ей не удастся заснуть рядом с пустой постелью Джиллиан. Она поёжилась и вернулась в кухню, чтобы заварить себе чай.

На лестнице послышались шаги, и перед Джулией предстал молодой человек в аккуратных одеждах и с чёрным портфелем. Они пожали друг другу руки, и он назвался доктором Фуллером.

– Терри сказал мне, что вы – мисс Мастертон, единственная оставшаяся в живых дочь моего пациента.

Джулия кивнула.

– Жаль, что мы не узнали о вас годом раньше. Он говорил, что его семья умерла.

Джулия почувствовала, как заливается краской от стыда, и не знала, что сказать. Они отправились в комнату к больному.

Доктор умело осмотрел истощённое тело. Джулия оторопела, увидев рёбра отца – казалось, их прикрывает одна только кожа. Доктор Фуллер ощупал увеличенные лимфоузлы и напряжённую шею. Он понажимал на грудь в разных местах и послушал в стетоскоп сердце и затруднённое дыхание. Он изучил мышцы мистера Мастертона, заглянул ему в глаза и осмотрел его ногти, которые, как заметила Джулия, были очень странной формы. Врач осмотрел мокроту в плевательнице.

– Всё хорошо, – сказал он. – Тепло, сытная еда и покой – всё, что вам нужно. Рад, что ваша дочь тут.

– Она приехала только на день. У неё выходной. Я ей тоже рад. Приятный сюрприз.

– Я надеялся, что она останется, – с нажимом сказал врач, зная, что

Джулия стоит позади.

– Нет-нет, что вы, у неё своя жизнь. Она работает на телеграфе. Не хочу её утруждать. У неё свои друзья, свои заботы.

– Понятно, – вздохнул врач. – Ну что ж, я загляну через несколько дней.

Когда они вышли, Джулия сказала, что собирается остаться, просто ещё не сообщила об этом отцу. Ей хотелось знать, что с ним, и она рассказала, что четверо её братьев и младшая сестра умерли от туберкулёза. Доктор Фуллер объяснил, что мистер Мастертон, очевидно, впервые заразился много лет назад, но это прошло незамеченным, поскольку любые симптомы – кашель или жар – списывали на простуду. Но год назад, видимо, произошло повторное инфицирование, которое затронуло медиастинальные лимфатические узлы.

– Боюсь, что теперь туберкулёз поразил его лёгкие.

Джулия уточнила, какое ему показано лечение.

Врач объяснил, что отцу нужны покой, тепло, сытная пища, обильное питьё, ингаляции, постуральный дренаж, свежий воздух и кодеиновая микстура от кашля, а позже морфий.

Джулия спросила, поправится ли её отец. Казалось, доктор не хотел отвечать, но она настояла на своём:

– Мне надо знать.

– Год назад мы с коллегой посоветовали вашему отцу уехать на полгода в санаторий в Швейцарских Альпах. Он отказался. Сказал, что не может надолго оставить паб.

– Ну разумеется, – сердито сказала Джулия. – Нельзя же оставить паб, даже для того, чтобы спасти свою жизнь. Продолжайте.

– Свежий альпийский воздух спас бы его, но теперь уже поздно. Некоторое время, казалось, состояние его улучшалось или болезнь хотя бы не прогрессировала, и мы думали, что он принял верное решение. Но два месяца назад ему резко стало хуже. Нет лекарств, которые помогли бы на этой стадии. В некоторых случаях инъекции тиосульфата натрия способны помочь, но мы уже делали их еженедельно, и эффекта не последовало. Боюсь, ваш отец находится в том состоянии, когда ожидать выздоровления бессмысленно.

Джулия молча смотрела в пол. Она не удивилась услышанному, но ей было бесконечно грустно.

– А теперь можно его отвезти в санаторий? Все знают, какой ужасный воздух в Попларе.

Врач улыбнулся.

– Да, но нет доказательств того, что местный воздух вызывает

туберкулёз. Люди, живущие в идеальных условиях, также заболевают и умирают. Но вашего отца теперь нельзя перевозить. Его это погубит.

Джулия вспомнила, как мать два дня добиралась до Швейцарии на корабле и поезде вместе с больной дочерью, которая скончалась по прибытии, и согласилась с врачом.

– Что же делать? – прошептала она.

– Обеспечьте ему комфортные условия. Пусть ест всё, что хочет. Пусть встаёт, если может. Не давайте ему мёрзнуть. Ингаляции очень помогают. Вам понадобится медсестра. Советую обратиться к сёстрам ордена Святого Раймонда Нонната – это орден монахинь, который много лет работает в этом районе.

Джулия взвалила на себя непростую задачу по уходу за больным, не имея ни малейшего представления, как это делается. Она не сказала отцу, что собирается остаться, боясь, что из гордости он отошлёт её. Вместо этого она соврала, что потеряла работу и не может найти другую. Поэтому у неё нет денег на аренду, и её выгнали из комнаты.

– Тогда живи здесь, дочка, пока не встанешь на ноги, – тут же предложил отец.

После этого он не спрашивал, почему она всё время рядом. Он давал ей деньги на ведение их скромного хозяйства, из которых она платила миссис Вестон за уборку, оплачивала лекарства, визиты врача и медсестёр. Отец оказался очень щедр и то и дело говорил что-нибудь вроде:

– Купи себе что-нибудь красивое, какую-нибудь хорошенькую блузку. Девушки же любят наряжаться.

Он продолжал внимательно следить за доходами паба. Несмотря на то, что он болел и уже не спускался вниз, казалось, он точно знал, что происходит. Каждое утро Терри поднимался к нему и докладывал о выручке предыдущего дня. Он перечислял, сколько посетителей было накануне, сколько паб заработал, сколько продуктов ушло, и всё это сверялось с деньгами в кассе и заносилось в бухгалтерскую книгу. Джулию поразило, насколько тщательно отец контролирует происходящее. Когда Терри был рядом, мистер Мастертон казался сильнее, и ум его работал чётко и надёжно. Кроме того, она поняла, что только благодаря неусыпному контролю хозяин паба мог быть уверен, что работники его не обманывают. Когда посетителям каждый день наливают сотни стаканов выпивки, несложно немного схитрить. Отец же по выручке за день определял, сколько продуктов должно было остаться, и сам заказывал поставки и подписывал чеки. Все называли его Мастером, и Джулия

искренне восхищалась его деловой хваткой. После ухода Терри отец, обливаясь потом, откидывался на подушки; зачастую он начинал лихорадочно кашлять, и прийти в себя ему помогали только микстура и прохладительный напиток.

Как-то раз он сказал Джулии:

– Эти врачи ничего не понимают в бизнесе. Хотели, чтобы я уехал на полгода. То-то бы разные стервятники обрадовались, а? К моему возвращению здесь ничего бы не осталось.

Он довольно усмехнулся, но девушка задумалась – что же осталось от него самого после того, как он отказался от санатория?

Врач посоветовал Джулии обратиться к сёстрам Святого Раймонда Нонната, и как только она увидела, как по ступеням взбирается грузная сестра Евангелина, то узнала в ней монахиню, которая десять лет назад ухаживала за её братьями. Поднявшись на второй этаж, запыхавшаяся сестра тут же отправилась в комнату больного, уселась и потребовала принести чай. Джулия полагала, что монашки лишь бормочут молитвы и брызгают святой водой, но сестра Евангелина сразу заговорила о деньгах:

– Буду приходить каждый день, но не бесплатно, предупреждаю. Наш орден помогает беднякам, но вы-то не нищий. Если хотите, чтобы я у вас работала, придётся раскошелиться, чтобы мы могли продолжать лечить остальных бесплатно. Решайте сами и дайте два куска сахара, пожалуйста.

Мистер Мастертон захихикал, что вызвало приступ кашля. Сестра Евангелина попивала чай, поглядывая на него поверх чашки. Наконец ему удалось выдавить:

– Согласен. Назовите цифру, сестра, и я её удвою. Тысячам людей нечем платить за лечение.

– Тысячам? – фыркнула она. – Десяткам тысяч, скорее уж. Мы-то их всё время видим.

Она неодобрительно уставилась на Джулию, которая тут же почувствовала себя очень маленькой. Она не знала, что и думать о такой монахине.

– Полагаю, вы не понимаете, как осуществляется сестринский уход?

Джулия покачала головой.

– Я так и думала. Бестолковые легкомысленные девчонки. На роду мне, видать, написано иметь дело с такими вертихвостками. Ладно, это лучше, чем ничего, так что давайте начнём. Главное, что ему нужно, это постуральный дренаж. Микстуры да пилюли – это хорошо, но мокрота сама из лёгких не выйдет. Постуральный дренаж! – повторила она громко и

встала. Джулии пришлось сделать шаг назад.

– Внизу я видела столы на козлах. Пойдут. Сходите туда и попросите мужчин принести один, – велела сестра Евангелина сбитой с толку Джулии. – Идите! Нечего тут стоять. И нам понадобится матрас.

– Матрас?

– Я же сказала, матрас.

– Но у нас есть один.

– Нужен ещё один. Давайте, быстрее, у меня мало времени.

Джулия поспешно спустилась в паб. Она не понимала, что происходит, но велела работникам затащить наверх стол и принести матрас с чердака. Оглядев то, что она попросила, сестра удовлетворённо фыркнула.

– Хорошо. Прислоните стол со сложенными ножками к кровати – вот так. Поставьте к нему комод, чтобы он не съехал. Отлично, теперь положите сверху матрас. Молодцы.

Она взглянула на Терри.

– Терри Вестон, так?

Молодой человек кивнул.

– Я так и думала. Я тебя знаю с тринадцати лет – ты тогда объелся чего-то не того, и никак не мог от этого избавиться. Мучился запором две недели. Пришлось две клизмы тебе поставить. Надеюсь, это послужило тебе уроком.

Терри побагровел, а второй работник захихикал. Мистер Мастертон тоже рассмеялся, что вызвало очередной приступ кашля.

Сестра выгнала работников, и когда кашель утих, нежно сказала:

– Теперь, мистер Мастертон, надо выгнать жидкость у вас из лёгких. Ложитесь на этот матрас головой вниз. Я буду массировать вам спину и покажу вашей дочери, как это делается. Давайте я вам помогу.

Джулия поразилась, как деликатно сестра Евангелина обращалась с пациентом. На фоне её грубых манер это оказалось полной неожиданностью. Сестра была добра и держалась очень уважительно. Она помогла отцу Джулии подняться и лечь лицом вниз на матрас на столе. Она объяснила, что в этом положении жидкость выйдет из лёгких.

– Теперь я буду пальпировать вашу спину и массировать её от нижних долей лёгких к верхним, чтобы выгнать мокроту. Нам понадобится миска или ночная ваза, чтобы вы могли туда сплёвывать. Слышите, сестра, – то есть мисс Мастертон?

Джулия сделала, как ей велели, и сестра начала массировать спину её отца.

– Смотрите внимательно, – сказала она. – Сейчас я попрошу вас всё

повторить.

Отец беспрерывно кашлял и обильно сплёвывал пенистую жидкость с густыми нитями зеленоватой слизи.

– После этого вам будет легче, – сказала сестра Евангелина больному. – Теперь идите сюда, мисс Мастертон. Попробуйте сами.

Джулии страшно было прикасаться к отцовской спине, которая казалась такой хрупкой, но девушка боялась ослушаться.

– Всё правильно. Сложите ладони чашечками и похлопывайте по спине, продвигаясь к плечам. Не останавливайтесь, и обрабатывайте и бока тоже. Теперь помассируйте. Общий принцип вы поняли. Следите за своими ощущениями. Десяти минут достаточно. Теперь укройте пациента, ему нельзя мёрзнуть.

После этого, к немалому изумлению Джулии, монахиня улыбнулась и сказала:

– Умница. Всё верно.

Затем она обратилась к мистеру Мастертону:

– Это надо проделывать дважды в день. Ваша дочь справится сама, а потом вам следует минут двадцать лежать головой вниз. Так вам станет гораздо легче. Теперь я должна идти, но я буду звонить каждый день.

Когда они вышли в гостиную, сестра повернулась к Джулии:

– Это его не вылечит. Теперь его уже не спасёт ничего, кроме чуда. Но это ему поможет. Со временем его погубит жидкость, которая скапливается в лёгких, но до этого мы обязаны облегчить ему жизнь. Кроме того, такие активные процедуры приободряют пациентов. Это даёт им хоть какую-то надежду.

Она с ворчанием собрала вещи и тяжело зашагала вниз по лестнице. В пабе она к вящему неудовольствию Терри и радости посетителей громко объявила:

– Я вернусь завтра, а ты пока не забывай ходить на горшок!

Джулия три месяца ухаживала за отцом и за это время стала лучше его понимать. Его сдержанность и молчаливость были ей близки, и она восхищалась тем, что он не поддаётся печали. Она не ожидала, что он будет благодарен за мельчайшие знаки внимания. Глядя, как неусыпно он печётся о пабе, она узнавала в нём человека, которого видела с детства. Её восхищало, какое усилие он совершает над собой каждое утро ради бесед с Терри, и она неизменно присутствовала при этом, чтобы помочь, если ему что-то понадобится. Сестра Евангелина приходила к ним каждый день, вместе они выполняли постуральный дренаж и массаж, и Джулия видела, как нелегко даются отцу эти процедуры. Однако после них он, казалось,

выглядел лучше, потому они продолжали.

Отец никогда открыто не высказывал своих чувств, но как-то вечером он сжал её руку и прошептал:

– Хорошая ты девочка, Джулия, одна у меня осталась. Достань-ка коробку из того шкафа. Я уже много лет в неё не заглядывал. Посмотрим вместе.

Джулия подошла к шкафу, и отец сел в постели. Глаза его сверкали, и дышал он с явным трудом.

– Открой, дочка, у меня уже и сил нет.

Открыв коробку, Джулия узнала об отце больше, чем за всю жизнь. Внутри были игрушки и книжки, цветные карандаши, детские рисунки, маленький плюшевый мишка и фарфоровая куколка. На дне лежал деревянный ковчег.

– Достань, Джулия, посмотрим.

Она открыла его и вытащила деревянных животных. Отец усмехнулся.

– Помню, как вы все с ними играли. А ты помнишь?

Разумеется, она всё помнила, и теперь её захлестнули воспоминания. Отец вертел в пальцах жирафа и льва, и в комнате словно появились призраки её братьев.

– Там внутри ещё одна коробочка. Открой.

Джулия послушалась и обнаружила внутри игрушечных солдатиков. Отец с горящими глазами начал перебирать их.

– Купил их как-то в подарок на день рождения. Мальчики часами в них играли.

Мужчина закрыл глаза.

– Так и вижу их на полу с этими солдатиками.

Джулия с нежностью взглянула на него.

– Все ушли, все умерли, – пробормотал он, и его рука безвольно упала на покрывало. Но вдруг он оживился. – Там внизу мешочек, вытащи его.

В мешочке обнаружились ленты и детская кофточка – те самые, что он попросил её отправить Джиллиан на день рождения, когда они с матерью жили в Скегнессе. Он взял кофточку, сшитую из мягкой ангоры, и потер её о щеку.

– Там же есть открытка? Прочтёшь?

Джулия прочитала открытку от Джиллиан: малышка благодарила за подарок и писала, что носит эту красивую вещь, не снимая. Отец усмехнулся.

– Не снимая, надо же.

Лицо его исказилось, и глаза наполнились слезами. Он быстро

отвернулся, стыдясь своей слабости.

– Сходи-ка принеси мне чаю, дочка.

Растроганная Джулия вышла из спальни. Значит, он всё же любил их, а она этого не знала. Она зажгла газ, поставила на плиту чайник и задёрнула занавески. В пабе было уже шумно, но звуки песен и плясок больше её не раздражали. Она присела у стола, уронила голову на руки и заплакала. Почему же он умирает теперь, когда она только начала узнавать его? Это был отец, которого у неё никогда не было, но о котором она всегда мечтала, потому что все девочки хотят любить своего папу.

Слёзы привели её в чувство. Она встала, промыла глаза холодной водой, заварила чай и вернулась в спальню.

Отец, казалось, заснул. Вокруг него валялись игрушки и книжки, и Джулия решила не беспокоить его, налила себе чаю и присела на кровать. Она взяла его за руку и ощутила слабое пожатие – в другой руке он сжимал пушистую розовую кофточку. Мужчина пошевелился.

– Хочешь чаю, папа? – прошептала она.

– Попозже, – хрипло сказал он. – Попозже.

После этого он снова заснул. Джулия тихо сидела рядом, а на первом этаже распевали: «Забудь беду, оставь печаль и у-лыб-нись!» Она закрыла окно, но отец проснулся.

– Не надо, оставь так, приятно слышать, как они веселятся.

Она снова открыла окно, и в комнате послышалось: «…оставь печаль и улыбнись!»

– Улыбнись, – прохрипел отец. – Странная штука жизнь, а?

Затем он опять заснул.

Джулия несколько часов просидела рядом – она просто не могла уйти. Стемнело, чай остыл. Шум в пабе утих, но ещё некоторое время продолжался на улице. Крики пьяных ослабевали, по мере того как посетители расходились. Несколько фальшивых мелодий под аккомпанемент взрывов смеха, и всё стихло.

Джулия задремала в кресле, а когда проснулась, хозяин паба «Руки Мастера» был мёртв – и лежал в окружении детских игрушек.

Хозяйка

Смертельно-бледных королей
И рыцарей увидел я.
«Страшись! La Belle Dame sans Merci
Владычица твоя!»

La Belle Dame sans Merci.
Джон Китс

Джулия так привыкла к смерти, что не испугалась и не удивилась, обнаружив, что её отец умер во сне. Она дождалась утра и вызвала врача. Когда Терри пришёл доложить о вчерашней выручке, то спросил, не надо ли закрыть паб на день. Задумавшись на мгновение, она ответила, что папа бы этого не хотел. Надо работать. Вместо этого Джулия велела разместить объявление, в котором посетителям сообщали бы о кончине Мастера и просили их соблюдать тишину из уважения к покойному.

Два дня спустя нотариус позвонил Джулии и сообщил, что она наследует паб, со всеми его пристройками и активами, но на неё налагается обязательство выплачивать ежегодное содержание миссис Мастертон. Завещание было составлено шесть лет назад. Это стало неожиданностью для Джулии – ей даже не приходила в голову мысль о наследстве. Если она и думала о будущем паба, то лишь вскользь, предполагая, что он будет существовать как-нибудь сам по себе.

Она спросила совета нотариуса: что ей делать. Тот объяснил, что она может продать право собственности одному из крупных пивоваров, и он поможет всё устроить. «Вы станете богатой женщиной», – сказал он.

Джулии было всего двадцать три, и весть о крупном наследстве просто-напросто ошеломила её. Она в оцепенении бродила по дому. Когда Джулия спустилась в паб, то сотрудники и несколько посетителей подошли к ней со словами соболезнования. Войдя в подвал, она оглядела огромные бочки, ящики и ряды бутылок – всё это принадлежало ей. Она чувствовала себя растерянной, и мысли лихорадочно бурлили. Джулия вернулась в квартиру и впервые за долгое время присела у окна. Там, внизу, женщины сплетничали или шли по мостовой, многие толкали перед собой коляски. Одни выходили из магазинов, а некоторые украдкой шмыгали в ломбард.

Двое мальчишек-торговцев поссорились из-за места для прилавка. Из соседней школы доносились детские голоса. Дворник катил по мостовой тележку. Цветочница волокла свою корзину. Мимо прошагали моряки в деревянных башмаках и китаец с косичкой. Женщина в доме напротив скоблила крыльцо. Нотариус сказал Джулии, что она может продать паб и разбогатеть. Но, посидев у окна и понаблюдав за улицей, девушка успокоилась и впервые осознала, что теперь вокруг неё – свои люди, и она оказалась на своём месте. Воспоминания о тяжком отцовском труде, гордость за него и дедов заставили её принять решение: она возьмёт на себя управление пабом и станет пятым владельцем «Рук мастера».

Услышав об этом, сотрудники обрадовались, но без сомнений не обошлось – всё же перед ними стояла женщина. Они не знали, как твёрдо Джулия вознамерилась преуспеть. Понимая, что сейчас она всего лишь неопытная девчонка, девушка инстинктивно решила, что ей надо стать начальницей, которой никто не посмеет перечить.

Джулия погрузилась в работу, заняла кабинет отца и почти ничего там не изменила – разве что прибралась, расставила цветы и повесила картины. Она засела за учётные книги и придумала повесить на стену график продаж и покупок за год – это позволяло визуально оценивать доходы и расходы. Она познакомилась со всеми поставщиками, посещала пивоварни и винокурни, производя фурор среди мужчин, которые никогда раньше не видели, чтобы пабом заправляла женщина, тем более такая молодая и красивая. Но Джулия неизменно держалась по-деловому сдержанно, что позволяло избегать сальных шуток и намёков. Терри был её незаменимым спутником, и, заметив его рвение, она подняла ему зарплату.

Теперь большую часть дня она проводила в пабе, наблюдая за работой барменов и восхищаясь их мастерством и расторопностью.

Но когда один из них обнял её за талию и промурлыкал, что ей нужно мужское плечо, и если они поженятся, то вместе добьются многого, она отвесила ему пощёчину и тут же уволила. Кроме того, она рассчитала одну из официанток, которая завела моду называть её Джулией, а не мисс Мастертон.

После этого прочие сотрудники держались сдержанно и уважительно. Её всячески поддерживал Терри, но она понимала, что им нужен ещё один мужчина, желательно покрепче. Так в пабе появился Чабб, бывший боксёр в тяжёлом весе со сломанным носом и полным отсутствием передних зубов. Он был тучен и не особо умён, но огромные кулаки и суровый профиль сдерживали даже особо буйных посетителей. Чабб и Терри служили ей с собачьей преданностью, и она щедро поощряла их.

Через несколько недель её уже называли Хозяйкой, и она очень гордилась этим званием. Несколько крупных пивоварен предлагали выкупить у неё паб, но она отказала всем, предпочтя независимость.

Каждый день Джулия проводила в пабе, заказывая продукты, контролируя продажи, обслуживание и ту тысячу мелочей, из которых и состоит работа любого заведения. Местных завсегдатаев интриговала новая Хозяйка – вежливая, гостеприимная, но без капли фамильярности. Она не уходила даже во время песен и плясок, хотя и не присоединялась – просто с улыбкой наблюдала за происходящим. Огромный Чабб всегда был неподалёку, а если веселье выходило за рамки, одного его движения и взгляда Джулии хватало, чтобы все утихомирились. Анализируя поведение посетителей, Джулия поняла, что в пабе кокни просто выпускают пар. Однако её ужасно расстраивали дети, которые болтались у дверей в ожидании родителей. Ей хотелось как-нибудь им помочь. Выгонять взрослых не было толку – они бы просто ушли в соседний паб и, возможно, по пути задали ребятишкам трёпку. Поэтому она велела работникам расчистить одно из складских помещений, удалённых от бара, и переделала его в детскую. Это была совершенно новаторская идея, и многие посетители протестовали. Однако она сработала, и продажи поднялись.

Когда отец умер и Джулия взяла на себя управление пабом, на дворе был 1937 год. По всей Европе ходили слухи о войне. Никто не верил или просто не хотел верить, что она может начаться так скоро после предыдущей, но Черчилль беспрестанно твердил об опасности, а правительство планировало перевооружение. Прошло два года, и в сентябре 1939 года объявили войну. «К Рождеству она закончится», – говорили все бодро, но ситуация оказалось сложнее, и год спустя, 30 сентября 1940 года, Лондон начали бомбардировать с невиданной доселе жестокостью. Пятьдесят семь ночей подряд почти две сотни фашистских бомбардировщиков обстреливали город, целясь в основном в порт. Целые квадратные километры застройки были уничтожены, множество людей было убито или осталось без дома. Шум, разрушения, пожары и смерть наполнили улицы, и каждую ночь лондонцы не знали, доживут ли до утра.

Паб «Руки Мастера» в Попларе оказался в самой гуще событий, и вероятность, что бомба попадёт в него и убьёт всех внутри, была довольна высока. Джулия думала, не лучше ли закрыть паб и переехать за город, но она видела, какое облегчение приносит гостеприимная, уютная атмосфера посетителям, – и колебалась. Как-то раз она стояла в дверях, глядя на дым и разруху, царящие вокруг, и вдруг увидела маленькую старушку, типичную кокни – крохотную, худую, беззубую, с блестящими глазами и

седыми лохмами, в грязной серой шляпке и длинном потрёпанном пальто того неопределённого цвета, который получается, когда за дело берутся возраст, сырость и ветхость. Пожилая женщина стояла посреди улицы, жевала губы и что-то бурчала себе под нос.

– Вы в порядке, мамаша? – ласково спросил один из работников скорой помощи.

– В порядке? Да уж надо думать! – резко ответила она. – Чёртов Гитлер разбомбил мой дом, это плохо, убил моего старика – туда ему и дорога, забрал моих мальчиков – они все на войне, забрал моих девочек – где они, я и не знаю. Но до меня-то он не добрался! У меня в кармане шесть пенсов, а «Руки Мастера» открыты!

Она ухватила его за рукав и беззубо улыбнулась.

– Так что пойдём, дружок, выпьем да и споём.

При виде этой старушки сомнения Джулии рассеялись. Она не бросит свой народ. Не закусит удила. Если им хочется выпить и спеть, так тому и быть. Она не закроет паб. Большинство молодых мужчин, включая Терри, ушли на войну, но ей удавалось продолжать работу с немногочисленными сотрудниками. Затем государству потребовались её навыки телеграфистки. Пришлось повиноваться, поэтому теперь дни Джулия проводила на телеграфе, а вечера – в пабе. Бумагами она занималась после закрытия паба. Обычно её рабочий день длился часов восемнадцать, и она всё время чувствовала усталость. Но она выжила, и паб принимал посетителей всю войну.

Джулия всегда была закрытым, сдержанным человеком, и военные годы только усилили эти качества. Жизнь была тяжела, причин для радости было мало. Она любила мать, с которой продолжала периодически видеться, и покойных братьев и сестёр. Она даже полюбила отца – под конец его жизни, когда было уже поздно. Но другая любовь не трогала её сердце, и местные поговаривали, что она типичная старая дева.

Но никогда не следует судить по внешнему виду. В тихом омуте черти водятся, а любовь во время войны протекает бурно, сложно и порой стремительно, но всегда страстно.

Как-то раз на телеграф явился человек из разведки. Мужчина был на двадцать пять лет старше Джулии и женат, но они сильно полюбили друг друга. Они редко встречались, и она никогда не знала, где он базируется, поскольку его местонахождение было засекречено, – но это казалось неважным. Их встречи были живительным, экстатическим опытом. Они целиком отдавались друг другу, всем телом и всей душой, поскольку

знали, что могут больше никогда не увидеться. Смерть могла показаться на горизонте в любой момент, и они не знали, что ждёт их впереди.

За окном стоял 1945 год. Все понимали, что война близится к концу, и чувствовали облегчение. В «Руках Мастера» продолжали выпивать и петь по вечерам, и Джулия удовлетворённо наблюдала за посетителями. Несмотря ни на что паб так и не закрылся и каким-то чудом продолжал стоять посреди разрушенной улицы.

Но было и другое чудо: Джулия поняла, что она беременна. Поначалу её охватил страх, но когда она ощутила, как внутри зарождается новая жизнь, её захлестнула невыразимая радость. У неё будет *его* ребенок. Их роман продлился три года и принёс с собой не меньше горя, чем радости – редкие часы встреч всегда пролетали слишком быстро, и расставания были настоящим испытанием. Они оба понимали, что даже если переживут войну, в конце концов всё равно потеряют друг друга, поскольку он был женат. Когда пришло время прощаться, это было невероятно тяжело. Но теперь внутри Джулии рос его ребёнок, и она никогда не расстанется с ним до конца. Она ликовала: у неё будет дитя первой и единственной любви.

На свет появилась маленькая девочка и наполнила жизнь Джулии счастьем, на которое она даже не смела надеяться. Она направила на дочь всю свою любовь и заботу, и жизнь молодой матери изменилась. Она продолжала управлять пабом, а по вечерам, если ей надо было быть в зале, нанимала няню. Терри вернулся с войны и вновь вышел на работу, поэтому у неё было больше времени на дочку. Разумеется, ходили слухи – куда же без них, ведь появление внебрачного ребёнка – лакомый кусочек для сплетников. Некоторые звали Джулию тёмной лошадкой, другие и вовсе были невысокого мнения, но её это не тревожило. Люди вечно её обсуждали, но она оставалась безразлична. Ничто не могло омрачить её счастья, и подчинённые видели, как смягчился её взгляд, как засияло лицо.

Я познакомилась с мисс Мастертон в 1957 году, двадцать лет спустя после того, как она начала управлять пабом. Это был мой выходной, выпал он на субботу, и я показывала моим друзьям из Вест-Энда, Джимми, Майку и их приятелям, припортовые районы. После прогулки мы посетили «Руки Мастера». Атмосфера там царила уютная и непринуждённая, и мы предвкушали хороший вечер. Местные стекались в паб в поисках веселья. Пианист начал наигрывать ламбет-уок, и все самозабвенно пустились в пляс. С каждым «Эй!», звучавшим всё громче от припева к припеву, все чокались, и пивные брызги летели во все стороны. Мы засели в углу, удивлённо поглядывая друг на друга и понимая, что вечер удастся. Затем

группка девушек принялась ловко выделывать обычные для этого танца па, и это продолжалось, пока они не выбились из сил и не плюхнулись на стулья под восхищённый свист и аплодисменты. За ламбет-уоком последовала «Беги, кролик, беги» и несколько старых песен из водевилей. Кто-то из присутствующих возглавил хор, который принялся исполнять: «Споём же вместе», и все хрипло заголосили вместе с ним. Разговаривать в таком шуме было невозможно, и мы попросту наблюдали за происходящим.

Моё внимание привлекла одна из женщин. Она стояла за барной стойкой – лет сорока пяти, хорошо одетая и ухоженная, не похожая на официантку. С посетителями она держалась любезно, но отстранённо. При этом она очевидно следила за порядком. За столом у двери вспыхнула ссора, один из мужчин начал угрожать другому. Женщина вышла из-за стойки и подошла к ссорящимся – она не сказала ни слова, просто взглянула на них, и, пристыженные, они уселась обратно. Больше они не ругались. Она казалась уверенной в себе, но, глядя на неё, все понимали: что-то с ней не так. Её взгляд был пустым, безучастным, словно она глядела на людей и не видела их, или же смотрела сквозь них на что-то вдали.

Ребята были в восторге от происходящего и решили остаться, но для меня там было слишком шумно, и я рано ушла. Пока я возвращалась в Ноннатус-Хаус, меня преследовали воспоминания о лице той женщины, её взгляде.

Несколько недель спустя мы встретились снова, но теперь она выглядела совсем по-другому. Мы с сестрой Джулианной пришли в церковь Всех Святых – дело было днём, и там не было никого, кроме нас. Затем в церковь вошла какая-то женщина. Вначале я её не узнала – волосы её были всклокочены, глаза так покраснели от слёз, что она почти ничего не видела, а ноги, казалось, не держали её. Она потерянно огляделась и схватилась за одну из скамей, чтобы не упасть. Сестра Джулианна спросила, чем ей помочь. Та сделала два неверных шага и прохрипела:

– Здесь всё было. Шесть лет назад. В этой церкви.

Она издала глухой стон и немного прошла вперёд.

– Вот здесь они остановились, тут, где я стою. Тут и поставили этот гробик, совсем крохотный. Сегодня шесть лет, как это случилось.

Она упала на скамью и всхлипнула.

Сестра Джулианна ещё раз уточнила, можем ли мы помочь.

– Никто не в силах мне помочь. Никто её не вернёт. Я просто хочу поставить свечку, а потом уйду.

Сестра помогла ей добраться до алтаря, они вместе зажгли свечку и помолились, после чего несколько минут сидели рядом и тихо разговаривали. Наконец женщина поднялась. Она ничего не говорила, но, казалось, немного пришла в себя. Подойдя к месту, где когда-то стоял гроб, она тихо постояла там несколько минут и уверенно вышла из церкви.

Я спросила сестру, кто это, и она ответила, что это мисс Мастертон, хозяйка паба «Руки мастера», и рассказала мне трагическую историю её семьи. Туберкулёз забрал и её шестилетнюю дочь… Мать чуть не сошла с ума от горя, настолько она любила свою девочку.

Я сказала сестре Джулианне, что видела мисс Мастертон в пабе, и что-то в её облике привлекло моё внимание – возможно, её взгляд.

– Да, есть что-то особое во взгляде женщины, которая потеряла ребёнка. Горе и боль никогда не покидают её. А для мисс Мастертон всё это было вдвойне тяжело – выяснилось, что она долгое время являлась носителем туберкулёзной палочки, но сама так и не заболела. Возможно, она заразила свою дочь.

Ангелы

Хотя сестра Моника Джоан живо помнила события далёкого прошлого, краткосрочная память её ослабевала. Она, казалось, совершенно забыла, что всего несколькими месяцами ранее ей пришлось предстать перед лондонским судом по обвинению в краже. Её подозревали в том, что она украла драгоценности у ювелиров в Хаттон-Гарден, и поначалу все улики указывали на её виновность. Но неожиданно появившаяся свидетельница доказала её непричастность. Суд стал большим потрясением для всего ордена, но сестра Моника Джоан и думать о нём забыла. Она была такой же, как прежде, жизнерадостной и разговорчивой, но её поведение становилось всё более и более эксцентричным.

У пожилой монахини была племянница, вернее – двоюродная правнучка, которая жила в Соннинге, графство Беркшир. Они много лет не виделись и не переписывались. Как-то раз сестра Моника Джоан решила навестить её и, более того, вручить ей в подарок пару чиппендейловских стульев из своей комнаты. В соответствии с этим планом она покинула Ноннатус-Хаус ранним утром, пока сёстры молились, а повариха миссис Би и истопник Фред ещё не прибыли. Неясно, как она умудрилась спустить два стула по лестнице, но факт остаётся фактом.

Оказавшись на улице, сестра Моника Джоан дотащила один стул до угла и вернулась за вторым. Таким образом она добралась до Ист-Индия-Док-роуд, где к ней подошёл полицейский и спросил, не надо ли чем-нибудь помочь.

– Прочь с моего пути, юноша! – воскликнула сестра Моника Джоан и ткнула ему ножкой стула в живот. Полицейский решил не вмешиваться.

Добравшись до автобусной остановки, сестра присела, чтобы перевести дух. Подъехал автобус, и кондуктор, добрая душа, помог ей взобраться внутрь со стульями и поставил их в отделение для багажа. Когда они доехали до Олдгейта, он помог ей выйти и указал, откуда уходит автобус до Юстонского вокзала, где надо было пересесть на ещё один автобус – до Паддингтона.

Автобус подкатил к Паддингтонскому вокзалу, когда на улицах уже начали образовываться пробки. Остановка находилась в некотором отдалении от вокзала, поэтому сестра оставила один из стульев (чиппендейловский, невероятно дорогой) на автобусной остановке и

поволокла второй на станцию. Оставив его там, она вернулась за первым. На вокзале дела пошли на лад – она нашла носильщика, который погрузил стулья на тележку и отвёз их к поезду до Ридинга, где ей предстояло пересесть на другую ветку и доехать до Соннинга.

Меж тем в Ноннатус-Хаусе подняли тревогу – сестра Моника Джоан бесследно исчезла, и никто не понимал, где она. Миссис Би рыдала. Полицейские были в курсе дела, но не знали, чем помочь. В обед нам позвонили и сообщили, что полицейский видел монахиню в шесть утра на Ист-Индия-Док-роуд и она ударила его ножкой стула.

– Ножкой стула? – недоверчиво переспросила сестра Джулианна. – А откуда у неё ножка от стула?

– Она несла с собой стул, – сообщил дежурный полицейский.

– Это невозможно. Ей девяносто лет, а вы говорите, что её встретили на Ист-Индия-Док-роуд!

– Я передаю то, что мне сообщил наш полицейский, мэм. Я ничего не выдумываю. Если позволите, у меня много работы. Мы будем настороже, и если у нас появится информация о её передвижениях, вам сообщат. Хорошего дня, мэм.

Сестра Джулианна поспешила в комнату к Монике Джоан и увидела, что пропали оба стула. За обедом мы не могли говорить ни о чём другом, и все молились за благополучие сестры.

Поезд добрался до Соннинга около полудня, и сестра Моника Джоан позвонила племяннице со станции. Ответа не было. Она решила, что без проблем подождёт её и вздремнула на одном из своих стульев. Добрый носильщик дал ей чашку чаю. Около четырёх часов монахиня позвонила племяннице снова и на этот раз застала её дома. Можно лишь вообразить, как та изумилась, услышав в трубке голос своей двоюродной прабабки, которая, к тому же, ждала её на вокзале с двумя стульями! Племянница приехала за ней в автомобиле. В багажник поместился только один стул, поэтому второй пришлось оставить на тротуаре у станции. Когда племянница вернулась парой часов позже, он был на месте.

Около пяти вечера они позвонили в Ноннатус-Хаус. Племянница сообщила, что тётушка устала, но вполне довольна, и она с радостью приютит её у себя на несколько дней. Она добавила, что не знала о планируемом визите и что сестра Моника Джоан чудом застала её дома, поскольку её работа предполагает частые командировки. Что бы случилось, не будь её дома, представить было сложно. Сестра Моника Джоан взяла трубку и раздражённо ответила на взволнованные расспросы сестры Джулианны:

– Конечно, я в порядке! Что вы там квохчете? Что могло случиться? За мной же присматривают ангелы.

Ангелам, безусловно, нелегко давалась забота о сестре Монике Джоан. Им нельзя было терять бдительности ни на минуту. Взять хотя бы тот случай, когда она чуть не подожгла себя. Она постоянно жаловалась, что в её комнате темно и ей неудобно читать в постели, мол, надо что-то с этим сделать. Фред протянул по стене провод и прикрепил лампочку прямо над изголовьем. Это была самая обычная лампочка с маленьким абажуром с бахромой. Сестра Моника Джоан была в восторге. Так просто! Милый Фред, на него всегда можно положиться. Теперь она может читать хоть ночи напролёт.

Так она и сделала – и последствия были самые неприятные. С того холодного ноябрьского утра, когда она подхватила пневмонию, прогуливаясь по Ист-Индия-Док-роуд в одной ночнушке, ей дозволялось завтракать в постели. Обычно миссис Би относила ей поднос около девяти утра, когда мы отправлялись на утренний обход. Однако ангелы позаботились о том, чтобы в то утро миссис Би понадобилось сходить на рынок как раз к девяти, и она поднялась наверх пораньше. Мы в этот момент завтракали на кухне, а монахини ушли на молитву. Тишину в доме нарушал только скрежет лопатки Фреда, – и тут раздался визг, за которым последовали и вовсе оглушительные вопли. Мы высыпали в холл с криками: «Что случилось?!» Дверь часовни распахнулась, и нам навстречу выбежали сёстры (в критических ситуациях монахини отлично бегают). Вопли утихли, но мы услышали какую-то возню на четвёртом этаже.

– Оставайтесь здесь, – скомандовала сестра Джулианна. – Фред, пойдём со мной.

Я осталась ждать вместе с остальными, досадуя, что пропускаю самое интересное. Мы почувствовали отчётливый запах дыма. Послышался топот, приглушённые голоса, и дымом запахло сильнее. Кто-то пошёл в ванную, открыл кран, захлопали окна, кто-то стучал и топал, и, наконец, мы услышали спокойный голос сестры Джулианны:

– Думаю, теперь всё под контролем. Как хорошо, что вы пришли вовремя, миссис Би, иначе боюсь и думать, что бы произошло.

Сестру Монику Джоан, не обращая внимания на протесты, вывели из комнаты. Миссис Би была в куда худшем состоянии – она побледнела и вся дрожала и лишь после нескольких чашек крепкого чая, дополнительно сдобренных виски, смогла рассказать нам о произошедшем. Сестра Моника Джоан читала при свете новой лампы, облокотившись на подушки.

Верхняя подушка касалась лампочки, а сестра, видимо, заснула. Когда миссис Би вошла в комнату, то увидела на подушке крохотный язычок пламени. Она вскрикнула и принялась вытаскивать подушку из-под головы спящей, но из-за сквозняка тлеющая подушка вспыхнула. На крики прибежала помощь, на подушку набросили ковёр, и огонь удалось потушить, но комнату заволокло дымом, и всем очень повезло, что они не задохнулись. Пока всё это происходило, сестра Моника Джоан вопрошала, сидя в постели:

– Господь Всемогущий! Что это вы тут устроили?

Никто не пострадал. У сестры Джулианны обуглилась кромка рясы, но ожогов она не получила. Все участники происшествия почернели от дыма и сажи. Но меньше всех взволновалась сестра Моника Джоан. Либо она искренне забыла о случившемся, либо сочла, что удобнее будет обо всём позабыть (я всегда подозревала, что это возможно), – в любом случае, этот эпизод она никогда не упоминала. Когда у неё забрали лампу, она стоически промолчала.

В другой раз сестра Моника Джоан застряла в ванной.

Мы почувствовали неладное, когда услышали возню и чьи-то голоса во время вечернего молчания. В монастырях принято соблюдать обет молчания в часы между последней службой дня и утренней службой. Но тогда сёстры нарушили это правило. Вначале мы различили чей-то шёпот, затем несколько встревоженных голосов, и вместе с этим кто-то начал стучать, повторяя:

– Сестра, вы нас слышите? Откройте дверь!

Что происходит? Мы непонимающе переглядывались. По лестнице сбежала послушница Рут.

– Фред ещё не ушёл? – спросила она и бросилась в кухню. – Фред, слава богу, ты тут! Идём на второй этаж, тебе придётся выбить дверь.

Загадка! Интрига! Мы нетерпеливо ожидали продолжения.

Наверху продолжали разговаривать, но что происходит, мы не знали. Фред спустился и прошёл мимо нас.

– Что случилось, Фред? Что там?

– Пойду на улицу, посмотрю, открыто ли окно.

– Окно? Говорили же про дверь.

– Так проще.

– Проще, чем что?

– Чем ломать дверь.

И он убежал.

В этот момент сестра Джулианна тоже спустилась вниз, и они с Фредом

встретились в дверях.

– Да, сестра, окно открыто. Думаю, всё получится.

– Фред, ты чудо! Только осторожнее, прошу тебя.

Фред приосанился.

– Вы уж за меня не волнуйтесь, сестра. Я справлюсь. Спасём мы эту старушку. Я за лестницей.

С этими словами он скрылся.

– Сестра, пожалуйста, скажите, что случилось! – взмолилась Синтия.

– Дверь ванной заперта. Кажется, сестра Моника Джоан внутри и не может выбраться.

Мне хотелось как-то помочь, и я вмешалась:

– Фред давно уже не молод, я половчее его буду. Давайте я влезу по лестнице?

Сестра понимающе взглянула на меня.

– Не сомневаюсь, что вы гораздо ловчее. Но если мы скажем Фреду, что он постарел и не может уже взобраться на лестницу, он оскорбится. Пусть уж лезет сам.

Двадцать минут спустя Фред спустился на первый этаж с непривычно пристыженным видом. У него во рту не было привычной папиросы, и без неё он не был похож на самого себя.

– Что случилось, Фред? – хором спросили мы.

Понимая, что мы умираем от любопытства, а он – единственный, кто владеет информацией, он вытащил из кармана потёртую жестянку с табаком и начал скручивать новую папироску, чтобы помучить нас.

– Фред, перестань! Что там произошло?

Он прикурил, почесал в затылке и взглянул на нас своим косым глазом.

– Ну, знаете, я теперь один такой в Англии, кому довелось повидать голую монашку.

– О-о-о!

Воодушевлённый нашей реакцией, он продолжал:

– Подтащил я, значит, лестницу к окну, ну и заглянул внутрь, а она и говорит: поди прочь, мол. «Простите, – говорю, – сестра, но мне надобно зайти». А она и отвечает: «Мол, приходи в другой раз, а сейчас мне неудобно». И брызгает мне водой в лицо! Вот этого я не ожидал и чуть не сверзился.

– Фред, бедный Фред!

Он просто-таки наслаждался вниманием.

– Но я схватился за раму и всё-таки удержался, а потом и говорю: «Простите, сестра, но я всё же влезу, нельзя вам тут всю ночь сидеть,

простудитесь да и помрёте». Тут штука в чём – ванна-то стояла под окном, поэтому мне надо было через неё перебраться и самому туда не плюхнуться.

– И как тебе это удалось?

– Пустяки: ловкость да умение.

– Фред, какой же ты умный!

– Да ну что вы, просто умелый, – ответил он скромно. – Хуже то, что папиросу-то я уронил, а она давай плавать вокруг сестры. Ну а потом я открыл дверь, остальные вошли, а я пошёл убирать лестницу.

– Может, хоть чаю выпьешь перед уходом?

– Ну, от такого приглашения сложно отказаться, если вы, девушки, не против посидеть со мной.

Мы, разумеется, не были против, поэтому уселись в кухне и с удовольствием переключились на чай, кекс миссис Би и болтовню.

Наверху продолжалась суматоха, звучали голоса, плеск воды и бурчание сливной трубы. Затем наступила тишина. Пришла пора вечернего молчания.

Как-то раз зимой Чамми отправилась на вызов в два часа ночи и обнаружила сестру Монику Джоан в сарае с велосипедами. Видимо, это тоже устроили ангелы. Если бы она пробыла там до утра, то умерла бы от гипотермии, поскольку была очень худой, без малейших запасов жира, который мог бы защитить её старые кости. Чамми вытаскивала велосипед, когда заметила в углу какое-то движение и решила, что это крыса. Она посветила туда фонариком и с ужасом увидела чью-то руку. После этого Чамми услышала надменный голос:

– Немедленно перестань светить мне в лицо фонарём! Принеси подушку, ежели хочешь услужить, только выключи свет.

Сестра Моника Джоан свернулась клубочком в старых палатках, возможно, оставшихся от чьих-то давних попыток воплотить в жизнь скаутские заветы. Она замёрзла и почти уснула, а это опасное сочетание. Её возмутило, что её потревожили, и она принялась отпихивать Чамми:

– Сколько шума, сколько огней, прочь, прочь! Почему меня не могут оставить в покое?

Чамми отволокла её в дом и оповестила сестёр, поскольку самой ей надо было бежать к роженице. Сёстры укутали пожилую даму одеялами, обложили бутылками с горячей водой и приготовили горячее питьё. Как ни удивительно, сестра Моника Джоан совершенно не пострадала – у неё даже насморка не было!

Несколько дней спустя я заглянула к ней и упомянула об этом ночном приключении. Она отмахнулась и сообщила, что все подняли шум «из-за какой-то ерунды».

– Вам повезло, что в сарае оказались палатки, которыми вы смогли прикрыться, – заметила я. – А то вы бы умерли от холода.

– Палатки! – воскликнула она. – Мы раньше путешествовали с палатками, как же это было весело!

– Палатки? – переспросила я. – Вы шутите? Вы жили в палатке?

Она была оскорблена.

– Ну разумеется, дорогая моя. Вы ж не считаете, что я вовсе ничего не добилась в жизни? Мы часто выезжали на природу, мои братья, сёстры, наши друзья, служанка и лакей. Чудесное было время.

– Служанка и лакей? В палатке?

– Всё было совершенно прилично, это были супруги, которые у нас работали.

– Я не думала о приличиях, просто слуги в палатке… – голос подвёл меня.

– Это было совершенно необходимо, дорогая моя. Должен же был кто-то разбить палатки, принести воды, разжечь огонь, а служанка готовила для нас.

– Вы правы, сестра, без них никак нельзя было обойтись.

Я тихо фыркнула, но она вряд ли увидела в ситуации что-то комичное.

Одним памятным воскресным утром мы с Синтией вывели сестру Монику Джоан на прогулку. Погода была прекрасная, и мы решили отвести её в парк Виктория, где в солнечную погоду жители Ист-Энда гуляли с детьми у живописного озера. Но автобус приехал переполненным, и мы спонтанно изменили маршрут, решив отправиться в Лаймхаус и прогуляться по дорожке вдоль канала Лаймхаус-Кат. Его вырыли в XIX веке, чтобы соединить реку Ли с затокой. Пока порт не закрылся, по этому каналу регулярно ходили торговые баржи, и это был приятный район для прогулок.

Когда мы добрались туда, сестра Моника Джоан вдруг объявила, что канал ей не нравится.

– Почему же, сестра?

– Мрачное место. Дурные воспоминания.

– О чём вы?

– Это территория самоубийц. В старые тяжёлые дни, когда не было ни денег, ни работы для мужчин, ни еды для детей, каждую неделю мы слышали крики – тело в канале, тело в канале! И это неизменно

оказывалась женщина, какая-то несчастная, оголодавшая женщина в лохмотьях. Как-то раз из воды вытащили женщину с привязанным к ней ребёнком.

– Какой ужас! Может быть, уйдём?

– Нет, я хочу взглянуть. Я не была тут много лет, со смерти Берил.

Мы с Синтией переглянулись. Нам хотелось услышать эту историю, но мы опасались нарушить ход мыслей сестры – она могла отвлечься на что-то совершенно постороннее, и тогда нить разговора потерялась бы. Но тёмная, почти неподвижная вода помогла ей сконцентрироваться, и женщна продолжала.

– Мне сказали, что она спрыгнула ночью с Вонючего моста, а тело её нашли на следующий день. Я не удивилась. Никто не удивился. Муж её был настоящим чудовищем, семеро детей, она – беременна восьмым, денег не было, а жили они в какой-то дыре – обычное дело. Удивительно, что это не произошло раньше. Все дети тогда боялись, что мама однажды не выдержит и убьёт себя.

Сестра Моника Джоан взялась за крест, висевший на её шее, и подняла его над каналом.

– Благословляю вас, тёмные, коварные воды. Покойся с миром, Берил, нелюбимая жена, несчастная мать. Пусть скорбь твоих детей очистит эти глубины.

Сестра выглядела бодрой.

– Знаете, что сказал её муж, когда викарий сообщил ему, что жена его умерла, и рассказал, как именно?

– Что? – хором спросили мы.

– Он сказал, дорогие мои, – я это слышала от викария, – что эта дрянь только и думала, как ему насолить. Она, мол, знала, что сегодня рыночный день и скачки, а у него деликатные нервы, и убила себя специально, чтоб выбить его из колеи! С этими словами он ушёл. Викарий остался на запущенной кухне, где сидело семеро грязных и голодных ребятишек, которых следовало накормить. Правда, их отец ещё вернулся, но про детей наглец и думать забыл – он вразвалочку подошёл к викарию, постучал ему по груди и сказал: «Послушай, дружище, чтоб в пятницу никаких похорон, а то в Эпсоме скачки, и уж второй раз я на эту удочку не попадусь!» Больше викарий его не видел. Он не пришёл на похороны, которые состоялись во вторник, и просто-напросто бросил своих детей. Все они попали в работный дом.

Сестра Моника Джоан замолчала, и мы продолжали прогулку. Солнце ласково светило, и призраки прошлого, казалось, мирно спали. Мы с

Синтией обсуждали планы на будущее. Она хотела испытать своё призвание к религиозной жизни. Я понимала, что это большой шаг, что её ждёт множество молитв и размышлений, но Синтия всегда казалась мне практически святой, и я не очень удивилась. Мы сели на деревянную скамью и спросили мнение сестры Моники Джоан.

– Как вы считаете, могу я стать монахиней?

– Только Господь знает. Призывают многих, но избирают немногих, дитя моё.

– А что привело вас к религиозной жизни?

– Конфликт между добром и злом. Вечная битва между Господом и дьяволом. Я пыталась противиться, но зов был слишком силён.

Монахиня уставилась на воду. Мне хотелось услышать продолжение.

– И что, выхода не было?

– Для меня – нет. Для остальных всё может быть по-другому. Необязательно быть монахиней, чтобы сражаться с дьяволом. Важно встать на сторону ангелов.

– Вы верите в дьявола? – спросила я.

– Глупое, безмозглое дитя! Разумеется, верю. Взгляни хотя бы на то, что творили нацисты во время войны, и ты увидишь работу дьявола.

Ужасы войны тогда были ещё живы в памяти каждого человека.

Она оскорблённо отвернулась, бормоча под нос: «Бессмысленные вопросы!», но затем обратилась к Синтии, уже гораздо нежнее:

– Испытай себя, дитя моё. Ты станешь постулянткой, затем пройдёшь новициат. Время покажет, истинно ли это призвание. Это непростая жизнь, и тебя всегда будут преследовать сомнения. Просто держись Бога.

Упоминание нацистов заставило меня вспомнить рассказ сестры Джулианны. В Германии, вскоре после войны, в 1945 или 1946 году, было создано общество лютеранских монахинь, которые посвятили себя молитвам о прощении их соотечественников. Женщины вели аскетичную жизнь, как можно более приближённую к условиям концентрационного лагеря: минимум пищи (монахини практически голодали), минимум одежды, никакой обуви, никакого отопления зимой и никаких кроватей – только соломенный матрас и тонкое одеяло. Они жили так во имя искупления грехов других. Религиозное призвание не было мне близко. Я размышляла о грехе, вине, искуплении, очищении, религии и других абстрактных вещах, когда сестра Моника Джоан вдруг резко встала.

– Здесь неглубоко, – объявила она. – По-моему, здесь нельзя утонуть.

– В середине глубоко, – заметила я. – Там ходят торговые баржи.

– Но ведь здесь видно дно. Смотрите, видны камни.

– Это только у берега, и сейчас отлив. В середине очень глубоко.

– Не верю. Посмотрим!

Прежде чем мы успели остановить её, она с неожиданной прытью подбежала к каналу и вошла в него по щиколотку.

– Говорю же! – воскликнула она торжествующе. – Все эти рассказы о том, как люди топились в канале – это всего лишь выдумки.

И она сделала ещё один шаг в глубину.

– Возвращайтесь! – кричали мы с Синтией, тоже залезая в воду, но сестра оказалась проворнее нас.

– Не глупите! – воскликнула она и шагнула вперёд. Перепад глубины в канале был довольно резкий, и она скрылась под водой.

Мы с Синтией были не единственными, кто бросились её выручать. Тем воскресным днём прыгнули в канал, не раздеваясь, не менее дюжины местных жителей. Впрочем, нам не стоило волноваться. Стало ясно, что сестра Моника Джоан отлично плавает. Её ряса не сразу пропиталась водой и некоторое время плавала вокруг, словно крылья огромной чёрной птицы. Монахиня держала голову высоко, и чепец плыл за ней, словно экзотический плюмаж.

Всё бы ничего, и сестра благополучно доплыла бы до берега, если бы не трое бравых молодцев, которые с энтузиазмом бросились на помощь с противоположного берега. Они заловили монахиню и поплыли с ней обратно.

– Нет! – закричала я. – Давайте к нам, сюда!

Все вокруг, включая плывущих, начали наперебой выкрикивать указания. Мы понимали, что если спасатели вытащат сестру Монику Джоан на тот берег, она не сможет перебраться на мост. Но они то ли не слышали, то ли не понимали наших воплей и с героическим видом тащили её на середину канала. В этот момент их перехватил какой-то огромный мужчина, который плавал, словно олимпийский чемпион, – он отвесил оплеуху одному из юношей, притопил другого, подхватил протестующую монахиню и поплыл с ней к нам.

Не спрашивайте, как мы добрались до Ноннатус-Хауса. Это было мучительное и трудное путешествие. Воспоминания путаются – как мы раздевали сестру Монику Джоан, пытаясь прикрыть, как вокруг толпились промокшие люди и давали ценные советы, как мы думали, во что её одеть, как кто-то отдал нам дождевик, кардиган, детскую шаль, как мы искали её туфли. Пловец вместе с ещё одним мужчиной дотащили сестру до Коммершиал-роуд. Она по-королевски восседала на их скрещённых руках, гордо выпрямив спину, словно регулярно окуналась в канал. Видимо,

после этого кто-то остановил грузовик, потому что я помню, как сестру Монику Джоан усаживали туда и устраивали её поудобнее. Она величественно поблагодарила мужчин, и те так и порозовели от удовольствия.

– Не за что, мэм, – сказали они. – Всегда рады помочь. Хорошего дня, мэм.

Когда мы вернулись в Ноннатус-Хаус, сестру уложили в постель с горячими бутылками и горячим же питьём. Она проспала сутки, а когда проснулась, то, казалось, не помнила, что произошло. Она совершенно не пострадала. Видимо, о ней снова позаботились ангелы.

Слишком много детей

– Простите, мистер Хардинг. Ничем не могу вам помочь.

– Но вы же говорили, что мы в начале списка на расселение.

– Это так. Но возникли задержки. Забастовки. Электрики бастуют.

– Мы можем въехать и без электричества. Мы и сейчас живём без электричества, так какая разница?

– Простите, управа не позволяет заселяться в недостроенные помещения.

– Говорю ж, нам всё равно. Нам бы уже куда угодно переехать. Где угодно будет лучше, чем здесь.

– Это невозможно, мистер Хардинг. Закон есть закон. Городское жильё должно быть полностью сдано, прежде чем в него будут заселяться.

Чиновник пошуршал бумагами. Перед ним стояла непосильная задача. На каждый дом или квартиру претендовало с десяток заявителей. Список на расселение насчитывал тысячи человек, и все требовали чего-нибудь лучшего, чем разрушенные бомбами дома, где они теснились в совершенно антисанитарных условиях. Но ему приходилось следовать правилам.

– Ладно, когда электрики перестанут бастовать? Когда мы сможем въехать? Когда?

Билл Хардинг угрожающе наклонился к чиновнику. Тот опасливо отодвинулся.

– Не знаю.

Билл грохнул кулаком по столу.

– Сколько? Вы ж должны знать. Сколько будет идти забастовка? Неделю? Две? Потом мы сможем въехать?

– Боюсь, что нет, мистер Хардинг. Дело не только в электричестве. Вопрос в размере.

– Каком ещё размере?

– Размере семьи, мистер Хардинг. У вас слишком много детей. В настоящее время управа строит квартиры с двумя-тремя спальнями. Мы не можем позволить семье из восьмерых человек въехать в квартиру с тремя спальнями. Такой семье полагается квартира с четырьмя или пятью спальнями, а в настоящее время такие дома не строят.

– Чушь! Три спальни – это роскошь. Более чем достаточно. Сейчас у нас только одна, и мы все спим вместе. Да мы б что угодно отдали за три

спальни.

– Простите, мистер Хардинг. Но существуют стандарты и правила. Мы не можем сдать квартиру или дом с тремя спальнями семье из восьмерых человек. Это запрещено.

Билл перестал злиться, его охватило отчаяние. Он глубоко вздохнул и взялся за голову. Надо было возвращаться на работу. Он отпросился на час, чтобы сходить в управу, а теперь чувствовал себя так, словно бился о кирпичную стену.

– Чёртовы бюрократы! – простонал он.

– Простите, мистер Харди, мне очень жаль. Но надо соблюдать правила.

Билл встал и вышел, не глядя на чиновника, который тяжело вздохнул и сказал: «Заходите!» Он понимал, что следующий разговор будет таким же, если не хуже.

Сгорбившись, Билл тащился к судостроительному заводу, где работал сварщиком. Он привалился к стене и с силой пнул камень. Камень отлетел и попал в проезжающий мимо грузовик, затем отрикошетил и упал на асфальт. Полицейский заметил произошедшее – никакого ущерба нанесено не было, но он всё равно побранил Билла за безответственное поведение. Этот инцидент не улучшил настроение мужчины – чёртова бюрократия, чёртов закон. Ну что ж, подождёт эта чёртова работа, ему надо выпить. Он зашёл в паб и выпивал там до двух, пока заведение не закрылось, и вернулся на работу к трём – его не было с одиннадцати. Начальник набросился на него, Билл осыпал его ругательствами и ушёл. Он бродил по улицам до пяти, а когда пабы снова открылись, напился до беспамятства.

Хильда налила себе ещё одну чашку чая, закурила папиросу и уселась за стол, прислонив газету «Дейли Миррор» к бутылке молока. Двое младших детей играли на полу – слава богу, старшие в школе и не повиснут на ней ещё несколько часов. Ей страшно было думать о том, в чём она уже почти не сомневалась. Отхлебнув чаю, она уставилась на трещину в стене и мокрое пятно на буром потолке. «Растёт», – подумала она. Интересно, когда это всё рухнет? С домовладельцем говорить бессмысленно – до него всё равно не добраться, всем заправляет его агент, а у того один ответ: если не нравится, выметайтесь, запишитесь в список на расселение. Да они уже пять лет в этом чёртовом списке, и что толку? Ничего не происходит. Ничегошеньки.

Она налила себе ещё чаю и добавила сахара. А теперь ещё и это. Страшно и думать. Только не ещё один. Но все приметы сходились. Биллу

она пока не говорила. Не осмелилась. Может, надо было сообщить до того, как он пошёл в управу, но она почему-то не решилась. Интересно, как он там. Обещал, что будет стоять на своём и не уйдёт, пока ему не пообещают квартиру и не назовут дату въезда. Дата – вот о чём они мечтали. День, когда они смогут покинуть эту дыру. Она бы шею этому агенту свернула. В прошлый раз показала на пятно и попросила сделать ремонт, а он с улыбочкой ответил, что дом, мол, признан негодным для проживания, поэтому управа его не будет ремонтировать. Где здесь логика? Прошлой ночью, лежа без сна и гадая, говорить ли Биллу перед его уходом о ещё одном ребёнке, она услышала звон капель, и падали они всё чаще и чаще. Супруги знали, что крыши у их дома нет, но сверху было ещё два этажа, и раньше они служили преградой. Но если рабочие снимут пол, они останутся без крыши над головой. Надо бы отправить Билла наверх, пусть положит на пол просмолённый брезент. Продержатся так немного, а потом им дадут квартиру. Билл уже, наверное, в управе, разбирается с их вопросом.

Дети играли в кораблики – запускали спички в ведре с водой. Один из них завладел пустым коробком, и когда второй попытался его выхватить, первый завопил и пихнул брата.

– Осторожно! – крикнула Хильда, но было уже поздно. Они перевернули ведро, и на пол хлынула вода.

– Ах вы черти! – воскликнула она и принялась колошматить обоих. – Что вы натворили! Мне ж теперь убираться.

Она взялась за тряпку и принялась собирать воду, выжимая её в ведро. «Хотя бы пол помою», – подумала она.

– Так, я пошла за водой, и не смейте тут ничего трогать, – сказала Хильда строго и подхватила ведро с грязной водой. «Можно уж и горшок заодно вылить, раз всё равно спускаться», – рассудила она. Она вытащила горшок из-под кровати и спустилась по шатким, скрипучим ступеням. «Этот вонючий подъезд ещё хуже, чем наши комнаты, – подумала Хильда. – Мы их хотя бы покрасили, и я стараюсь держать всё в чистоте. Лестницу много лет никто не мыл и не красил. Впрочем, можно уже не трудиться».

Она вышла во двор, зашла в шаткий туалет со сломанной дверью и вылила горшок. Дёрнула за цепочку – по крайней мере, слив пока работает, но надолго ли? Сколько ещё? Сколько им придётся ждать в этой дыре? Она бы придушила этого домовладельца, если б увидела его.

«Ладно, раз уж есть чистая вода, можно заодно и постирать», – решила она. Хильда наполнила две кастрюли и зажгла духовку, после чего

спустилась за ещё одним ведром холодной воды. У младшего как раз закончились подгузники. А теперь ещё и это! Хильда прогнала мысль о том, что скоро количество подгузников увеличится. Она наполнила жестяную ванну, в которой они все купались, горячей водой, бросила туда мыльных хлопьев и взялась за стиральную доску и мыло. Малыши цеплялись за юбку и хотели помочь, но она оттолкнула их. Пару часов спустя она всё постирала, выжала, прополоскала, расправила и развесила сушиться. По крайней мере, день сегодня солнечный. Скоро всё высохнет. Уже хорошо. Дети требовали еды, а двое младших школьников скоро должны были прийти домой на обед. Слава богу, хотя бы остальные обедают в школе. Хоть немного легче. В общем коридоре стоял шкафчик, где Хильда хранила еду – но не всю, чтобы не разворовали. Она вытащила пару банок с консервированной фасолью и нарезанный хлеб. Иногда у них работал гриль – сегодня был именно такой день. Пусть поедят фасоль с тостами. Им это обычно нравится.

Дверь внизу открылась, и в коридор ввалилась пара чумазых ребятишек. Пихаясь и смеясь, они затопотали по лестнице.

– Тише! Садитесь есть, только не испачкайтесь.

Хильда попыталась поесть сама, но её тут же замутило. Ещё один знак. Сомнений нет. Придётся идти к врачу.

Отправив детей обратно в школу к двум часам дня, она решила заняться ужином – сходила в знакомый с детства магазин на углу, где её мать покупала в кредит, когда у них дома не было ни денег, ни еды, а были только полумёртвые от голода дети. Хильда, в отличие от матери, хотя бы не живёт на бесплатных продуктах для бедняков – по крайней мере, она может накормить своих детей и свести концы с концами. Билл неплохо зарабатывал, и место у него надёжное, спасибо профсоюзу. Она купила ещё хлеба и полфунта бекона. Вечером можно будет поджарить хлеб с беконом. Подумав, она взяла ещё одну большую банку фасоли. Едят они неплохо. В детстве она о беконе и не мечтала. Малыши радовались прогулке, поэтому она немного прошлась с ними – недалеко, поскольку устала, и ей не хотелось проходить мимо развалин, где собирались пьяницы. Она их опасалась. Они прошли по улице, где она играла в детстве, но зрелище было удручающее – все окна заколочены, повсюду объявления о сносе. Кое-как она добралась до дома.

Четыре часа. Сейчас вернутся дети. Она пыталась мысленно приготовиться к шуму и суматохе, нажарила гору бекона, фасоли и тостов.

– Ешьте и бегите играть, – сказала Хильда старшим ребятишкам, когда те вернулись. И малышей заберите. Я с ними весь день, и они у меня уже

вот где сидят.

Она провела рукой по горлу, чтобы показать, где именно. Дети запихали в себя еду и убежали.

Хильда устроилась, чтобы выпить в тишине чашечку чаю и почитать женский журнал. Это был единственный спокойный момент дня – когда старшие забирали у неё младших. Час спустя она подумала, что уже темнеет, и надо бы загнать детей домой. Она подошла к окну и крикнула им, но никого не увидела. «Видимо, опять на развалины полезли, – подумала она. – Сколько раз я им запрещала! Там опасно. Подождите только, доберусь я до вас, черти!» Проклиная непослушных отпрысков, она дошагала до развалин и собрала своё потомство, раздавая направо и налево оплеухи старшим.

– Погодите ещё, вот отец узнает, что вы сюда ходили! – пригрозила она.

Мальчики скорчили гримасы и убежали вперёд.

К девяти вечера ей удалось уложить их спать: четверо младших в спальне, двое старших в шкафу. «Приличный шкаф, – подумали они с Биллом, когда въехали сюда после войны. – Размером с комнату. Можем сложить туда всё барахло».

А теперь в этом шкафу спали дети! Билла по-прежнему не было. Что случилось? Она уселась с очередной чашкой чая и папиросой.

Почти в одиннадцать она услышала, как хлопает входная верь, а Билл что-то напевает. Сердце её так и подскочило – добрые вести! – и Хильда торопливо налила ему чашку заварки. Он любит выпить чай перед ужином. Тогда ей всё и расскажет. Дверь медленно приоткрылась, и Билл ввалился в комнату и прислонился к стене, глядя на неё отсутствующим взглядом. Ох нет, только не пьяный, надо бы поосторожнее, поласковее, никаких там ещё вопросов или болтовни. Не хватало ей получить кулаком в глаз. Миссис Хаттертон так на прошлой неделе нос сломали. Билл, конечно, не такой, нет. Хильда усадила его и стянула ботинки.

– Хочешь бекона с фасолью, а, милый?

– Не-а.

– Чашку чаю?

– Не-а.

– А может, сэндвич с беконом, а?

– Вот это получше.

Взгляд его чуть просветлел.

Она отправилась к духовке в коридоре, сделала два сэндвича и принесла мужу. Он весь день ничего не ел и проглотил их чуть ли не в

один присест.

– Хочешь запить чаем?

Билл кивнул. Теперь он больше походил на самого себя.

Поспит ночь и будет как новенький. Никаких проблем. Ежели знать, как с пьяным обращаться, то и трудностей не будет. Хотя её Билл не такой, он бы и мухи не обидел, но с выпившими никогда не знаешь наверняка. Она отпихнула детей к краю кровати, чтобы освободить место для их отца, отвела Билла в спальню, тихо раздела его и подставила горшок. Тот мгновенно переполнился, и ей пришлось спуститься и опустошить его, а когда она вернулась, то обнаружила, что муж растянулся по всей кровати, закинув ноги на спящих детей. Ей на кровати места не было, поэтому она провела ночь в кресле, завернувшись в пальто.

Хильда встала в шесть и спустилась за водой. Заварив чаю и сделав тосты, она тихо потрясла Билла и сказала шёпотом, чтобы не будить детей:

– Вставай, тебе на работу.

Он с трудом поднялся, трезвый, но помятый. Они уселись за стол. Хильда прикурила папиросу, сунула её ему в рот и пододвинула чай с хлебом.

– Хорошая ты девочка, – пробормотал он, затягиваясь.

– Ну? Что вчера было?

– Что-что, напился, и все дела.

– Да нет, до того. В управе.

Вспомнив о вчерашнем, он застонал.

– Ничегошеньки. Шиш с маслом. Надо ждать.

– Мы же уже пять лет прождали! Я думала, мы первые в списке на расселение.

– Всё равно надо ждать.

– Почему? – гневно спросила Хильда.

– Потому что у нас слишком много детей.

– Как это? Говорят же, что детей надо перевозить в лучшие условия.

– Знаю. Но у нас их слишком много. Управа обязана дать квартиру с четырьмя спальнями семье из двух взрослых и шестерых детей. А они строят сейчас только квартиры на две-три спальни.

– Но мы прекрасно уместимся в трёх спальнях. Сейчас-то у нас только шкаф.

– Я говорил, но всё бесполезно. Это их чёртовы правила.

– Поверить не могу. Тут же всё разваливается.

– Они сказали, что раз это не собственность управы, то и ремонтировать они ничего не будут. Обращайтесь, мол, к домовладельцу.

– Толку-то с него! Давай-ка разберёмся. У управы есть дома на три спальни, но мы не можем туда въехать, потому что у нас шестеро детей?

– Именно. Тупик. Всё, мне пора. Не могу опаздывать.

Он хлопнул дверью и зашагал прочь.

Травница

Хильда села за деревянный стол и закурила очередную папиросу. Она была потрясена. Мысли вертелись вокруг подозрения, которое крепло в ней последние три недели. Какое счастье, что она ничего не сказала Биллу! Только вчера она думала, что надо всё рассказать и пойти к доктору. Нет уж, никаких врачей. Она обратится к миссис Причард – она слышала о ней хорошие отзывы. Надо спросить в магазине на углу. Кто-нибудь подскажет, как её найти. Хильда подняла детей и собрала их в школу, не обращая внимания на возню и просьбы ещё немного поспать. Мысленно она составляла план – и чем раньше он будет осуществлён, тем лучше. Каждый день на счету.

Неловкие расспросы привели её к миссис Причард. Надо было соблюдать осторожность. Подпольные аборты были обычным делом в те дни, но это считалось незаконным, и если бы их поймали, то обе женщины оказались бы под следствием, а в случае обвинения им бы грозила тюрьма. Следовало быть предусмотрительной.

Миссис Причард с дочерью жила на Коммершиал-роуд, в доме побогаче. Полиция, местные врачи, церковные и социальные служащие знали её как травницу и специалистку по микстурам, которыми мистики лечили сенную лихорадку, подагру, больные колени и прочие вещи подобного толка. Приёмная комната была уставлена бутылками и флаконами. Её дом неоднократно осматривали чиновники здравоохранения и нашли её лекарства безвредными, хотя и бесполезными. Следы более прибыльного направления бизнеса тщательно скрывались. Она обучилась своему ремеслу у матери, которая занималась подпольными абортами с 1880-х годов, и, умирая, оставила миссис Причард инструменты, украденные из больницы полувеком ранее.

Миссис Причард была статной дамой, носила элегантные костюмы, а на её пышной груди красовалось несколько золотых цепочек. Она густо красилась, а вместо выщипанных бровей у неё были нарисованные карандашом скобки. Аккуратно подстриженные и уложенные волосы были того цвета, который никак не мог бы сохраниться у женщины её лет. Она с улыбкой поприветствовала Хильду и внимательно выслушала её историю. Когда она заговорила, в голосе её звучало фальшивое сочувствие – такие интонации свойственны характерным актрисам.

– Милая, у вас же желудочные колики. В наше время это обычное дело. Врачи не знают, как их лечить. Они вообще ничего не умеют. Не знаю уж, чему их учат – на пользу это им не идёт. Не могут даже от такой ерунды избавить. Я это зову воспалением кишок, дорогая моя. У кишечника, знаете ли, довольно работы, и он порой воспаляется. Вам нужна моя микстура. Этот рецепт есть только у меня. Бедная моя покойная матушка – мудрая была женщина! – передала мне его на смертном одре.

«Не говори никому, – сказала она, когда умирала, – он дороже золота, врачи о таком и понятия не имеют». И с этими словами она скончалась.

Миссис Причард промокнула глаза, шмыгнула носом и направилась к стойке. Она сняла с полки несколько пузырьков и с помощью мерного стаканчика, прищуриваясь, наполнила пустой флакон. Хильда была крайне впечатлена этим зрелищем.

– С вас две гинеи, дорогая моя, но стоит средство вдесятеро дороже, уж поверьте. Принимайте по столовой ложке с утра и на ночь в течение пяти дней. Сначала колики станут сильнее, но это значит, что микстура работает, так что вы уж не бросайте, хорошо? Сначала ухудшение, а потом уж облегчение. Если у вас не пойдёт кровь, приходите на следующей неделе. Моя бедная матушка передала мне на смертном одре и другие секреты, и ими тоже владею я одна.

Миссис Причард сунула в карман две гинеи и, заботливо улыбаясь, проводила Хильду к двери.

– Не забудьте, милая, это средство от желудочной колики. Миссис Причард лечит всё – головные боли, мигрени, вросшие ногти, газы, больные суставы и желудочные колики. Ежели кто спросит, то у вас желудочные колики, и вы лечитесь именно от них.

Хильда принимала лекарство пять дней, как ей предписала миссис Причард. Вкус был настолько омерзительный, что бедняжку всякий раз тошнило, и желудок болел немилосердно. На третий день у Хильды началась страшная диарея, бедняжку рвало, и большую часть ночи она провела в уличном туалете. Съёжившись от боли, она сидела на жёстком деревянном сиденье и старалась не плакать, пока из неё выходила жидкость. «Теперь-то всё пройдёт», – думала она. На следующее утро она с надеждой поискала следы крови – но их не было. Ещё три дня она мучалась от боли, рвоты и поноса, притворяясь перед Биллом и детьми, что с ней всё в порядке, но на шестой день ей пришлось признать, что всё тщетно. Крови не было. Она была по-прежнему беременна.

Вернувшись к миссис Причард, Хильда чувствовала жуткую слабость и вся дрожала. Та, напротив, выглядела превосходно. Свежеокрашенные

волосы были уложены на голове изогнутыми колбасками. Она накрасилась ещё сильнее прежнего, а губы и ногти у неё были ярко-алые.

– Ох, милая моя, эти колики – чистое наказание. Иногда их приходится выметать новой метлой. Бедная моя матушка так и говорила – если старая проверенная метла не справляется, надо браться за новую. Теперь решать вам, дорогая. Вы хотите, чтобы я вычистила всё новой метлой? Мне надо будет прийти к вам, конечно. Тут у меня никаких условий. И со мной будет дочь, она мне помогает, понимаете? И в доме никого не должно быть – ни детей, ни мужей, никого. Решать вам, дорогая.

Хильда сглотнула. Её подташнивало.

– Это больно? – прошептала она.

– Как комариный укус, милая. Я дам вам одну микстуру, тайный рецепт моей матушки – она поведала мне его на смертном одре. Она притупляет ощущения.

– А другого выхода нет?

– Если лекарство не работает, дорогая, значит, это особенно стойкая колика, и тут уж без новой метлы не обойтись.

– Хорошо. Когда вы можете прийти?

– В среду утром. Вам это обойдётся в двадцать гиней. Десять сейчас и десять после работы. Это стоит каждого пенса, милая.

Хильда отправилась на почту и сняла двадцать гиней с военного сберегательного вклада[37], который зареклась трогать в надежде купить мебель для нового дома. Она отдала десять гиней миссис Причард, и та повторила:

– Это стоит каждого пенса. Увидимся в среду.

Следующие несколько дней Хильду терзали сомнения. Не ошибка ли это? Может, лучше всё отменить и просто родить? Но одна мысль о седьмом ребёнке в этой жуткой дыре вызывала такое отторжение, что она решила: всё что угодно, только не это. Говорить ли Биллу? Она не знала. Мужчины такие нервные. Может, ему лучше не знать. К тому же он может сболтнуть коллегам, и неизвестно что из этого выйдет. За ней могут прийти из полиции. Она решила промолчать.

В среду миссис Хаттертон из квартиры напротив согласилась присмотреть за малышами, а старшие ушли в школу с наказом пообедать там же и не возвращаться домой до четырёх. Хильда ждала, и сердце её колотилось. Она притащила несколько вёдер воды, достала чистые полотенца и простыни и пару кусков ваты. Что ещё делать, она не знала. «Ожидание хуже всего», – думала она. В половине десятого в дверь

постучали, и она чуть не упала в обморок, хотя и ждала визита.

В дом вошли миссис Причард с дочерью, одетые в простые коричневые плащи самого унылого вида. Головы обе повязали шарфами, как было принято в Ист-Энде. В руках они держали плетёные корзины, в которых виднелась капуста, репа, лук-порей и брюссельская капуста, и напоминали они двух домохозяек, возвращающихся с рынка, – это было прикрытие для полиции.

– Ну что ж, дорогая, раньше начнём – раньше закончим.

Шагая по скрипучей лестнице, миссис Причард с отвращением сморщила свой чувствительный носик.

– Неудивительно, милая, что вы решили избавиться от этих колик.

Она оглядела комнаты профессиональным взглядом.

– Спальня не годится. Используем кухонный стол. Мне понадобится горячая вода. Где у вас плита? В коридоре? Так не пойдёт. Горячая вода должна быть под рукой. Дверь можно запереть? Нет?

Почему? Надо запереться изнутри. Найдите ключ. Это он? Хорошо. Теперь уберите всё со стола. Задёрните занавески – нам же не нужны любопытные взгляды, верно? Теперь выпейте-ка это. Это настойка моей матери, она притупляет ощущения. Забирайтесь на стол. Мириам, поставь ведро сюда, а миску – туда, положи там полотенца и расстели под ней простыни. Подтяните колени к груди и оставайтесь в таком положении, что бы ни произошло.

Мириам – крупная, молчаливая девушка – что-то промычала в знак согласия.

Хильда, вся дрожа, выпила настойку и с трудом забралась на стол. Она приняла, как говорят врачи, литотомическую позицию – ягодицы её были у края стола, ноги подняты и разведены. Голова кружилась. Она нервничала, и её тревожные размышления прервал чей-то бархатный голос.

– У вас есть при себе ещё десять гиней, дорогая? Профессионалы не оказывают свои услуги без надлежащей оплаты.

– На полке, в коричневом горшке, – хрипло ответила Хильда.

Мириам подошла к полке и забрала деньги.

Покопавшись в луке и капусте, миссис Причард извлекла на свет свои инструменты – невероятно старые, сделанные из грубого металла, практически не поддающегося стерилизации (если, конечно, миссис Причард когда-либо пыталась их стерилизовать). Это были древние хирургические инструменты – щипцы, расширители, кюретки и клизма Хиггинсона.

– Всего лишь небольшой укольчик, милая, вы и не почувствуете

ничего, – проворковала миссис Причард и приступила.

Хильда не ощущала никакого неудобства. «Всё будет хорошо», – подумала она. От настойки у неё затуманился разум.

Взглянув на неё, миссис Причард бросила дочери:

– Держи её в таком положении и приготовь полотенца.

Она нащупала, как ей показалось, шейку матки, прошипела: «Держи её!», ухватила шейку щипцами и потянула на себя. Хильда почувствовала такую боль, словно в неё вонзили нож, но ей удалось не закричать. Крепко держась за шейку матки, миссис Причард взялась за расширитель и попыталась воткнуть его внутрь, но тщетно.

– Слишком большой, – пробормотала она, взяла расширитель поменьше и воткнула его в маточный зев.

Хильде казалось, что её режут раскалёнными ножами. Она открыла было рот, чтобы закричать, но ей тут же заткнули глотку полотенцем, чуть не задушив её. Мириам всем весом навалилась ей на ноги, и бедняжка не могла пошевелиться.

Миссис Причард взялась за кюретку и принялась тыкать ею, пытаясь вслепую проникнуть в полость матки. Когда она решила, что это удалось, то принялась скоблить изо всех сил, пока не хлынула кровь. Боль была такой чудовищной, что Хильда потеряла сознание, а когда пришла в себя, её рвало, но во рту у неё по-прежнему было полотенце, и она начала задыхаться.

– Убери полотенце, мы ж не хотим её убить, – приказала миссис Причард.

Кровь текла рекой, но Хильда об этом не знала. Она ощущала только, как в горле поднимается новая волна тошноты, и понимала, что полотенце убрали вовремя. Иначе она захлебнулась бы и погибла. До неё доносился бархатный голос:

– Вот так, дорогая, как хорошо идёт кровь. Это вам и было нужно, милая, как следует всё вымести. Теперь всё хорошо. Вам денёк-другой может быть не по себе, но скоро всё пройдёт и вы будете как новенькая. Теперь вставайте. Да-да, вы можете встать и пойти полежать часок. Мы всё уберём. Это входит в пакет услуг. Я горжусь тем, что никогда не оставляю за собой беспорядок.

Хильда кое-как встала на ноги и с помощью Мириам добралась до спальни. Проходя мимо края стола, она увидела, что с него капает, а на полу стоит полный таз крови. «Господи, неужели это всё вытекло из меня?» – подумала она и ухватилась за полотенце, которое ей сунули между ног. Её снова вырвало.

– Выпейте ещё настойки, дорогая, – мягко сказала миссис Причард. – Живот пройдёт, и вы будете лучше спать. Эти колики – настоящее наказание, не правда ли?

Хильда выпила настойку и упала на кровать. Сознание покинуло её, и до конца дня она то приходила в себя, то снова отключалась.

Женщины кое-как убрались.

– Если она думает, что мы будем наводить чистоту в этой дыре, то сильно ошибается, – пробормотала миссис Причард, и они ушли, оставив оглушённую, истекающую кровью Хильду.

В три часа миссис Хаттертон привела малышей. Увидев Хильду, она всё поняла и сказала:

– Бедная вы душенька.

Она отвела детей обратно к себе и принесла чистые полотенца, простыни и свежей воды, поскольку Хильда мучилась от жажды. Соседка убрала испачканное кровью бельё и постелила чистое. Когда вернулись старшие дети, она тоже забрала их к себе, накормила и несколько раз заглянула к Хильде, чтобы сменить бельё и дать ей напиться. Увидев Билла, возвращавшегося домой с работы, она остановила его и сказала, что жена его больна и что детей она подержит у себя, пока её старик не вернётся, но потом приведёт их домой. Билл решил, что жена простыла: «Она последние дни бледновата». Он не подозревал о случившемся и, когда увидел белую, словно простыня, Хильду, которая с трудом двигалась и говорила, был совершенно потрясён.

– Надо позвать врача, – сказал он.

– Нет-нет, только не это! – встревоженно ответила она и попыталась рассказать ему о случившемся, но он ничего не понял.

– Женские дела! – заявил он. – Не стоит мужчинам в это лезть. Он выпил чаю и ушёл. В половину восьмого миссис Хаттертон привела шестерых детей и уложила их – двоих в шкаф, а четверых – на диван и на кушетку, которые вытащила в гостиную. Она дала Хильде ещё воды и опять сменила бельё.

– Терпите, – сказала она. Вызвать врача она не предложила. Они обе понимали, что вслед за доктором последуют полиция и обвинение. О таких вещах следовало молчать. – Я приду завтра.

Билл вернулся в половине одиннадцатого. Он выпил, но пьян не был. Хильда выглядела также плохо.

– Точно не хочешь вызвать врача? – спросил он с тревогой. Пришлось объяснить, что доктор по закону обязан сообщить в полицию о подпольном

аборте. Билл ничего не понял, но упоминание полиции его напугало. Вид бледной, ослабевшей жены всколыхнуло в нём былую нежность.

– Может, чашечку чаю выпьешь, а, милая? – сказал он ласково. – Это пойдёт тебе на пользу.

Хильда с трудом улыбнулась.

– С удовольствием. Спасибо, Билл. Спасибо большое.

Дети крепко спали.

Восстановление заняло около трёх недель. Кровотечение остановилось через несколько дней, но боль и слабость были такими, что Хильда почти всё это время пролежала в постели. Миссис Хаттертон была очень добра. Она приходила каждое утро и собирала старших в школу, заботилась о малышах, стирала, покупала продукты, готовила и таскала воду. Миссис Причард больше не появлялась. Послеоперационный уход не входил в пакет её услуг.

Нелегальные аборты

Право женщины распоряжаться своим телом в наши дни кажется настолько неотъемлемым, что молодёжь не может и вообразить себе, что раньше аборт в Великобритании считался преступлением, за которое и женщину, и врача сажали за решётку. Закон о нелегальных абортах 1803 года действовал сто шестьдесят пять лет и был упразднён лишь в 1967 году.

Но женщины, которые хотели сделать аборт или нуждались в нём, существовали всегда. Для богатых всё было сравнительно просто – тайный визит по засекреченному адресу, зачастую за границей, где врач в незарегистрированной клинике выполнял нелегальную операцию. Как правило, эти операции проходили успешно, и женщина не слишком страдала. Порой даже удавалось сделать легальный аборт – если два врача (один из них психиатр) свидетельствовали, что женщина психически и физически неспособна выносить плод. Это стоило огромных денег, но помогало избежать риска судебного преследования.

У бедных всё обстояло по-другому. Большинство представителей рабочего класса жили в постоянной нищете, и семьи ютились в одной-двух комнатах без отопления, света и еды. Контрацепция практически отсутствовала, и женщины рожали слишком много детей – куда больше, чем могли приютить или прокормить. Известие о беременности зачастую считалось настоящей катастрофой. Для одинокой женщины это было крахом, и многие предпочитали покончить с собой – лишь бы не рожать внебрачного ребёнка.

Таким образом, миллионы женщин искали возможность сделать аборт. Для начала обыкновенно прибегали к спринцеванию. Этот метод редко срабатывал, так как, чтобы подействовать, жидкости надо попасть в матку. При использовании каустического раствора женщина получала химические ожоги вагины и шейки матки.

Тысячи несчастных пытались избавиться от беременности медицинским путём. Использовались сильнейшие слабительные – например, пинта английской соли. Прибегали также к джину и имбирю, скипидару, спирту, алоэ и терновнику. Всё это не работало. В жёлтой прессе рекламировалось то, что называли средством для возобновления менструации: средства эти стоили дорого и были ядовитыми, порой могли

повлечь смертельный исход. В состав часто входил хинин, а иногда даже мышьяк или ртуть.

«Мудрые» женщины много веков знали, что чёрная плесень на ржи может вызвать выкидыш. Её называли спорыньёй, и она же была причиной возникновения смертельного заболевания – антонова огня. Когда я только получала акушерское образование и изучала теорию в учебной больнице, моя однокурсница завела роман с доктором и забеременела. Она украла бутылку эргометрина из аптечного шкафа и пила таблетки, пока у неё не случился выкидыш. Она ужасно себя чувствовала, но так боялась вылететь, что продолжала ходить на учёбу. Если бы старшая медсестра узнала о её беременности, девушку исключили бы, а если бы выяснилось, что она украла эргометрин, её имя вычеркнули бы из реестра (она была зарегистрированной государственной медсестрой), а саму её осудили бы в соответствии с законом о нелегальных абортах.

Некоторые женщины прибегали к жестоким методам – падали с лестниц, пытались утопиться, ложились в ванны с кипятком, надеясь спровоцировать выкидыш. Если женщина выживала, то, как правило, обнаруживала, что всё ещё беременна, поскольку надо чуть ли не убить мать, чтобы уничтожить плод.

Доведённые до отчаяния женщины были готовы на что угодно, чтобы избавиться от беременности. В ход шли вязальные спицы, крючки, металлические вешалки, ножи для бумаги, длинные тонкие ложечки, искривлённые иглы для вышивания, велосипедные спицы. Всё это запихивалось в вагину, потому что женщины хотели любой ценой спровоцировать выкидыш. Боюсь даже вообразить, что такое – совать инструмент в закрытую матку, но это проделывалось множество раз, и порой даже успешно.

Когда я только начинала работать акушеркой, то иногда выступала перед женщинами, и всякий раз кто-то из слушательниц рассказывал, как одна из её бабушек когда-то самостоятельно сделала аборт. Я знаю множество подобных случаев, произошедших при разных обстоятельствах, и все они настолько похожи, что сложно сомневаться в их правдивости.

Достаточно будет привести здесь один рассказ, который я услышала на встрече в Институте по делам женщин:

– Моя тётя была респектабельной одинокой дамой, ей было тридцать пять, и она жила с матерью, которая очень гордилась семейной репутацией. Тётя случайно забеременела и попыталась сделать аборт вязальным крючком, У неё началось сильное кровотечение, и когда её мать узнала о случившемся, то сперва отказывалась вызывать врача – настолько она

боялась осуждения соседей. Только когда она поняла, что иначе дочь умрёт, она втайне пригласила доктора, и тот сделал аборт и наложил швы прямо на кухонном столе. После этого он сказал: «История случившегося не должна покинуть стены этого дома, об этом будем знать только мы трое». О происшествии молчали сорок лет.

Тот врач спас жизнь женщины, но при этом он рисковал своей карьерой. Если бы об этом случае стало известно и о нём донесли в Генеральный медицинский совет, за нарушение профессиональной этики доктора отстранила бы от работы дисциплинарная комиссия. Он мог бы оправдаться тем, что спасал жизнь, но исход этого дела всё равно оставался бы под вопросом, да и в любом случае подобный опыт для добросовестного врача был бы крайне неприятен.

Альтернативой самостоятельному аборту был визит в нелегальный абортарий. Подпольные акушеры практиковали два метода: хирургическую процедуру или промывание сильной струёй воды. Оба считаются крайне опасными, и только врач-хирург достаточно компетентен, чтобы произвести аборт. Но это не останавливало бесчисленное число женщин, бравших деньги за свои услуги. Они слабо представляли себе женскую анатомию и оперировали самодельными инструментами наподобие тех, что описаны выше, или же устаревшими, украденными из больницы. Операции зачастую происходили прямо на кухонных столах, и не было и речи о стерильности, анестезии или подобающем освещении.

Ввести в вагину инструмент несложно, но шейка матки располагается почти под прямым углом к стенке вагины. Без знания анатомии легко промахнуться и воткнуть инструмент в стенку. Непрофессиональные акушерки работали вслепую и иногда протыкали мочевой пузырь или прямую кишку. Если инструмент и попадал в матку, то иногда пронзал её насквозь. Даже если всего этого удавалось избежать, кровотечение зачастую было неконтролируемым.

В одной из частей «Вызовите акушерку» я рассказываю, как познакомилась с Мэри, юной ирландкой, которую заставили заниматься проституцией. Она поведала мне ужасающую историю своей единственной подруги по борделю, которая забеременела и после подпольного аборта истекла кровью и умерла на руках у Мэри. Тело её исчезло, и в случившемся никого не обвинили.

В 2004 году вышел фильм о подпольной акушерке – «Вера Дрейк». В этой великолепной картине говорится о социальных дилеммах того времени. Миллионы людей наверняка полагают, что там даётся достоверное описание нелегальных абортов в середине века, но в кино есть

неточности.

В фильме предпочтение отдаётся промыванию. Мы видим, как Вера Дрейк вливает женщине в матку раствор карболового мыла при помощи клизмы Хиггинсона. Однако это обычное спринцевание, которое вряд ли могло повлиять на ход беременности, поскольку жидкость попала бы только в вагину, а не в матку.

Промывание может показаться менее травматичным методом – в кино всё выглядит очень просто, – но он всё равно очень опасен. Во-первых, каустический раствор должен быть правильной концентрации: слишком слабый не подействует, слишком сильный – выжжет слизистую оболочку внутренних органов. Во-вторых, следует точно определить требуемое количество жидкости и скорость её введения. Одно из самых неприятных ощущений на свете – это неожиданное вздутие. Если слишком быстро закачать слишком много жидкости в матку, это может привести к шоку, резкому падению давления, остановке сердца и смерти.

Когда я выступала в Историческом обществе Восточного Лондона в 2006 году, одна из слушательниц рассказала нам, что в 1930-х в маленькой деревушке в Эссексе, где она выросла, к их местной акушерке, опытной и добросовестной женщине, пришла соседка и сказала, что её четырнадцатилетняя дочь забеременела. Она молила акушерку сделать аборт. Та поначалу отказывалась, но мать так её уговаривала, что она согласилась. Акушерка сделала промывание, и девочка умерла на столе. И мать, и акушерка попали в тюрьму.

Нам, медсёстрам и акушеркам, часто приходилось сталкиваться с последствиями домашних абортов – особенно, когда мы работали в гинекологическом отделении. Женщины, пережившие непрофессиональное вмешательство, обычно на всю жизнь оставались больными: они страдали от анемии, спаек, опущения матки и хронических болей, недержания, цистита или нефрита и многих других болезней. Часто случался тромбоз вен, из-за чего сгусток крови мог попасть в лёгкие. Антикоагулянты стали доступны только в середине века.

Я видела множество травм и две смерти от нелегальных абортов. Первая жертва – девочка девятнадцати лет, которой выжгло слизистую и шейку матки карболовой кислотой или другим каустическим раствором. Мы ничем не могли ей помочь, она провела в мучительной агонии несколько дней и скончалась.

Помню ещё одну несчастную – мать пятерых детей, у которой после хирургического аборта в брюшной полости образовалась гнойная киста. Мы безуспешно пытались дренировать её, и несколько недель подряд у

несчастной сочился гной из живота. Невозможно забыть, как дети навещали её перед смертью.

Закон о нелегальных абортах 1803 года отменили в 1967-м. Меня иногда спрашивали – согласна ли я с этим. Я всегда отвечала, что считаю проблему не этической, а медицинской. Всегда будут существовать женщины, нуждающиеся в аборте – значит, он должен осуществляться надлежащим образом[38].

Удивительные повороты

Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем всё, что способно создать воображение человеческое. […] Нам и в голову не пришли бы многие вещи, которые в действительности представляют собою нечто совершенно банальное. Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, вылететь из окна и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши и заглянуть внутрь домов […] вся изящная словесность с её условностями и заранее предрешёнными развязками показалась бы нам плоской и тривиальной.

«Установление личности»,

сборник «Приключения Шерлока Холмса».

Артур Конан Дойль[39]

Прошла пара месяцев, и Хильда постепенно вернулась к хозяйству, но постоянный гомон, стирка, готовка, а главное, убогая обстановка просто-таки убивали её. Она впадала в депрессию, огрызалась на детей и не обращала внимания на Билла. Он никогда её раньше такой не видел. Им всегда было вместе весело, теперь же она почти не разговаривала. Иногда Билл размышлял о том, что же он сделал не так. Он всегда был хорошим мужем и отцом – или, по крайней мере, старался им быть, – приносил домой деньги, в отличие от некоторых, которые всё пропивали, а потом колотили жену за отсутствие горячего ужина.

Хильда собралась с силами и отправилась в управу. Уж она-то всё им скажет. Но, как выяснилось, можно было не утруждать себя. Не было ни домов, ни квартир с четырьмя спальнями. Их строительство было запланировано на следующий год, и Хардингов обещали уведомить. Да, они наверху списка, и им первым предложат расселение. А пока что…

Пока что Хильда была близка к тому, чтобы броситься под автобус. Но решиться на самоубийство не так-то легко, и она так и не смогла себя заставить. Жизнь продолжалась.

Прошло ещё пару недель, и с Хильдой стало происходить что-то странное. Сначала она решила, что это газы, и приняла английской соли. После мощной очистки организм вроде бы успокоился, и больше она об этом не думала. Но неделю спустя всё началось заново, и сильнее прежнего. Как-то раз она положила руки на живот и ощутила толчок. В

этот момент она с ужасом осознала, что кровотечение, видимо, было артериальным, а все эти ужасные боли и страдания оказались напрасными. О потраченных деньгах даже думать не хотелось. Она всё ещё была беременна.

Охваченная яростью, Хильда приехала на автобусе к миссис Причард и заколотила в дверь. Дом никак не изменился, обстановка была всё такой же шикарной. Разукрашенная миссис Причард выглядела так же, но гостеприимная улыбка и сочувственные и понимающие интонации куда-то пропали.

– Ну? – спросила она.

– Шарлатанка! Я всё ещё беременна!

– Если вы опускаетесь до обзывательств, мне нечего вам сказать.

– Слышишь? Я беременна!

– Вы и не были беременны. Напрягите память, у вас была желудочная колика, и я лечила вас от колик по рецепту моей дорогой покойной матушки.

– Лгунья! Ты сделала мне аборт.

– Ничего подобного. И не смейте называть меня лгуньей, жалкая крыса.

– Сделала и теперь лжёшь мне в лицо!

– Ещё раз скажете что-то подобное и можете сразу уходить. Я травница, лечу старинными методами, о которых мне поведали разные мудрые женщины.

– Так что же ты делала у меня дома, когда чуть меня не убила?

– Я пришла в эту дыру из жалости, потому что вы донимали меня своими коликами. Иногда я по доброте душевной навещаю своих клиентов.

– Ты меня чуть не убила!

– Чушь.

– Я чуть не умерла от боли.

– Теперь-то вы выглядите вполне здоровой.

– Ты тут ни при чём, чёртова убийца!

– Всё, я не могу больше выносить эти грубости. Вынуждена попросить вас удалиться.

– Сначала верни мне двадцать гиней!

– Двадцать гиней! Какие ещё двадцать гиней? В жизни не слышала подобной чуши. Я взяла с вас две гинеи за травяную микстуру, приготовленную по тайному рецепту моей покойной матушки. Эта микстура превосходно лечит желудочные колики и рецепт её известен лишь избранным.

– Да гори в аду твоя матушка!

– Бедная матушка. Слышала бы она эти слова.

Миссис Причард вытащила кружевной платок и приложила его к густо накрашенным ресницам. Хильда была вне себя от ярости.

– Так, ты собираешься возвращать двадцать гиней, которые содрала за аборт?

– Простите, я не брала с вас двадцать гиней.

Миссис Причард торопливо подошла к двери, цокая каблучками по полу.

– Мириам, дорогая, подойди сюда, пожалуйста.

В комнату вошла рослая Мириам и уставилась на Хильду тяжёлым взглядом.

– Эта, гм, леди, скажем так… Эта леди, Мириам, утверждает, что я взяла у неё двадцать гиней. Я этого не делала. Ты получала какие-либо деньги, Мириам?

– Нет.

– Ну вот видите. Мы никаких денег с вас не брали. Боюсь, это мошенничество. Я уже встречала вам подобных.

– Так что же вы делали у меня дома, когда чуть меня не убили?

– Не преувеличивайте. Мы поставили вам клизму от желудочных колик и оставили вас совершенно здоровой.

– Клизму?

– Травяную клизму. И всё.

– Я чуть не умерла! Я истекала кровью!

– Геморрой, моя дорогая. Геморрой. Если у вас кровотечение из-за геморроя, я тут ни при чём. А теперь прошу меня простить, но меня ждёт важная работа. Я ожидаю визита её светлости, леди Лукреции, которая мне одной доверяет свои мигрени и головокружения.

– Да будь ты проклята, слышишь, размалёванная кошёлка!

– Боже, так меня ещё никогда не оскорбляли.

Миссис Причард поправила причёску. Блеснули алые ногти, золотой браслет. Этот жест должен был заставить Хильду почувствовать свою ничтожность.

Несчастная Хильда, страдающая от клинической депрессии, анемии, усталости, боли, причинённой этой женщиной, измождённая вечными трудами и страхами, вдруг живо ощутила, что на ней – дешёвое пальто семилетней давности, стоптанные ботинки, что волосы её всклокочены, руки отекли, а ногти – сломаны. В её душе всколыхнулась волна горечи, и бедняжка практически утратила контроль над собой. Она бросилась на миссис Причард, пытаясь схватить её за белокурые локоны и выдрать их с

корнем, но Мириам стремительно шагнула вперёд и удержала её. Хильда испустила крик досады.

– Крашеная сучка с фальшивыми ресницами, что, думаешь, раз парик надела да умные слова выучила, всё можно, да? Ты просто старая грязная лживая корова!

– Ну всё, это уже слишком. Слышал бы вас мой покойный муженёк, он бы за меня вступился.

– Да гори он в аду, твой муженёк!

– Теперь вы решили оскорбить моего дорогого мужа, капитана Причарда, который погиб как герой в битве при Азенкуре? Мириам, выведи её.

Сильная и молчаливая Мириам с угрожающим видом ухватила Хильду за руку, дотащила её до входной двери и выставила на улицу. Ослеплённая слезами, Хильда потащилась обратно к себе – мысленно она так и говорила, «к себе», а не «домой», потому что слово «дом» было слишком уютным для этой дыры. В магазине на углу она купила четыре фунта[40] сосисок и пару батонов. На вечер этого хватит.

– Всё в порядке, миссис Хардинг? – бодро спросила продавщица.

«Пронырливая дрянь, вечно сплетничает», – подумала Хильда.

– Нормально, – ответила она мрачно.

Вся эта боль, весь ужас, долгие недели в постели – и всё впустую. Она опять вернулась к тому, с чего начинала, только потеряла двадцать гиней.

Вечером, когда дети уснули, она сказала Биллу, что аборт оказался неудачным, и она по-прежнему беременна. Он выслушал это молча, глубоко затягиваясь папироской. «Вот оно что», – подумал он.

– Ты уверена?

– Уверена.

По крайней мере, он не рассердился. Возможно, возмутился, но не злится.

– У нас и так слишком много детей.

– Я знаю.

– Больше мы не потянем.

– Я знаю.

– А нельзя ещё что-нибудь сделать? – спросил он с надеждой. – Ну что-нибудь, чтобы избавиться?

Она вздохнула. Знал бы он, через что ей пришлось пройти.

– Я пыталась. Я сделала всё, что могла, и по-прежнему беременна. Придётся рожать. Прости, Билл.

И вдруг он повёл себя совершенно неожиданно – она такого и не

предполагала. Муж взял её за руку. Этот простой жест всё изменил. Он пожал её ладонь и сказал:

– Да не за что тут извиняться, милая. Тут ведь столько же моей вины, сколько и твоей. Нам вместе всегда хорошо. В этом-то и проблема – слишком хорошо.

Он ухмыльнулся и подмигнул ей.

– Разберёмся. Вот увидишь. Мы же вместе, ну и придумаем что-нибудь. Ну давай, не плачь. Всё будет в порядке. Пойду-ка я эля принесу, он тебя взбодрит.

Когда Билл ушёл, Хильда уронила голову на стол и разрыдалась от облегчения: муж на её стороне, и ужас сменился надеждой. Ничего не изменилось, у них было по-прежнему слишком много детей, и жили они в жуткой дыре, и она опять была беременна, но, как сказал Билл, вместе они что-нибудь придумают.

Историю Хильды и Билла рассказала нам подруга и коллега, Эна, которая работала в гинекологической клинике Армии спасения в Клэптоне. К клинике в то время было прикреплено несколько окружных родильных домов, и Эна трудилась в том, что стоял на Хакни-роуд, в Шордиче, то есть неподалёку от нашего района. Мы часто встречались, когда разъезжали по окрестностям на велосипедах. Их район был так же густонаселён, как наш, но когда у нас было время, мы делились новостями. У большинства акушерок в те дни были в запасе интересные байки, и наши рассказы сопровождались взрывами хохота или криками ужаса. Но эта история была самой поразительной и жуткой из всех, что мне доводилось слышать.

Эна познакомилась с Хардингами как-то вечером, когда в дверь постучали. Она открыла и обнаружила на пороге неизвестного мужчину.

– Чем вам помочь?

Он молча стоял и мял в руках кепку.

– Что случилось? – спросила Эна.

Он продолжал молчать, потом вытащил из кармана папиросы и трясущимися руками сунул одну в рот.

– Что вас привело к нам? – продолжала расспрашивать озадаченная Эна.

Мужчина вытащил из кармана коробок и принялся неуклюже в нём копаться – его неловкие пальцы, казалось, никак не могли ухватить спичку. Эна заметила, что на его руке засохла кровь.

– Давайте я вам помогу, – сказала она доброжелательно, вытащила спичку, чиркнула и дала ему прикурить. Он глубоко затянулся.

– Что вы хотели?
– Вы акушерка?
– Да.
– Ну, оно уже.
– Что – уже?
– Ребёнок.
– Чей?
– Моей жены.
– Кто ваша жена?
– Хильда. Миссис Хардинг.
– Миссис Хардинг стоит у нас на учёте?
– Не знаю.
– Давайте разберёмся. Ваша жена, миссис Хардинг, родила?
– Да.
– Когда.
– Минут пятнадцать назад.
– Вы хотите сказать, только что?
– Да.
– Где?
– Дома.
– Кто был рядом?
– Я.

Мужчина глубоко затянулся и сплюнул на тротуар. Казалось, он крайне неловко себя чувствовал и избегал смотреть на Эну. Та начала тревожиться. Роды до прибытия акушерки были обычным делом, но, как правило, её всё же вызывали заранее, и она просто не успевала добраться до роженицы.

– Вы вызывали кого-нибудь?
– Нет.
– Почему же?

Он снова затянулся и принялся грызть окровавленные ногти. Эна начала догадываться.

– Вы что, приняли роды? – спросила она недоверчиво.
– Ну да, а что? – ответил он с вызовом.
– Ничего, просто это очень необычно.

Мужчина выпустил клуб дыма, по-прежнему не глядя на неё.

– Да он просто вышел. Раз – и всё.
– Ну раз младенец только что родился, надо поторопиться. Вашей жене и ребёнку нужен уход. Вы не знаете, она стояла у нас на учёте? Если да,

мне надо найти записи.

– Говорю же, не знаю.

Эна решила, что искать записи, которых может и не существовать, это пустая трата времени, и побежала за медицинской сумкой. В голове у неё роились десятки мыслей одновременно: только что родившемуся младенцу требуется уход, пуповину наверняка не перерезали, надо разобраться с третьим этапом родов, у женщины может начаться кровотечение. Вернувшись, она увидела, что мужчина всё ещё стоит в дверях. Он закурил очередную папиросу.

– Где вы живёте?

– За углом.

Он указал на практически разрушенную улицу, большинство домов на которой пострадали во время бомбёжек или были расселены как непригодные для жилья.

– Я думала, там никто не живёт, – заметила Эна.

– Нам вот не свезло.

– Пойдёмте к вашей жене и ребёнку.

Эна быстро зашагала. Мужчина плёлся в паре шагов позади, подволакивая ноги.

– Который дом?

– На той стороне. С окнами.

Акушерка пересекла улицу и подошла к двери. Она была заперта.

– У вас есть ключ?

– Где-то есть.

Он принялся безуспешно рыться в карманах.

– Быстрее! Должен быть, вы же только что вышли из дома.

Незнакомец фыркнул и продолжил копаться в карманах. Наконец дверь была открыта.

Эна вошла в вонючий подъезд и впервые за это время подумала, что это может быть ловушка. Эну пронзил страх. Мужчина вёл себя странно – с самого начала разговора он держался очень неестественно. При мысли, что кровь могла остаться у него на руках не после родов, а от чего-то другого, её охватила паника. Заброшенный дом на разбомблённой улице – не то место, где рождаются дети. Но всё-таки он искал акушерку. Если бы у него были какие-то скрытые мотивы, он бы скорее обратился к медсестре. Следующие его слова успокоили её:

– Моя жена наверху. Придётся подняться. Осторожнее, тут ступенька сломана. Не покалечьтесь.

Эна взяла себя в руки и проследовала за мужчиной. Он открыл дверь.

На кровати лежала женщина и смотрела в потолок. Она молчала. Молчал и её муж.

– Где ребёнок? – спросила Эна.

Тишина.

– Где? – повторила она. Её вновь охватил страх. В их молчании было что-то зловещее. Она смотрела на них, но они словно избегали встречаться с ней взглядом.

– Где ребёнок? – повторила Эна с нажимом.

– Там, – ответила женщина и указала на пол.

Эна опустила взгляд и увидела ночной горшок, переполненный кровавой слизью, из которой торчали две беленькие ножки. Она бросилась к горшку – это была плацента, и малыш утонул в ней. Эна схватилась за ножки и вытащила младенца. Это был крохотный мальчик, вялый и безжизненный. Он захлебнулся в собственной плаценте.

Шок, ужас и паника лишили её дара речи. Она была ещё совсем молода, немногим больше двадцати, и никогда не видела ничего подобного. Завернув тельце в простыню, она попробовала сделать искусственное дыхание рот в рот, попыталась помассировать пуповину по направлению к животу, в напрасной попытке возобновить кровоснабжение, простимулировать сердце. Всё тщетно. Ребёнок был мёртв.

– Почему вы его так бросили? – вопросила она чуть ли не в слезах.

– Мы не знали, что делать.

– У вас есть дети? Вы же знаете, что ребёнка нельзя оставлять в горшке головой вниз.

– Никто не говорил нам, как надо. Откуда ж нам знать?

– Почему вы не позвали нас раньше?

– Всё произошло очень быстро. Времени не было.

– Так почему вы не взяли сына на руки?

Они промолчали. Женщина смотрела в потолок, а мужчина пускал дым в окно, глядя на улицу.

– Мне надо обратиться к старшей акушерке.

Я не знаю, что делать.

Эна выбежала из комнаты и поспешила вниз по лестнице, спотыкаясь и чуть не падая. На улице ей понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя, и акушерка привалилась к стене. Расстояние было небольшое, всего несколько сотен ярдов[41], но она еле держалась на ногах.

Старшая акушерка вызвала полицию и отправилась к супругам Хардинг. Те пересказали стражам правопорядка ту же историю. Тело ребёнка забрали на вскрытие.

В отчёте говорилось, что это был здоровый, доношенный младенец. Все внутренние органы – сердце, мозг, лёгкие, печень, почки, кишечник, кровеносная система – были полностью развиты и должны были нормально функционировать. Лёгкие расширились при родах, и мальчик успел сделать несколько вдохов, но потом в них попала кровь и околоплодная жидкость. Заключение гласило, что младенец захлебнулся попавшими в лёгкие жидкостями.

Несколько недель спустя состоялось дознание, на котором Эне пришлось давать показания. Она рассказала всё, что знала. Мистера и миссис Хардинг подвергли допросу. Хильда сказала, что стояла на учёте в гинекологической клинике Армии спасения, что она почувствовала начало схваток и попросила соседку, миссис Хаттертон, позвать её мужа и присмотреть за младшими детьми. Билл вернулся, и когда они собирались в больницу, ей захотелось в туалет. Она присела на горшок, и ребёнок выскользнул из неё.

Старшая акушерка подтвердила, что это звучит правдоподобно, и женщина, у которой это была не первая беременность, действительно могла почувствовать лишь лёгкий дискомфорт и тяжесть в животе – как и описала миссис Хардинг. В этом случае роды заняли бы не более четверти часа от самого начала схваток до появления на свет младенца.

Когда следователь спросил Хардингов, что произошло дальше, они вновь сказали, что не знали, что делать, а подсказать было некому. Мистер Хардинг сообщил, что ему пришло в голову сходить за местной акушеркой, но когда он вернулся, ребёнок был уже мёртв.

Следователь заметил, что затрудняется с выводами. Ему было сложно поверить, что супруги Хардинг не знали, что делать. Однако можно было предположить, что в отсутствие квалифицированной акушерки или врача двое безграмотных, необразованных людей действительно могли впасть в ступор, особенно если их потрясли такие внезапные и быстрые роды. Мистер Хардинг поступил так, как они сочли нужным, – отправился за акушеркой. Но было уже поздно.

Вердикт оставил вопрос открытым – это значило, что дело не закрыто, и если в нём появятся какие-либо новые улики, его могут рассмотреть заново. Но новых улик так и не поступило.

Дочь капитана

Хорошо, что в ту ночь дежурила Чамми. Кому ещё хватило бы мужества, энергии и физической силы отважиться на то, что сделала она?

Камилла Фортескью-Чолмели-Браун происходила из старой семьи «строителей империи». В её роду были полковники и начальники. Все женщины звались леди Такая-то или Сякая-то и умели не только устраивать вечеринки или балы на тысячу персон, но и выживать в знойной глуши, управлять поселением и поддерживать своих мужей, начальников колонии, в одиночку руководивших территориями размером с Уэльс. Что бы ни говорили о Британской империи, те, кто стоял во главе, воистину отличались храбростью и надёжностью.

В этом отношении Чамми была типичной представительницей своего рода. Во всём остальном она была белой вороной – нескладной, неловкой и застенчивой. Роденская школа и дорогие пансионы не пошли ей на пользу. Чамми не обладала никакими социальными навыками, совершенно не подозревала об этом и неизменно обижалась, когда мать давала ей понять, что она снова опозорила семейство. Не помогало также и то, что она была больше шести футов[42] ростом и плохо управлялась со своими длинными конечностями. Она то и дело падала или врезалась во что-нибудь, и после нескольких конфузов в общественных местах родители решили больше никуда её не брать. Ей предлагалось на выбор множество достойных леди занятий, но вскоре стало ясно, что она ни на что не пригодна.

– Что нам делать с Камиллой? – спрашивала мать в отчаянии. – Она ничего не умеет, и её никто не возьмёт замуж.

Чамми пала духом и смирилась со своей ролью неудачницы. Однако пути Господни неисповедимы. Неожиданно она нашла своё призвание – ей суждено было стать миссионеркой. Для этого девушка получила медицинское образование, и на этом поприще её ждал мгновенный успех. Затем она прошла обучение, чтобы стать акушеркой, и так мы с ней и встретились в Ноннатус-Хаусе.

Как я уже говорила – хорошо, что в ту ночь дежурила именно Чамми.

Телефон зазвонил в половине двенадцатого, разбудив её.

– Говорит ночной дежурный лондонского порта Вест-Индия, нам нужна медсестра или врач.

– Что случилось? – спросила Чамми. – Несчастный случай?

– Нет, женщина заболела.

– Женщина? Вы уверены?

– Уверен, конечно, думаете, я их не отличаю?

– Нет, я имела в виду не это. Простите. Просто женщинам нельзя в порт.

– Ну, этой можно. Она жена капитана или что-то в этом роде, мне так этот товарищ сказал. По крайней мере, я так понял, потому как по-английски он не говорит, только закатывает глаза, стонет, да живот трёт. Поэтому я и решил позвонить акушеркам.

– Я приеду. Куда мне идти?

– Главные ворота. Вест-Индия.

– Буду там через десять минут.

Чамми поспешно оделась и отправилась в путь. Ночь была ветреная, хотя и тёплая, и, несмотря на отсутствие дождя, девушка ехала медленно из-за встречного ветра и добралась до порта только минут через двадцать. Дежурный сидел у горящей печурки рядом с воротами и отпер их для прибывшей акушерки.

– Долго вы. Чёртов ветер. Не люблю это дело.

Чамми никогда раньше не заходила в портовые ворота, и в темноте это место выглядело странно и пугающе: маслянистая поверхность вод, громады торговых судов, бесчисленные подъёмные краны. На некоторых кораблях горел свет, остальные были погружены во тьму. На причале светился огонь дежурного. От ветра вода плескалась, а снасти дрожали, издавая гулкие стонущие звуки.

– Шведская баржа с лесом на Южной пристани. У женщины там живот болит или что-то в этом роде. Я уж сказал, что не место ей тут, но он вроде как и не понял.

Дежурный с неохотой поднялся, оставил своё уютное место и подбросил угля в огонь.

– Так-то, – вздохнул он. – Чёртовы бабы. Нельзя им сюда. Мне и так есть чем заняться.

Они подошли к Южной пристани.

– Ну вот, это «Катрина». Вот лестница, вот тут нужно держаться.

Он схватился за верёвку и окликнул матросов. Футах в сорока[43] над ними кто-то ответил. Дежурный мечтал о печке, уютном сарае, сосисках и жареном хлебе.

– Чёртовы бабы, – пробормотал он. – Без обид, сестра.

Над бортом возникла чья-то голова.

– Йа?

– Медсестра.

– Бра. Валькоммен. Так[44].

– Придётся вам лезть по верёвочной лестнице. Тут подветренная сторона, качаться не будет. Сможете забраться?

Большинству женщин хватило бы одного взгляда на громадный корабль и трепыхавшуюся на ветру тоненькую лестницу, чтобы отказаться. Но только не Чамми.

– Ладно, – согласилась она. – Отлично. Но пусть поднимут мою сумку отдельно. Я вряд ли смогу залезть туда вместе с ней, цепляясь одной рукой.

Дежурный что-то простонал, но привязал канат к ручке сумки и крикнул мужчинам наверху, чтобы те тянули. Каким-то образом они его поняли, и Чамми увидела, как сумка взмыла вверх.

– Приступим, – сказала она и ухватилась за лестницу.

– Лазали когда-нибудь?

– Когда я была маленькой, у нас был домик на дереве, так что можно сказать, что я уже практиковалась.

– Сложнее всего вначале, потому что вас может стукнуть о борт. Держитесь крепче, и всё будет нормально. Лезьте спокойно.

– Спасибо за совет.

Ветер так и трепал габардиновый плащ Чамми. По регламенту плащу медсестёр полагалось быть длинным и тяжёлым.

– Этот мешок вам помешает.

Чамми сбросила плащ. Дежурный взглянул на неё с уважением. Сосиски с жареным хлебом несколько утратили свою привлекательность.

– Юбки у вас слишком длинные. Можете запутаться.

– Не беда!

Чамми подобрала подол и заткнула его за пояс панталон.

– Не время для ложной скромности, – сказала она бодро, снова взялась за лестницу и поставила ногу на первую перекладину.

– Поставьте выше, чтобы натянуть лестницу. Возьмитесь за перекладину выше, за края не хватайтесь.

– Спасибо. Ещё что-нибудь посоветуете?

– Нет. Просто не бойтесь и продолжайте подниматься. Не смотрите ни вверх, ни вниз. Двигайтесь равномерно, и что бы ни случилось, не останавливайтесь. Не переживайте, и всё будет нормально.

– Чудеса да и только. Ну, поехали! – воскликнула Чамми, поднялась на шаг выше и подтянулась.

– Ещё пятьдесят! – сообщила она дежурному, который наблюдал за ней снизу.

– Хочется верить, что эти шведы знают, как делать верёвочные лестницы, – пробормотал он, – а то разобьётся она насмерть.

– Что вы говорите? Из-за ветра не слышно! – крикнула Чамми.

– Ничего! Продолжайте лезть – рука, нога, рука, нога. Ничего не бойтесь, не останавливайтесь и не смотрите вниз.

Чамми продолжала свой путь. Корабль качался, и порой внезапный порыв ветра сносил её на пару футов[45] в сторону. Но она не теряла присутствия духа. В миссионерстве ей предстоит претерпевать вещи и похуже. Она вспомнила мисс Хокинс – отставную миссионерку и старшую медсестру в больнице Королевы Шарлотты, где Чамми проходила начальное обучение. Сестра Хокинс тренировала своих студенток так, словно им предстояло сплавляться вверх по горной реке без вёсел. «Не останавливайся, старушка», – говорила себе Чамми.

Она потянулась наверх, но ничего не нащупала. Поискала рукой, но тщетно. И вдруг Чамми ощутила прикосновение – это болталась в воздухе сломанная деревянная перекладина. Акушерка замерла от ужаса, прижавшись лбом к борту корабля. Паралич от страха может привести к смерти, поскольку мускулы не в состоянии отреагировать на команды мозга. Чамми слушала бешеный стук сердца и понимала, что дышит часто и неровно. Всё её тело было напряжено. Она чувствовала опасность. Однако Чамми была разумной и квалифицированной медсестрой и понимала, что если ей удастся совладать с дыханием, она сумеет контролировать свои мускулы. Она знала, что здесь может помочь метод, которому учили на курсах для беременных. Наконец она почувствовала, что снова в силах двигаться, поставила ногу повыше и дотянулась до следующей перекладины.

– Это было опасно, – пробормотала она.

Дежурный заметил, что произошло, и чуть не помер со страху.

«Храбрая девчонка!» – подумал он. Мужчины на борту говорили что-то по-шведски.

Чамми не видела, что впереди осталось не так много перекладин. Она ликовала. Успешно справившись с опасностью, она ощутила, что способна на всё, и остаток пути преодолела чуть ли не с удовольствием. Вдруг голоса зазвучали совсем близко, и её рука нащупала металлический край. Чамми перелезла через борт и, запыхавшись, встала на палубу. Впервые в жизни её ничуть не смутило то, что вокруг неё стояли мужчины, хотя она красовалась перед ними в одних панталонах.

– Так, для начала прикроем ноги! – сказала она себе и одёрнула юбку.

Все рассмеялись и зааплодировали.

Один из моряков передал ей сумку, другой – проводил в каюту на средней палубе. Он постучал и сказал что-то по-шведски. Дверь распахнулась, и им навстречу вышел высокий бородатый мужчина и принялся быстро говорить что-то Чамми по-шведски, словно ожидал, что она его поймёт. Из глубины каюты донёсся женский голос:

– Папа, не пытайся, я сама.

Чамми вошла в крохотную и душную кабину. На потолке болталась керосиновая лампа. На узкой койке лежала гигантская женщина – её тело буквально свешивалась с краёв. Она потела, но кожа вокруг губ оставалась сухой.

– Слава богу, вы пришли, – выдохнула она благодарно. – Эти мужики меня уморят.

Она откинулась на подушки и закрыла глаза. Тяжёлые белокурые волосы разметались, полное лицо было покрыто бисеринами пота, подбородок так заплыл, что терялся в шее, которая, в свою очередь, переходила в пышную обвисшую грудь.

Деревянный сундучок, очевидно, служил столом и стулом одновременно. Чамми уселась и вытащила блокнот.

– Рада, что вы говорите по-английски. Мне надо собрать анамнез.

– Моя мать была англичанкой, отец – швед. Меня зовут Кирстен Бьоргсен. Все зовут меня Кирсти. Мне тридцать пять.

– Ваш адрес?

– «Катрина».

– Я имею в виду постоянный адрес.

– Я постоянно живу на «Катрине».

– Не может быть, это же торговое судно. Как здесь постоянно жить? В любом случае мне говорили, что женщин не пускают на корабли…

Кирсти рассмеялась.

– Ну, знаете, чего глаз не видит…

Она снова рассмеялась.

– Сколько вы уже живёте здесь?

– С четырнадцати, когда умерла моя мать. У нас был дом в Стокгольме, и я ходила там в школу. Но когда она умерла, отец привёл меня на «Катрину». Он здесь капитан.

– Мне сказали, что вы жена капитана.

– Жена? Кто это вам такое сказал? Он мой отец.

Чамми сменила тему и принялась расспрашивать о самочувствии женщины.

– У меня болит живот. То болит, то отпускает.

Тут Чамми начала понимать, что происходит.

– Давно у вас в последний раз были месячные?

– Не знаю. Я особо не обращаю внимания.

– Вообще не помните?

– Ну, может, несколько месяцев назад. Не знаю.

– Мне надо осмотреть вас.

Чамми ощупала огромный живот – плоть и жир. Невозможно было сказать, беременна эта женщина или нет. Акушерка вытащила стетоскоп, но он погрузился в плоть дюймов на шесть[46], буквально утонув в жиру, и Чамми услышала только бурление в кишечнике.

Женщина застонала.

– Больно! Вы сделали мне больно! Хватит!

Чамми остановилась, но боль только нарастала. Чамми потрогала низ живота и нащупала под плотью круглую твёрдую сферу. Когда боль утихла, она сказала:

– Кирсти, у вас схватки. Вы что, не знали, что беременны?

Кирсти приподнялась на локте.

– Что? – переспросила она, недоверчиво выпучив глаза.

– Вы не просто беременны. У вас схватки. Потому живот и болит.

– Не может быть. Вы ошибаетесь. Я всегда очень осторожна.

– Я не ошибаюсь.

Кирсти упала на подушки.

– Только не это! Что ж теперь папа скажет?

– Кто из мужчин на борту ваш муж?

– Никто. Все они. Они все мои мальчики, и я всех люблю – ну, почти всех.

Чамми оторопела. Кирсти прочла её мысли и захохотала так, что все её тело заколыхалось.

– Я – «бортовая». Радую мальчиков. Папа всегда говорил, что на корабле всё мирно, если у мужчин есть хорошая женщина. Поэтому он меня здесь и поселил.

Чамми была потрясена.

– Вы хотите сказать, что отец привёл вас сюда в четырнадцать, чтобы вы были, э-э-э, «бортовой» женщиной?

Кирсти кивнула.

– Но это какой-то кошмар! – воскликнула Чамми.

– Не говорите ерунды. Всё в порядке. После смерти матери я не могла оставаться в Стокгольме одна, а папа вечно был в море, поэтому забрал меня с собой. Он объяснил, что мне надо будет делать. Оставить меня себе

он не мог, экипаж начал бы бунтовать. Так что устроили всё по-честному.

Чамми почувствовала, что задыхается.

– Отец объяснил?.. – голос подвёл её.

– Конечно. Он всегда был со мной честен. Но он капитан, так что всегда идёт первым. Остальным приходится ждать своей очереди.

– Ваш отец идёт первым? – слабо повторила Чамми.

– Конечно, он же капитан. Это естественно.

Чамми вспомнилась директриса Роденской школы. Интересно, что бы она на это сказала?

– И у меня никогда не бывает двоих за раз, – продолжала Кирсти. – Папа не разрешает. Он следит, чтобы всё было достойно.

– Достойно! – ахнула Чамми и представила девиз, выгравированный на гербе Роденской школы: «Honneur aux Dignes» – «Почести достойным».

Кирсти меж тем продолжала щебетать:

– Я очень люблю папу, правда. Он чудесный. У него лучшие на свете… Как это называется? Баки!

– Баки?! – переспросила Чамми. Всё это был какой-то иной мир.

– Ну, знаете, это как усы на скулах. Их называют баками. Я их чешу, когда он закончит со мной и ляжет отдыхать. Он часто так и засыпает. Это как ребёночка качать.

Началась очередная схватка, и Чамми держала руку на нижней части живота Кирсти, пока всё не кончилось. Она с трудом верила услышанному, и ей нужно было время, чтобы прийти в себя. Кирсти продолжала болтать.

– Так лучше. Мне уже хорошо. Я-то думала, что это живот крутит. Я вчера ела зелёные яблоки.

– Нет, уверяю, у вас схватки, и вы скоро родите.

– Но мальчики всегда надевают резинку!

– Резинку? – переспросила Чамми.

– Ну знаете, в Англии эту штуку называют французской телеграммой, во Франции – английским плащом. В общем, мужчины постоянно их используют. Так говорит папа, а они не смеют перечить. И я заставляю их надевать эту штуку, или сама надеваю. У отца большая коробка. Он покупает по пять сотен, когда мы встаём в порту. Он очень аккуратный.

У Чамми закружилась голова.

– Пять сотен? – пролепетала она, уставившись на Кирсти.

– И мы никогда не используем их по второму кругу – папа запрещает. Вдруг порвутся? Так что я никак не могу быть беременна. Дело в яблоках.

Чамми не знала, что сказать.

– Пять сотен, – повторила она. – И на сколько же хватает коробки?

– На несколько недель. Папа следит, чтобы они не кончались. Если рейс длинный, он покупает две-три коробки. Нам они всегда нужны.

– Всегда?

– Ну, я нужна мальчикам, и я рядом. Папа говорит, что я – главная на борту, потому что радую мужчин, а счастливые мужчины лучше работают. А каждому капитану нужен хороший экипаж.

Чамми сглотнула. Она оказалась в мире альтернативной морали и не знала, что ответить. Видимо, Кирсти прочла её мысли и утешительно похлопала её по руке.

– Ну-ну, не беспокойтесь. Вы ещё молоденькая, и я вижу, что у вас совершенно другие представления. Это всё совершенно нормально, и я хорошо живу. Путешествую по миру. Иногда они водят меня на берег, и я могу пройтись по магазинам. Мне это нравится. Можно что-нибудь прикупить – папа даёт мне денег.

– А вы больше ничего не делаете – не готовите, не шьёте, ничего?

– Да что вы! – взвизгнула от смеха Кирсти и шлёпнула Чамми по плечу. – Экипаж состоит из двадцати человек, мне есть чем заняться! Иногда они идут один за другим по несколько часов подряд! Ну и как после такого работать! В любом случае у нас есть кок. Это он меня яблоками вчера угостил. Ох…

Она скрючилась от боли. Чамми пощупала матку – она отвердела и стала более выпуклой. С прошлой схватки прошло десять минут. Приближались роды.

Чамми было о чём подумать, кроме жизни Кирсти. Она оказалась единственной акушеркой на родах на корабле без телефона. Кроме того, в свои тридцать пять женщина рожала впервые и никакого дородового ухода не получала. Надо немедленно отправить её в больницу. Но как? Если карета скорой помощи и доберётся сюда, роженица не сможет спуститься по верёвочной лестнице! А если вызвать врача, поднимется ли он? Чамми вспомнила своё восхождение, сломанную перекладину и поняла, что нельзя рассчитывать, что кто-то повторит этот подвиг. Она осталась одна. Сердце её сжалось. Но в это мгновение внутренний голос прошептал ей: «Ты станешь миссионеркой, Господь испытывает тебя». Она помолилась.

Схватка закончилась, и окрылённая Чамми заговорила:

– Хватит молоть чушь по поводу яблок. У вас схватки, и через час-другой родится ребёнок. Мне нужно сделать вагинальный осмотр, также понадобятся чистые хлопковые простыни, вата и что-нибудь впитывающее, колыбель для младенца, горячая вода и мыло. Где это можно взять?

Кирсти изумлённо глядела на неё.

– Позовите папу, – пролепетала она.

Чамми распахнула дверь.

– Эй! – крикнула она.

В каюту вошёл высокий бородатый мужчина, и Кирсти объяснила ему сложившуюся ситуацию. Он выругался и гневно уставился на Чамми, словно полагал, что это её вина. Но Чамми была выше ростом и смотрела на него сверху вниз с новообретённой уверенностью. Капитан повернулся, чтобы выйти, но Чамми остановила его лёгким касанием руки.

– Скажите отцу, что эта каюта не подходит для родов, и мне нужно помещение получше, – сказала она Кирсти.

Та перевела. Капитан уже не злился – он смотрел на Чамми с уважением. Затем выражение его лица сменилось, и в глазах отразилось страдание. Он упал на колени перед дочерью, обхватил её огромное тело и зарылся бородой в складки её шеи, после чего поднялся и со слезами на глазах выбежал прочь.

Последовали ещё две схватки. «Они становятся всё чаще и сильнее, – подумала Чамми. – Надеюсь, что команда что-нибудь устроит, потому что мне надо будет перевести её, и ей придётся идти самой».

Капитан вернулся и сообщил, что лучшая каюта готова. Кирсти кое-как сползла с койки. Она еле-еле протиснулась в узкую дверь и с трудом двинулась по коридору. Мужчины выглядывали из кают и похлопывали её по рукам и плечам. Кто-то дал ей крестик. Все они выглядели обеспокоенными. Похоже, «бортовой» не просто пользовались – её высоко ценили.

Капитан привёл их в более просторную каюту, подходящую для родов гораздо больше. Увидев её, Кирсти вскрикнула от радости и повисла на шее отца. Он поцеловал её и, перед тем как уйти, по-военному отсалютовал и поклонился Чамми.

Когда дверь закрылась, Кирсти сказала:

– Это каюта капитана. Говорю ж вам, он очень добрый. Какой ещё капитан отдал бы свою каюту?

– Учитывая все обстоятельства и то, что он может быть отцом ребёнка, это меньшее, что он мог бы сделать, – сухо заметила Чамми.

Письменный стол и различные приборы запихали в угол. В центре каюты стояла большая раскладная кровать, покрытая чистыми одеялами и простынями.

– Я и не знала, что у нас на борту есть такая красота! – воскликнула Кирсти.

На столике стояли кувшины с горячей водой, миска, лежали мыло и

чистые полотенца.

Началась ещё одна схватка, и Кирсти ухватилась за край стола и навалилась на него. Она пыхтела и обливалась потом. Когда схватка прошла, Кирсти ухмыльнулась:

– Вы правы, сестричка, тут дело не в яблоках! – Женщина направилась к кровати. – Не знаю, как это произошло. Я так осторожна. Может, один из мальчиков соврал, что надел резинку? Как вы думаете?

– Не знаю. У меня в этом деле мало опыта, – честно ответила Чамми, и они рассмеялись. Между ними зарождалась симпатия.

– Вы такая милая, – сказала Кирсти. – Вот бы мы с вами подружились. У меня со школы не было подружек, и мне их не хватает. Одни только мужчины, мужчины. Мне никогда не удаётся поговорить с другими женщинами. Я редко бываю на берегу и всегда разглядываю там женщин и думаю: вот бы поговорить с ними, узнать, как они живут. Но надо возвращаться на борт и выходить в море.

– А мужчины с вами разговаривают? – спросила Чамми, понимая, что её собеседнице одиноко.

– Конечно, некоторые мне все свои проблемы рассказывают, говорят о жёнах, о подружках, некоторые – о детях. Мне нравится слушать про малышей – словно они мне родня!

«Вряд ли семьи этих мужчин ответили бы тем же», – подумала Чамми.

Кирсти продолжала:

– Но большинство хочет сделать всё по-быстрому. Я не против, если им так нравится, но это утомительно, особенно если у тебя десять или двенадцать человек, у которых всего полчаса перед следующей сменой. – Она фыркнула. – В моём деле сила нужна, говорю вам. Они меня в гроб вгонят, честное слово. Ох, опять!

Кирсти упала на подушки и выругалась по-шведски.

Чамми внимательно наблюдала за ней и записала, что схватки теперь приходят каждые семь минут и длятся около шестидесяти секунд. Она могла прощупать матку прямо над лобковой костью, но не выше, поскольку её покрывал жир на животе. Ей хотелось послушать пульс плода и убедиться, что с ним всё в порядке, но это было невозможно. Надо произвести вагинальный осмотр. Возможно, так будет яснее. Вдруг она вспомнила, что перед родами полагается сделать клизму – этот чудовищный обычай почитается акушерками, – но тут же отринула эту идею. На корабле, в окружении мужчин! «Клизма не поставлена», – записала она.

Боль утихла, Кирсти расслабилась, и Чамми дала ей попить.

– Мне надо осмотреть вас изнутри, – сказала она. – Это значит, что я введу несколько пальцев вам в вагину, чтобы оценить, как лежит ребёнок и как скоро он родится. Вы не против?

– Ну, я к таким вещам привычная! Хотя и не совсем к таким, конечно.

Поставив сумку на письменный стол, Чамми вытащила оттуда стерильный халат, маску, хирургические перчатки и облачилась. Ей вдруг пришло в голову, что Кирсти могла заразиться любой венерической болезнью на своей службе. У Чамми не было никакого практического опыта лечения венерических заболеваний, но из уроков она помнила, что сифилис можно определить по наличию твёрдого упругого шанкра на вульве, тогда как признаком гонореи являются обильные желтовато-зелёные выделения. Им говорили, что больные сифилисом редко донашивают ребёнка, поскольку плод обычно погибает в первые шестнадцать недель. Кроме того, считалось, что если роды и произойдут, плод, скорее всего, будет мёртв, а возможно и мацерирован[47]. При одной мысли об этом Чамми стало дурно. Подобное зрелище выбивает из колеи даже акушерку – что уж говорить о матери!

Чамми поспешно выбросила из головы подобные мысли. Начиналась очередная схватка – с окончания предыдущей прошло семь минут. Шейка матки была близка к полному раскрытию, и поскольку при внешней пальпации оценить положение ребёнка не удалось, вагинальный осмотр был совершенно необходим. Когда схватка закончилась, Чамми велела Кирсти задрать ноги, свести пятки и развести колени.

Кирсти выполнила всё сказанное с необычайной легкостью. Ноги у неё оказались невероятно гибкими. Она не просто развела колени, она положила их по бокам, явив взору Чамми большую влажную пурпурную вульву. Чамми несколько удивилась подобной проворности, и Кирсти расхохоталась, увидев её замешательство.

– Вы забываете, я ж всё время так делаю!

Чамми тщательно осмотрела вульву. Ей не удалось обнаружить ни сифилитического шанкра, ни зловонных обильных выделений. Кирсти, казалось, была здорова. Видимо, её защитили отцовские поставки резинок. «Молодец капитан!» – подумала Чамми.

Далее она сделала то, что сделала бы любая добросовестная акушерка, – начала вводить два пальца в вагину. Но её рука без малейшего усилия проскользнула внутрь полностью. «Господи, да тут кабачки можно выращивать», – подумала она.

Ей без труда удалось нащупать шейку матки. Она раскрылась на три четверти, ребёнок лежал головой вперёд и достаточно опустился,

околоплодные воды были на месте. Чамми вздохнула с облегчением, поняв, что плод лежит в положении, пригодном для естественных родов.

Затем акушерка нащупала нечто странное. Сначала ей показалось, что это часть мягкой, пульсирующей стенки вагины. Чамми пошевелила пальцами и поняла, что это никак не может быть стенкой. Так что это? Нечто было прикреплено сверху и, казалось, свободно перемещалось за головой ребёнка. Она ощупала пальцами эту странную штуку, и она пошевелилась. Продолжая изучать её пальцами, Чамми вдруг в ужасе поняла, что она пульсирует. Акушерка замерла, и во второй раз за ночь её охватила жуткая паника. Взглянув на часы, она посчитала, что скорость пульса – сто двадцать ударов в секунду. Это был пульс ребёнка. Произошло выпадение пуповины.

Впоследствии Чамми рассказывала, что за всю свою карьеру она никогда не испытывала подобного ужаса. Она похолодела, чувствуя при этом, как обливается потом. Она вытащила руку и увидела, как дрожат пальцы. Затем её затрясло целиком. «Что же делать? Что мне делать? Господи, помоги мне!» – лихорадочно думала она. Чамми едва не всхлипнула вслух, но сумела сдержаться.

– Всё в порядке? – весело спросила Кирсти.

– Да-да, всё хорошо.

Голос Чамми звучал слабо и глухо. Она вспоминала лекции по акушерскому делу. «В случае выпадения пуповины необходимо произвести экстренное кесарево сечение». Она оглядела каюту – на потолке качалась керосиновая лампа, за иллюминаторами чернело небо, на столе стояли заботливо приготовленные кувшины с горячей водой и лежали полотенца. Её инструментов было достаточно, чтобы принять нормальные роды, но не более того. Корабль качнулся, и она вспомнила, что изолирована от мира и не может позвать на помощь. Задрожав при мысли о собственной неопытности, Чамми поняла, что ребёнку суждено умереть.

Но ей не давала покоя какая-то неуловимая мысль. Лекция не оканчивалась упоминанием кесарева сечения, там было что-то ещё. Что же? Помня, как пульсировала пуповина, и понимая, что жизнь младенца зависит только от неё, Чамми мысленно вернулась на лекцию. «Поднимите таз, придав матери коленно-локтевое положение, после чего дайте ей наркоз. Если плодный пузырь цел, иногда бывает возможно отодвинуть голову ребёнка и сдвинуть пуповину».

Акушерское дело – это одновременно искусство и наука, основанные на опыте и инстинкте. Раньше говорили, что хорошими акушерками

становятся после шести лет работы. У Чамми было всё, кроме опыта. Интуиция и инстинкт у неё были развиты безупречно. Пузырь был цел, и, возможно, ей ещё удастся сдвинуть пуповину. Надо попробовать. Она не собирается сидеть и ждать, понимая, что пуповина порвётся во время родов и малыш умрёт.

«Поднимите таз», – говорилось в лекции. Чамми оглядела массивные бёдра и ягодицы Кирсти, которая на вид весила около тридцати пяти стоунов[48]. Чтобы поднять такой таз, нужен подъёмный кран. Женщина потоньше могла бы принять колено-локтевую позицию, но скорее выброшенный на берег кит смог бы перевернуться на живот, чем Кирсти. Но это был единственный способ убрать натяжение пуповины, а Чамми отличалась изобретательностью. Она вспомнила, что у них в распоряжении складная кровать. Если сложить ножки под изголовьем, но не трогать те, что в изножье, возможно, пациентка сможет лечь головой и плечами на пол, а её ягодицы останутся на возвышении. Следовало попробовать.

Чамми изложила свой план Кирсти. Упоминать повреждённую пуповину или опасность для жизни она не стала – излишние тревоги были ни к чему. Она говорила так, как будто это был самый обычный способ родов.

Кирсти кое-как слезла с кровати, и Чамми заползла под днище, чтобы сложить ножки. Это оказалось просто – сложнее было уложить Кирсти. Но женщина справилась с этой задачей самостоятельно – она подошла к поднятому концу кровати, села на него, откинулась и сползла к низу.

– Я так всё время делаю, – объяснила она, раздвинув ноги.

«Теперь пуповина не натянута, – удовлетворённо отметила Чамми, – под влиянием гравитации ребёнок сдвинулся обратно в матку и освободил немного пространства». Но это ненадолго – в результате мышечных сокращений он вновь двинется вперёд. Времени было мало. Схватки наступали уже каждые шесть минут.

Чамми размышляла, давать ли пациентке петидин. Это бы расслабило Кирсти и могло бы помочь, когда придёт время сдвигать пуповину. С другой стороны, это усыпило бы плод, а роды были уже близко. Чамми решила, что не будет давать лекарство. Кирсти казалась совершенно умиротворённой – ей просто придётся потерпеть. Более всего акушерку заботила жизнь и здоровье малыша, а петидин в крови мог бы ему повредить.

Приближалась следующая схватка, и Кирсти застонала. Она замотала головой и попыталась подтянуть ноги.

– Кирсти, только не шевелитесь! – предостерегла её Чамми. – Это

идеальная позиция.

«Надо попытаться сдвинуть пуповину перед следующей схваткой», – подумала она. У неё было только пять минут. Когда схватка окончилась, Чамми тихо помолилась. Она никогда не присутствовала при подобном и слышала только одну лекцию на эту тему. Надо было обходиться имеющимися знаниями. «Да поможет мне Господь», – мысленно произнесла она.

– Сейчас я буду вас толкать, – сказала Чамми. – Зацепитесь ногами за край кровати и держитесь, чтобы не соскользнуть.

Чамми ввела в вагину руку. Мышцы не сопротивлялись – акушерка понимала, что ей повезло. Она нащупала частично раскрытую шейку матки, передние воды, пульсирующую пуповину. Она обвела пальцами голову ребёнка – ни в коем случае нельзя нажимать на родничок, иначе плод сразу умрёт. Чамми уже была готова толкать, как вдруг корабль качнулся, и рука соскользнула. Надо было искать правильное положение во второй раз. Когда это получилось, она с силой нажала, но головка не пошевелилась. По её лицу и спине бежали струйки пота. «Ну давай же, давай», – подумала она и нажала снова. На этот раз головка слегка сдвинулась, но недостаточно, чтобы поправить пуповину.

После второй неудачной попытки Чамми остановилась, вся дрожа.

«Давление, нужно только давление, и да поможет мне Господь не навредить», – размышляла она.

Содрогаясь, она упёрлась лбом в пышное бедро Кирсти, стараясь сосредоточиться. Снаружи завывал ветер, и корабль качался ему в такт. Пальцы Чамми скользнули, и она вытащила руку. Если плодный пузырь прорвётся, это конец – спасти ребёнка будет невозможно. Только то, что пуповина по-прежнему свободно плавала в околоплодной жидкости, давало надежду на успешный исход.

Началась очередная схватка. «Не могло же пройти пять-шесть минут! – подумала Чамми. – Я же так ничего и не придумала». Она взглянула на часы – прошло пять минут. Схватки были всё ближе, и время стремительно истекало.

Она увидела, как вспучивается матка под воздействием схватки, и в голове у неё появилась идея. Инстинкт подсказал ей, что если приложить обратное давление снаружи и одновременно надавить на голову малыша, его, возможно, удастся сдвинуть достаточно, чтобы поправить пуповину. Этому их не учили, но что-то подсказывало ей, что план может сработать. До следующей схватки оставалось не более пяти, а то и четырёх минут, и ей должно было повезти с первого раза – иначе ребёнок наверняка

погибнет. Корабль качнулся, и Чамми взмолилась, чтобы следующие несколько минут было тихо.

Когда схватка окончилась, акушерка сказала:

– Кирсти, слушайте внимательно. Зацепитесь ногами за край кровати и держитесь крепко. Сосредоточьтесь на том, чтобы не двигаться, потому что я сейчас буду сильно давить, и вам ни в коем случае нельзя съезжать.

– Я постараюсь, сестричка. В моей работе надо быть сильной. Вряд ли вы на меня надавите сильнее, чем пятнадцатистоуновый[49] молодец! Всё будет в порядке.

Чамми поверила ей. Она повернула левую ладонь и положила её на низ живота, прямо над лобковой костью. Возможность ввести в вагину целую руку оказалась большим преимуществом. Она скруглила ладонь правой руки над головкой ребенка, выпрямилась и глубоко вздохнула.

– Держитесь, Кирсти, не соскользните! Сейчас я буду давить.

Чамми была высокой и сильной. Она с силой надавила на живот изнутри и снаружи. Ребёнок сдвинулся на два-три дюйма[50] от правой руки, но она продолжала давить левой. Почувствовав, что этого достаточно, акушерка расслабилась.

– Тяжело было! Не знаю, было ли когда тяжелее. Но я ж не шевелилась? – спросила Кирсти.

Чамми не ответила. Её работа ещё не была завершена. Предстояло вернуть пуповину в матку. Но она не обнаружила её. Акушерка ввела палец в маточный зев и провела по кромке, но и там пуповины не было – только круглая гладкая поверхность головы. Пуповина исчезла. Видимо, под влиянием давления скользкая пуповина втянулась внутрь самостоятельно.

У Чамми закружилась голова от облегчения. Она прислонилась лбом к пышному бедру Кирсти и захихикала.

– Получилось, получилось, слава Богу! И спасибо вам, Кирсти, вы не шевелились. Иначе бы я и не справилась.

– Обычное дело, – заметила Кирсти.

Вся операция заняла всего секунд тридцать, но Чамми приходила в себя ещё две-три минуты. Затем прагматизм взял верх. Раз ребёнок в безопасности, как его принимать? В голове у неё роились десятки вопросов. Кирсти, кажется, было вполне удобно, но можно ли родить вниз головой? Интересно, что на это сказали бы на лекции? С другой стороны, сдвинуть её будет непросто. Кирсти соскользнула вниз по кровати, но сможет ли она подняться? Однако завершающая часть родов, выход

плаценты, был крайне важен, и Чамми совершенно не была уверена в том, что мать способна исторгнуть из себя плаценту, лёжа вниз головой. Следовало передвинуть роженицу. Затем Чамми вспомнила про пуповину – сейчас она опять оказалась в матке, но если Кирсти встанет, то под давлением пуповина может сместиться и снова выскользнуть. Риск был слишком велик. «Придётся Кирсти оставаться в этом положении», – рассудила Чамми.

Акушерка присела рядом с женщиной, слушая завывания ветра и чувствуя, как качается корабль. Её не слишком удивляла эта поразительная ситуация – в конце концов, она собиралась стать миссионеркой, а значит, ей следовало быть готовой ко всему. Она была вдумчивой, набожной девушкой и теперь лишь поблагодарила Бога за такое испытание.

Она размышляла над чудовищным положением Кирсти. В четырнадцать лет отец растлил её, возможно – изнасиловал, а затем запер на корабле на потеху морякам, среди которых был и он сам. И всё же Кирсти выглядела счастливой и довольной. Возможно, эта жизнь казалась ей нормальной, поскольку другой она не знала. Мужчины явно были к ней привязаны – когда женщина шла по коридору, их тревога была заметна – и с ней хорошо обращались. Жизнь обычных проституток, которых бьют и выгоняют на улицы сутенёры, может быть куда хуже.

Началась очередная схватка, и у Кирсти отошли воды. «Слава Богу, я успела поправить пуповину, – подумала Чамми, – как раз вовремя». Роды протекали стремительно, и Кирсти прекрасно держалась. Обезболивающего она не получила, но женщина лишь слегка постанывала. Чамми чувствовала, как низко опустилась голова младенца.

– Теперь уже недолго ждать, – сказала она вслух.

Кирсти застонала и начала тужиться. Когда схватка прошла, она заговорила:

– Я тут размышляла о малыше. Я так рада. Думала, у меня так никогда и не будет детей – папа ж вечно заставлял мальчиков пользоваться резинками. Они и пользовались. Но я рада, что у меня будет ребёночек.

– Конечно, рады. Женщина может и не мечтать о ребёнке, но всегда ему радуется, – ответила Чамми.

– Надеюсь, это девочка. Дочка. Мужчин тут довольно. Но мне бы не хотелось, чтобы она так жила. Думаю, папа поймёт, если я с ним поговорю. Как вас зовут, сестра?

– Камилла, – ответила Чамми.

– Какое чудесное имя. Можно я назову её так?

– Конечно, это большая честь для меня.

– Маленькая Камилла. Чудное имя.

Началась схватка, всего через две минуты после предыдущей. Она была дольше и сильнее. Влагалищные и промежностные мышцы Кирсти были полностью расслаблены, так что головка опустилась легко и быстро. Женщина схватила Чамми за руки так, что побелели костяшки, и принялась тужиться, с силой надавливая тазом на кровать. В знак протеста постель затряслась и с грохотом обрушилась на пол.

Проблема перевёрнутых родов решена! Роженица и акушерка оказались на полу – Кирсти металась и тужилась, Чамми в отчаянии пыталась контролировать происходящее.

Бедная Кирсти была в панике.

– Что случилось? – повторяла она.

Чамми, которая чудом осталась с целыми руками, пыталась её успокоить:

– Кровать сломалась, но ребёнок в порядке, и если вам не больно, значит, всё хорошо. На самом деле, это даже к лучшему. Так роды пройдут легче.

Теперь Чамми беспокоилась, что головка может выйти слишком рано. Каждая акушерка стремится к тому, чтобы голова ребёнка выходила медленно и равномерно, но поскольку мышцы совсем не сопротивлялись, этот младенец мог просто-таки вылететь со следующей же схваткой.

Когда схватка началась, Кирсти поджала колени и приготовилась тужиться, но Чамми остановила её:

– Не тужьтесь, Кирсти, не надо. Я понимаю, вам хочется, и ощущение такое, что надо тужиться, но не стоит. Головка малыша покажется с этой схваткой, и мне бы хотелось, чтобы она появилась медленно. Чем медленнее, тем лучше. Сосредоточьтесь на том, чтобы не тужиться. Дышите мелко, вдох-выдох, вдох-выдох, думайте о своём дыхании, старайтесь расслабиться, но не тужьтесь.

Говоря всё это, Чамми придерживала головку, стараясь не дать ей выскользнуть. Схватка утихала. Чамми растянула мышцы промежности вокруг макушки, и головка вышла наружу.

Чамми с облегчением вздохнула. Она так сосредоточилась, что не заметила, как свело ноги от сидения на корточках, не обратила внимания на то, как темно на улице, не ощущала, как качается корабль. Она знала лишь, что скоро в этой каюте произойдёт чудо рождения, что всё зависит от неё и что головка уже вышла. Чамми подложила руку под личико ребёнка, чтобы не дать ему соприкоснуться с жёстким полом, и ждала. Наступала следующая схватка. Чамми ощутила, как малыш у неё на ладони

зашевелился.

– Давайте, Кирсти. Тужьтесь. Изо всех сил.

Кирсти задрала ноги и натужилась. Чамми высвободила плечо. Второе плечо и ручка вышли сами, и вот уже всё тельце беспрепятственно выскользнуло наружу.

– У вас девочка, Кирсти.

Чувства нахлынули на Кирсти с такой силой, что она не могла говорить. Женщина еле сдерживала рыдания.

– Дайте мне её, можно? – наконец выдавила она, по-прежнему лёжа головой на полу, не в силах подняться.

– Сейчас я положу её вам на живот и перережу пуповину, а потом дам в руки, – ответила Чамми.

Девочка буквально утонула в пышном животе матери. Конечности и губы у неё были чуть синеватые, но в остальном она, казалось, совершенно не пострадала от столь драматичных родов. Чамми перерезала пуповину, взяла малышку за ножки и перевернула. Кирсти ахнула и инстинктивно потянулась к ребёнку.

– Не волнуйтесь, я её не уроню, – сказала Чамми. – Это делается, чтобы слизь вышла из горла и младенец задышал.

Потом она шлепнула девочку, и та громко завизжала.

– Вот так-то лучше, давай ещё раз.

Малышка послушно закричала, и за дверью послышались мужские голоса – моряки хохотали, свистели и галдели, а потом начали слаженно петь что-то хором. Кирсти что-то крикнула им по-шведски, но они так шумели, что не услышали её. Дочь капитана, очевидно, пользовалась огромной популярностью, и теперь все ликовали.

– Ночью напьются, небось, – сухо заметила Кирсти.

Чамми завернула ребёнка в полотенце и отдала матери, которая заливалась радостными слезами.

– Вам удобно так, на полу? – поинтересовалась обеспокоенная Чамми.

– Лучше и в жизни не бывало, – ответила Кирсти. – Я бы хоть на всю жизнь так осталась, в обнимку с моей доченькой.

Акушерка удовлетворённо вздохнула.

Теперь Чамми предстояло разобраться с третьим этапом родов. Потом она говорила, что принимать плаценту, распластавшись на полу, было не очень-то удобно, но, по крайней мере, всё прошло без эксцессов.

Чамми помыла Кирсти и прибралась, насколько это было возможно в сложившейся ситуации. Теперь перед ней стоял вопрос – как поднять Кирсти с пола? Сама роженица ни о чём не тревожилась – она гладила

девочку и шептала ей что-то нежное. Чамми оставалось лишь вызвать капитана, но Кирсти была совершенно голой. Застенчивая Чамми содрогнулась при мысли, что ее обнажённую пациентку увидит толпа мужчин, но тут она вспомнила, чем Кирсти занимается. Объяснив ей, что им необходима помощь, Чамми открыла дверь.

В проёме тут же возникло более десятка бородатых лиц. Все улюлюкали и аплодировали. Чамми подозвала капитана, и он вошёл и закрыл за собой дверь. Она жестами объяснила, что от него требуется, забрала ребёнка у матери и уселась на табуретку в углу.

Капитан был большим и сильным человеком, но его дочь весила раза в два больше, чем он. Он ухватил её за руки и потянул – она едва ли сдвинулась. Мужчина встал над ней и потянул на себя – тщетно.

– Олаф, Бьорг! – крикнул он.

В каюту вошли два огромных человека, выслушали объяснения капитана и кивнули. Капитан снова взял Кирсти за руки, мужчины встали за её плечами. Капитан тянул, они толкали, и таким образом им удалось её усадить. Они пришли в восторг. «Это просто непристойно», – подумала Чамми. Ей было невыносимо видеть, как бедная женщина сидит перед ликующими мужчинами, и грудь её свешивается чуть ли не до пола. Очевидно, они обсуждали, как поместить Кирсти в кресло. Спор длился долго – у каждого явно были свои предложения. Кресло торжественно вынесли вперёд и поставили перед женщиной. Мужчины ухватили её за торс и принялись тянуть. «Это не дело, – подумала Чамми, которую учили поднимать тяжёлых пациентов. – Так не получится». Действительно, у них ничего не вышло. Поспорив ещё немного, мужчины предприняли вторую попытку – теперь двое ухватили Кирсти под мышками, а капитан подставил стул. «Так-то лучше», – отметила про себя акушерка.

Я уже упомянула, что Чамми, как могла, навела порядок в каюте. Но возможности её были ограничены, и на полу оставались скользкие места.

Олаф и Бьорг переглянулись, набрали в грудь воздуха и потащили Кирсти вверх. Её зад оторвался от пола и поднялся дюймов на шесть[51]. Олаф, слева, переставил ногу и поскользнулся. Он упал на Кирсти, а Бьорг повалился назад. Падая, он задел рукой лампу на потолке, и удар оказался таким сильным, что светильник разбился, и каюта погрузилась во тьму.

И тут Кирсти начала действовать. Отчаявшаяся мать способна на всё что угодно, чтобы защитить ребёнка. Когда лампа разбилась, она с криком «Доченька!» спихнула с себя Олафа, кое-как поднялась на ноги и бросилась в угол, где сидела Чамми с малышкой. Кирсти выхватила девочку и прижала её к груди. Когда принесли запасную лампу, все

увидели, что Кирсти спокойно сидит в кресле и укачивает ребёнка, стыдливо прикрывшись простыней.

Когда мужчины покинули каюту, Чамми принялась устраивать детскую. Кровать оказалась цела, под ней просто сложились ножки, поэтому она вернула их на место. Но после родов у них не осталось чистого постельного белья, а у Кирсти не оказалось даже сорочки. Здесь не было ни колыбели, ни ванночки и никакой детской одежды. Чамми попыталась объяснить Кирсти, что им нужно, но та, очевидно, не слушала, поэтому она подошла к двери и окликнула Олафа. На её зов явился гигантский громила и внимательно выслушал все указания, явно чувствуя себя неловко.

– Скажите ему, что мне нужно чистое постельное бельё, две подушки, пара сорочек и халат для вас. Ещё пусть принесёт горячей воды и полотенец, чтобы я могла искупать ребёнка, коробку или корзину, из которой можно устроить кроватку, и какие-нибудь мягкие тряпки, чтобы я сделала из них пелёнки.

Чамми рассудила, что детской одежды тут не сыскать.

Кирсти перевела, и Олафа совершенно потрясла просьба. Женщина два или три раза повторила инструкции, и Чамми видела, как он загибает пальцы, напрягая память и отчаянно пытаясь запомнить список. Он вышел, и Чамми занялась уборкой и упаковкой инструментов. Она начала чувствовать усталость. Драматические события ночи способствовали выработке адреналина, но теперь, когда опасность была позади, Чамми с трудом шевелилась.

Олаф вернулся с целой охапкой вещей, а следом шёл второй матрос с кувшином горячей воды. Чамми выкупала девочку под пристальным взглядом Кирсти, которая комментировала каждое её движение. Пропахшую рыбой корзину переделали в колыбельку. Акушерка застелила кровать чистым бельём, но сорочки среди вещей не обнаружилось. Чамми не могла допустить, чтобы её пациентка оставалась голой, поэтому снова вызвала Олафа.

Кирсти объяснила, что от него требуется, и мужчина густо покраснел. «Как удивительно, – подумала Чамми, – этот человек регулярно спит с этой женщиной и всё же смущается от необходимости принести ей сорочку!»

Олаф вернулся с большим мешком женской одежды и сунул его Чамми в руки, не глядя на неё.

Далее надо было подумать о кормлении. Следовало наладить грудное

вскармливание сразу же после родов и убедиться, что молоко идёт свободно, а мать имеет хотя бы отдалённое представление о процессе. У Кирсти были такие огромные груди, что они лежали на кровати по обе стороны от неё. Ребёнок мог с лёгкостью задохнуться под весом этих чудовищных подушек. Мать приложила девочку к соску, и та, как ни странно, тут же открыла рот, присосалась и сделала несколько энергичных глотков. Кирсти пребывала на вершине блаженства. Она теперь выглядела совсем по-другому – раскрасневшаяся, со светящимся лицом и сверкающими глазами. «В юности она была красоткой, – подумала Чамми, – пока не превратилась в инертную сексуальную матку в этом мужском улье».

Чамми устала так, что с трудом держалась на ногах. Она села в кресло рядом с Кирсти, которая разглядывала пальчики своей дочери.

– Смотрите, у неё ноготочки. Прелесть, да? Словно крохотные раковинки. Волосы, наверное, будут тёмные – у неё тёмные ресницы. Вы в порядке, сестра? Выглядите вы не очень.

– Нормально, – пробормотала Чамми. – Как вы думаете, может кто-нибудь нам с вами сделать чаю? Вам бы тоже он не помешал.

Кирсти окликнула Олафа, выдала ему инструкции, и пять минут спустя он принёс поднос с горячим кофе и закусками. Поставив поднос на письменный стол, он украдкой взглянул на ребёнка и торопливо вышел.

– Видели? – спросила Кирсти. – Они со мной как с леди обращаются!

Чамми налила кофе. Кофеин немного взбодрил её, и она пришла в себя. Она понимала, что надо собраться, поскольку ей предстояла ещё одна задача – спуститься по верёвочной лестнице. Акушерка выпила вторую чашку кофе и съела булочку, что придало ей сил, после чего ушла, пообещав Кирсти вернуться утром.

Над палубой занималась заря. Ветер утих, и среди серых облаков прорезались ало-золотистые солнечные нити. Чайки с криками кружили вокруг. В этом неярком свете порт выглядел крайне живописно, а свежий воздух обжигал щёки. Один из мужчин принёс ей сумку, и они все собрались у борта, провожая Чамми криками и аплодисментами. Она выглянула за борт. Дорога вниз казалась бесконечной, а верёвочная лестница выглядела ненадёжно. «Смогла один раз – смогу и второй», – подумала она и уже было занесла ногу, но вспомнила про юбки и без малейшего смущения – Чамми, неизменно цепеневшая в присутствии мужчин! – подоткнула их и перебралась через борт. Больше всего её тревожила сломанная перекладина, но теперь она знала её местонахождение и была готова. Всё оказалось не так сложно, и с облегчением вздохнув, Чамми продолжила спуск. Её сумку привязали к канату и спустили следом. Чамми отвязала её, поправила юбки, помахала мужчинам наверху и отправилась к воротам, усталая, но счастливая: позади были успешные роды, в результате которых здоровый младенец оказался в руках любящей матери.

Ночной дежурный собирался домой. Он убрал контейнер с едой, убрал сковородку, потушил огонь и уже искал ключ, чтобы запереть свой сарай, когда к воротам подошли двое полицейских.

– Доброе утро. Неплохая погодка после шторма.

Дежурный обернулся. Пальцы не слушались, и ему никак не удавалось попасть в скважину.

– Чёртов ключ, – пробормотал он. – Неплохая? И правда, ничего. Ветер я не люблю.

– Спокойная ночь выдалась?

– Вполне себе. Могло быть и тише, если б не чёртовы бабы.

– Бабы?

– Да, бабы. Не место им тут, как по мне.

Полицейские переглянулись. Они знали, что руководство лондонских портов строго запрещает вход женщинам, с тех пор как годом ранее проститутка в темноте упала с мостков и утонула.

– Какое судно?

Полицейский вытащил блокнот и карандаш.

– «Катрина». Шведы, лесом торгуют.

– Вы видели женщин?

– Одну. Медсестру. Вон её велосипед. И халат её. Что мне со всем этим делать?

– Расскажите-ка, что случилось.

– Ну где-то в полдвенадцатого подходит ко мне матрос и говорит, мол, женщина не в порядке, глаза закатывает да живот трёт. Я звоню врачу, его нет, так что я связался с монахинями, и они прислали медсестру, большую такую. Я её отвел на «Катрину» на Южном причале. Ловкая девчонка оказалась. По лестнице туда взобралась.

– Что?! Медсестра влезла на борт корабля по верёвочной лестнице в такой шторм?

– Говорю ж вам, девчонка не из робких. Взяла и влезла. Там ещё перекладины наверху не хватало. Своими глазами всё видел.

– Вы уверены?

– Да уверен, конечно, что ж вы меня, за кретина держите? – оскорбился дежурный.

– Нет, разумеется. Что было дальше?

– Спросите кого другого. Она вылезла на палубу и там, видать и, осталась. По крайней мере, ни велосипед свой, ни халат она не забрала.

Полицейские посовещались. Следовало вызвать портовую полицию – полномочия городских стражей правопорядка на порты не распространялись. Но правда ли это? Дежурных считали большими фантазёрами – возможно потому, что они подолгу сидели в темноте в одиночестве.

Мужчина вновь принялся возиться со своим ключом и вдруг обернулся и взглянул на набережную.

– А, вот она. Я ж говорил. Большая такая.

Полицейские увидели, как в их сторону бредёт какая-то женщина. Она ступала неуверенно, волоча ноги. Путешествие вниз по верёвочной лестнице лишило Чамми последних сил. Один из полицейских шагнул ей навстречу и взял под руку. Она пробормотала: «Спасибо» – и оперлась на него.

– Мы с вами раньше не встречались? – спросил полицейский.

Чамми посмотрела на него затуманенным взглядом.

– Не знаю.

Он улыбнулся.

– Это не важно.

Она направилась к велосипеду.

– Не хочу показаться грубым, сестра, но вы способны ехать? – спросил всё тот же полицейский.

Чамми огляделась и медленно собралась с мыслями.

– Я в порядке. Мне действительно чуть не по себе, но всё хорошо.

Велосипед был старый, большой и тяжёлый, с железной рамой. Она взялась за руль, но у неё не было сил даже сдвинуть его с места.

– Сестра, я считаю, что вам нельзя сейчас ехать на велосипеде, особенно по Ист-Индия-Док-роуд – сейчас открываются порты, и там очень оживлённо. Вообще-то, именем закона я *запрещаю* вам ехать на велосипеде. Я вызову вам такси.

– А как же мой транспорт? – запротестовала Чамми. – Я не могу его бросить.

– Не волнуйтесь. Я привезу его. Вы же едете в Ноннатус-Хаус? Я знаю, где это.

Оказавшись в тёплом салоне, Чамми крепко уснула. Когда её разбудили, она не понимала, где находится, поэтому водителю пришлось помочь ей выйти и позвонить в дверь. Сёстры как раз возвращались из часовни. Послушница Рут открыла дверь и увидела таксиста, поддерживающего Чамми и держащего в руках её сумку. В первую секунду она решила, что Чамми пьяна.

– Сядь здесь, – сказала она. – Я приведу сестру Джулианну.

Джулианна расплатилась с таксистом и обернулась к Чамми, которая не могла пошевелиться.

– Что случилось, дорогая? – она не чувствовала запаха спиртного. – Что произошло?

Вдруг на неё напали?

– Всё в порядке, – пробормотала Чамми. – Я в порядке. Просто не очень хорошо себя чувствую. Не тревожьтесь.

– Но что произошло?

– Ребёнок.

– Мы же всё время принимаем роды. Что ещё случилось?

– На корабле.

– На корабле! Где?

– В порту.

– Но мы же не ходим в порт.

– А мне пришлось.

– Ничего не понимаю.

– Там родился ребёнок.

– Вы хотите сказать, что ребёнок родился на торговом судне?

– Да.

– Невероятно! – воскликнула сестра Джулианна. – Надо разобраться. Вы запомнили название корабля?

– Да. «Катрина».

– Отправляйтесь-ка в постель, сестра. Вы сама не своя. Кто-нибудь вымоет и простерилизует ваши инструменты. Я хочу взглянуть на ваши записи.

Чамми отвели в комнату, а сестра Джулианна забрала её записи к себе в кабинет для дальнейшего изучения. Она читала и не верила своим глазам, после чего позвонила врачу, и они решили, что следует немедленно осмотреть мать и ребёнка и перевести их в больницу для подобающего послеродового ухода.

В десять утра они встретились у ворот порта. Сестра Джулианна казалась очень маленькой на фоне огромных кораблей. Она объяснила сторожу, что им нужно подняться на борт «Катрины», где ночью родился ребёнок. Он взглянул на неё, как на сумасшедшую, но сказал, что сообщит начальнику порта.

Вскоре перед ними появился мужчина с учётной книгой в руках. Место для стоянки было зарезервировано за «Катриной» ещё на три дня, но в восемь утра корабль снялся с якоря и покинул порт.

Сестра пришла в ужас.

– Но это невозможно! На борту мать и новорождённый! Им нужен медицинский уход. Это крайне безответственно. Бедная женщина!

Начальник порта оглядел её с большим сомнением.

– Женщинам на борт нельзя. Извините, должен попросить вас уйти.

Сестра Джулианна готова была спорить, но врач отвёл её в сторону.

– Вы здесь больше ничего не сделаете, сестра. Я, честно говоря, не удивлён, что капитан сбежал. Такие «бортовые» женщины нарушают все международные судоходные правила. Если бы на судне обнаружили мать с ребёнком, капитана бы арестовали, уволили и заставили платить штраф. Возможно, его бы посадили бы в тюрьму. Неудивительно, что он покинул порт на три дня раньше. Сейчас «Катрина» уже вышла в Ла-Манш.

Вышла в тираж

Раздался стук в дверь. Ближе всех ко входу оказалась сестра Моника Джоан – я как раз спускалась по лестнице. Она открыла дверь, но тут же захлопнула её и принялась задвигать засов. Я бросилась к ней.

– Сестра, что произошло?

Она не ответила ничего внятного, только пробормотала что-то и продолжила возиться с засовом, – но он был большой и тяжёлый, и её костлявые пальцы никак не могли справиться с ним.

– Давайте-ка, милая, помогите мне. Надо укрепить бастионы и опустить решётку на воротах.

В дверь снова постучали.

– Дорогая сестра, за дверью кто-то есть. Это может быть важно.

Сестра Моника Джоан продолжала тянуть засов.

– Да что же это такое! Помогите мне.

– Мне надо открыть дверь, сестра. Нельзя заставлять людей ждать. Возможно, кто-то рожает.

Я открыла дверь и обнаружила за ней полицейского. Но сестра не теряла бдительности. Она сунула ему в лицо зажатое в кулаке распятие.

– Назад! Именем Христа заклинаю тебя, отступи!

Голос её дрожал от возбуждения, а морщинистая рука ходила ходуном, так что распятие приплясывало под носом у полицейского.

– Ты не пройдёшь! Перед тобой воины Христовы в доспехах Господних, и клыки Ада бессильны перед ними!

На лице полицейского читалась глубочайшая задумчивость. Я попыталась вмешаться.

– Сестра, милая, это же…

– Отступи, Сатана! Подобно Горацию, я одна на мосту встречаю мидийцев. Опусти свой меч. Избавь нас от кары!

С этими словами Сестра Моника Джоан захлопнула дверь, после чего игриво подмигнула.

– Теперь-то они будут держаться отсюда подальше.

Бедная сестра. Я прекрасно понимала её недоверие к полицейским и очень сочувствовала ей. Но возможно, что этот мужчина хотел сообщить нам что-то, связанное с нашей работой. Это был бы не первый случай, когда постового попросили позвать акушерку.

– Пойду узнаю, что ему нужно. Я его не впущу, сестра, обещаю.

Я быстренько выскользнула на улицу. Сестра Моника Джоан тут же захлопнула дверь, едва не прищемив мою ногу.

Полицейский стоял посреди улицы, явно не понимая, что делать. Рядом с оградой стоял чей-то велосипед.

– Простите нас, пожалуйста. Она не любит…

И тут я узнала его. Это был тот самый полицейский, которого Чамми сбила с ног, когда училась ездить на велосипеде, и который приходил к нам, когда расследовалось дело об украденных драгоценностях. Я расхохоталась.

– Так это вы! Мы частенько встречаемся. Что на этот раз?

– Я здесь не по работе. Передайте это сестре и успокойте её. Я привёз велосипед, как и обещал вашей коллеге.

– Какой?

– Не знаю, как её зовут. Высокой.

– Чамми. А откуда у вас её велосипед?

– Я отправил её домой на такси, поскольку она была не в состоянии ехать на велосипеде.

– Что?! – воскликнула я, решив, что он нашёл пьяную Чамми. – Когда это было?

– Сегодня утром, часов в шесть.

– Господи! Где вы её встретили?

– В порту.

– В порту! В шесть утра, пьяная, в порту! Господи, а мы и не подозревали! Тёмная она лошадка всё-таки. Надо рассказать девочкам. Там вечеринка была, что ли?

Он улыбался. Это был обаятельный мужчина, который выглядел чуть старше своих лет. Он принадлежал к типу некрасивых и вместе с тем привлекательных людей, а щеку его украшал большой шрам, который мог бы придать лицу мрачное выражение, если бы не глаза – когда полицейский улыбался, взгляд его искрился.

– Нет, вечеринки никакой не было, и она была совершенно трезва. Не знаю подробностей, но, насколько мне известно, на одном из кораблей родился ребёнок, и ваша медсестра Чамми принимала роды.

Я ещё ничего не слышала о ночной драме и теперь в изумлении уставилась на полицейского.

– Мы с коллегой разговаривали с дежурным и увидели, как по набережной бредёт медсестра. Ночью был шторм, и дежурный сказал, что она забралась на борт по верёвочной лестнице. Видимо, спускалась она

также. Когда я её увидел, стало очевидно, что она в полуобморочном состоянии. Она даже не понимала, куда идёт, поэтому я запретил ей садиться на велосипед и вызвал такси. Теперь я возвращаю велосипед вам и прошу вас расписаться, – добавил он более строго.

Я расписалась, и мужчина поблагодарил меня и повернулся, чтобы уйти, но в последнюю секунду замялся.

– Я думал…

Пауза.

– Что? О чём вы думали?

– Просто…

– Ну, если вы не скажете, о чём думали, я вряд ли смогу вам помочь.

– Да, конечно, – он снова умолк. – Как она?

– Кто? Чамми?

– Да.

– Не знаю, я ведь только от вас услышала о случившемся.

– Надеюсь, что всё в порядке. Когда я её видел, она выглядела совершенно вымотанной, и… – он осёкся.

– Ерунда, уверяю вас! Это для нас привычное дело. Работа бывает очень тяжёлой, а роды длятся по несколько часов. Мы очень устаём. Но потом приходим в себя. И Чамми придёт, вот увидите.

– Надеюсь.

Последовала ещё одна пауза. Полицейский словно хотел что-то сказать, но не решался.

– Скажите, вы не могли бы ей передать, что я вернул велосипед… – он запнулся. – Понимаете, когда я увидел, как она ковыляет по набережной, то почувствовал какую-то ответственность. Она с трудом понимала, где находится, и я переживал, что её собьёт машина. Мне, наверное, просто хотелось убедиться, что с ней всё в порядке.

– Послушайте, я правда не знаю. Извините, мне уже пора. Мне предстоит утренний обход, а уже много времени. Если хотите выяснить, как она, загляните попозже.

Он кивнул.

– Только приходите без формы, когда будете не на службе! Вы можете опять встретить сестру Монику Джоан.

Несколько дней спустя мы отдыхали в гостиной. Тяготы рабочего дня остались позади. Раздался стук в дверь. Трикси застонала.

– Начинается. Кто-то рожает. Эй, кто дежурит?

Несколько минут спустя она вернулась с ехидной ухмылкой.

– Чамми, к тебе какой-то молодой человек.

– Божечки, это ж мой братец! Ура! Он пилот ВВС, между прочим, и сейчас у него отпуск. Офицером вот стал. Не знаю уж, чем он там занимается после войны, но ему вроде нравится. Пригласишь его? Только не слишком быстро, нам бы прибраться, да, девочки?

Мы с Синтией и Чамми принялись убирать грязные кружки, тарелки, газеты, журналы, туфли и вещи, которые были разбросаны по комнате. Если брат Чамми хоть немного походил на свою сестру, то нас ждала приятная встреча.

В комнату вошёл высокий мужчина. Я тут же узнала в нём того самого полицейского – на этот раз в гражданском. Чамми, которая не переносила мужского общества, тут же побагровела и начала заикаться.

– Это Дэвид, и он хотел увидеть тебя, Чамми, – сказала Трикси с невинным видом – она любила подлить масла в огонь.

– Господи, меня? Но это какая-то ошибка. Не может быть.

Чамми судорожно сглотнула и неловко дёрнула рукой, сбив настольную лампу, которая рухнула на проигрыватель, где крутилась наша любимая пластинка. Раздался чудовищный скрежет иглы, царапающей винил.

– Ох, какая я неуклюжая! Вот дурища! Ну что это такое? – казалось, ещё немного, и Чамми расплачется.

– Ты испортила пластинку Эрты Китт, вот что это такое, – сердито сказала Трикси. – Песня называлась «Расслабься», между прочим. Тебе б не помешало.

– Ох, простите, девчонки. Ужасно извиняюсь и всё такое. Вечно я всё порчу. Давайте я сниму её.

Чамми шагнула к проигрывателю и налетела на стол, уставленный кофейными чашками.

– Господи! Да что ж за наказание! – возмутилась она.

Раздался мужской хохот.

– Кстати, Дэвид – тот самый полицейский, которого ты сбила год назад, – ядовито сообщила Трикси. – Он хотел с тобой встретиться.

– Да что ж это такое-то, я же правда не хотела!..

Чамми осеклась. Она буквально умирала от смущения. Дэвид тоже выглядел сконфуженным – он оробел в присутствии четырёх девушек и чувствовал неловко себя из-за хаоса, который он сам, каким-то неведомым образом, породил. На помощь пришла Синтия – её низкий голос успокоил присутствующих. Она принялась собирать кофейные чашки и сметать с ковра растворимый кофе.

– Глупости. Разумеется, Дэвид пришёл не за этим. Кстати, не хотите ли выпить кофе? В чашке может оказаться пыль, но её можно собрать, когда она всплывёт.

Все тут же почувствовали себя несколько свободнее.

– Мы как раз обсуждали удивительные приключения Чамми в порту в ту ночь, – продолжала Синтия.

– Я за этим и пришёл, – сказал Дэвид и повернулся к Чамми. – Вы совершили настоящий подвиг. Как вы себя чувствуете?

– Да всё хорошо, что вы. Что со мной сделается. Свежа как огурчик. Но откуда вы об этом узнали?

– Я же был там. Встретил вас на набережной. Вы не помните?

– Нет, – в замешательстве ответила Чамми.

– А я помню. Вряд ли мне когда-нибудь удастся забыть, как вы выглядели, когда сошли с того корабля. Вы заслуживаете медали.

– Я? С чего это?

– За всё, что сделали той ночью.

– Ерунда какая. Обычное дело. Все бы поступили так же.

– Мне так не кажется. Серьёзно.

Чамми не в силах была выдавить из себя ни слова. Она уселась на край стула, напряжённая и смущённая, и выглядела так, словно мечтала оказаться за тысячу миль отсюда.

Вечер прошёл очень приятно. У полицейских и медсестёр много общего. Я уже знала, что, если медсёстры хотят устроить вечеринку у себя в общежитии, им следует всего лишь послать приглашения в ближайший участок, и к ним тут же явится множество молодых и крайне заинтересованных стражей правопорядка. Дэвид, очевидно, наслаждался происходящим – ему нравилось быть в центре внимания четырёх девушек, даже несмотря на то, что одна из них не решалась открыть рот от смущения.

Разговор неизбежно вернулся к пережитому Чамми приключению, а в особенности – к «бортовой» женщине, фигура которой вызывала у нас всех боязливое любопытство. Мы умирали от желания услышать подробности и тщетно пытались разговорить Чамми. Бедняжка, возможно, держалась бы в нашем обществе свободнее, но в присутствии мужчины она теряла дар речи. Надо понимать, что в те дни даже акушерки, которые видели в жизни всё, старались либо не упоминать секс, либо говорить о нём туманно и преувеличенно деликатно. А «бортовая» женщина вела совершенно неделикатный образ жизни!

Мы спросили Дэвида, слышал ли он о подобном ранее. Он уверил нас,

что это случается очень редко, и обычно на торговых судах царит строгая дисциплина, хотя всякий экипаж, конечно, мечтает о подобном.

– Но иногда это случается, как вы уже убедились.

Он с улыбкой взглянул на Чамми. Она упорно глядела в пол, кусая губы и обгрызая ногти.

Часы пробили одиннадцать, и Дэвид стал собираться.

– Как хорошо, что вы зашли, – сказала Синтия. – Приходите ещё, пожалуйста. Чамми, можешь проводить Дэвида? Мы пока что приберёмся.

Чамми с неохотой поднялась и бросила на Синтию испепеляющий взгляд. Та, впрочем, не обратила внимания на её недовольство. Дэвид и Чамми молча покинули комнату, и несколько минут спустя мы услышали, как хлопнула входная дверь.

Когда Чамми вернулась, мы увидели, что она раскраснелась.

– Ну? – хором спросили мы.

– Он пригласил меня на свидание!

– Ну разумеется, а ты чего ждала?

– Ничего.

– Ничего?

– Конечно.

– А зачем он сюда пришёл, по-твоему? Нарядился в новый костюм и лучший галстук.

– Правда? Я не заметила.

– Ну да. Все видели.

– Но почему? Я не понимаю.

– Потому что ты ему нравишься.

– Быть того не может. Во всяком случае, не в этом смысле. Я же не хорошенькая. Даже не симпатичная. Я слишком большая и неловкая. У меня чересчур большие ноги. Я всё время падаю и вечно говорю глупости. Матушка отказывалась брать меня с собой. Говорит, что я уже вышла в тираж.

– Значит, твоя матушка – дура набитая.

В войну Дэвид участвовал в битве за Арнем. Он служил в воздушно-десантных войсках, которые выполняли роль ударных. Осенью 1944 года тридцать тысяч человек переправились в тыл врага, чтобы захватить мосты, пересекающие реки или каналы на границе Германии и Нидерландов. В то же время британские танки и пехота мобилизовались, чтобы прорваться из Нормандии и поддержать воздушные войска. Но всё пошло не по плану, и воздушные войска оказались отрезанными на

вражеской территории без какой-либо поддержки. Дэвид был одним из немногих счастливцев, которым удалось выжить. Измождённые, грязные и полуживые из-за голода десантники добрались по лесу до территории, занятой британцами и американцами. Он воевал всего два года, со своих восемнадцати до двадцати лет, но этот опыт оставил неизгладимый след в его душе – и шрам на лице.

После войны он не мог устроиться в гражданской жизни. До призыва у него практически не было времени подумать, чем бы он хотел заняться, а после постоянных опасностей и переживаний домашняя жизнь казалась довольно серой. Он пытался вкалывать на фабрике, разносил молоко, работал в пабе и гараже, но всё это не приносило ему радости. Мать беспокоилась, а отец терял терпение:

– Все эти прыжки со службы на службу никуда тебя не приведут! Надо остепениться. Тебе нужна нормальная работа с надёжным доходом.

Дэвид втайне думал, что лучше уж умереть, чем терпеть нормальную работу с надёжным доходом, и снова шёл увольняться.

Он всегда был тихим мальчиком и много читал. Учился он средне, потому что школьные предметы казались ему не особо интересными. Но он жадно поглощал книги, и юный ум наслаждался рассказами о дальних странах с причудливыми названиями. Ему хотелось увидеть всё, изучить культуру чужеземцев, узнать, чем они живут. В армии он получил возможность уехать из дома, но ужасы войны вдребезги разбили многие его романтические устремления.

Но мирная жизнь ему тоже была не по нраву, а новая работа помощником в скобяной лавке оказалась хуже предыдущих.

– Держись за место, мальчик мой, – твердил отец, – тебе надо научиться постоянству. Вот я в твоём возрасте…

Но Дэвид уже не был мальчиком. Ему исполнилось двадцать пять, и война повлияла на него больше, чем он сам – или кто-либо вокруг – это осознавал. Один из старших коллег, который прошёл ещё через Первую мировую войну, сумел ему помочь. Как-то раз они сидели на задворках и обедали, и Дэвид в этот день, видимо, выглядел хуже обычного. Они разговорились и делились впечатлениями от пережитого. Дэвид рассказал об опасном броске через лес после Арнема, и его коллега заметил:

– Странно, что воспоминания о подобных временах могут оказаться чуть ли не лучшими в жизни. Восторг, адреналин, опасность, постоянная неуверенность – мы жили на полную катушку. Нельзя тебе тут оставаться – взвешивать гвозди да точить стамески. Тебе нужно что-нибудь поинтереснее, а не то у тебя крыша поедет. Не хочешь пойти в

полицейские? Городская полиция ищет добровольцев.

В двадцать семь лет Дэвид поступил в Полицейский колледж, и это было лучшее, что могло с ним случиться. Он оставил дом, беспокойную мать и брюзжащего отца и поселился в общежитии вместе с другими молодыми мужчинами, пережившими войну. Учёба оказалась куда тяжелее, чем он предполагал. Они часами слушали лекции о всех аспектах преступлений, включая нападения, поджоги, подделки, подкуп, нарушения правил дорожного движения, вождение в нетрезвом виде, изнасилования, содомию, скотоложество и многое, многое другое. Ему пришлось изучить закон об азартных играх, лотереях и пари, закон о лицензировании, закон о проституции и множество других. Голова его кружилась от попыток упорядочить знания. Но равнодушный школьник, который не интересовался уроками, превратился в мужчину, который видел смысл во всех занятиях и отлично сдал экзамены. Затем Дэвиду предстояло преодолеть два испытательных года, во время которых он работал в паре с другим констеблем на выделенном им участке. Уличная жизнь оказалась ещё интереснее, чем обучение в колледже. Это был тяжёлый период, но Дэвид наслаждался поставленной перед ним задачей и твёрдо решил дослужиться до сержанта, а потом и до инспектора. Конечной его целью был пост главного инспектора.

Родители были в восторге. Отец со смешком заметил, что теперь у него не только нормальная работа, но и надёжный доход. Мать мечтала о внуках и робко намекала на то, что ему не помешала бы «какая-нибудь хорошая девушка».

Но с девушками ему не везло так же, как до этого с работой. Он был тихим, довольно застенчивым и стеснялся шрама на лице. «Да кому я нужен», – думал он. Кроме того, после нескольких неудачных романов он решил, что все девушки – глупенькие эгоистки. Его не интересовали их занятия, а их ничуть не трогали его устремления. Несколько женщин-полицейских казались ему привлекательными, но все они были либо замужем, либо встречались с другими молодыми людьми. Ему хотелось встретить ту, которая будет думать о чём-то помимо маникюра и причёски. Одна девушка как-то спросила его кокетливо, нравится ли ему, как она выщипала брови. Он был ошеломлён. Брови? Да он их и не замечал никогда. Бедняжка обиделась и устроила скандал. Он не разозлился и не разочаровался, просто лишний раз увидел в этом подтверждение, что женщины по природе своей пусты и ждать от них нечего.

Так было до того, как он увидел ковыляющую по набережной Чамми. Они уже встречались раньше, и он с улыбкой вспоминал, как она сбила его

на велосипеде и рухнула сама. Это была высокая, сильная девушка, но когда она с трудом плелась вдоль причала, было заметно, что она с трудом несёт свою сумку. Он инстинктивно захотел помочь. Услышав невероятный рассказ дежурного о том, как эта девушка взобралась по верёвочной лестнице, чтобы осмотреть женщину на корабле, он не знал, что и думать. В тот момент он ничего не знал о ребёнке или об опасностях, сопровождавших роды. Он просто подумал: вот она совершенно другая, её волнует не только внешность. Посадив девушку в такси, Дэвид твёрдо решил увидеть её снова.

После его первого визита мы пришли в восторженное возбуждение. Даже монахини щебетали вместе с нами. Такого не ожидал никто. Вечером накануне первого свидания на Чамми обрушился шквал непрошенных советов и бесполезной помощи. Для начала надо было решить, что надеть. Она вытащила из шкафа несколько довольно унылых нарядов.

– Надо найти что-нибудь особенное.

– Но что?

Мы все одалживали друг у друга одежду, но Чамми не подходило ничего из наших гардеробов, поэтому в итоге мы разочарованно вздохнули и нацепили на неё красивый шарф. Кроме того, она переживала, что им не о чем будет говорить.

– Я не умею общаться с парнями. Я никогда раньше не ходила на свидания. Что мне делать?

– Слушай, ну не глупи. Он не парень, а взрослый мужчина, и он не пригласил бы тебя на свидание, если бы у него не было повода тобой интересоваться.

– Божечки! Всё пройдёт ужасно. Я точно знаю. Что если я упаду или брякну какую-нибудь глупость? Матушка вечно говорит, что меня нельзя никуда с собой брать.

– Матушка тебя никуда и не берёт, верно? Забудь ты уже свою матушку. Думай о Дэвиде.

Раздался звонок, и Чамми споткнулась о дверной коврик и налетела на дверь.

– Хорошего вечера, – прошептали мы хором, но, судя по её лицу, она не ожидала от свидания ничего хорошего.

Мы не застали её возвращения, но после этого вечера Дэвид стал всё чаще к нам заглядывать, и Чамми регулярно с ним куда-то ходила. К нашему разочарованию, она ничего не рассказывала и вообще начала вести себя тише, стала куда менее говорливой и пылкой. Разумеется, мы

пытались её расспрашивать, но единственное, чего нам удалось добиться, так это фразы «Полицейская работа очень интересна, куда шире и разнообразнее, чем можно подумать».

– Ну, а ещё что?

– Что ещё? – спросила Чамми невинно.

– Ну, что-нибудь… этакое.

– Я рассказала ему, что хочу стать миссионеркой, если вы об этом.

Мы глубоко вздохнули. Безнадёжно. Если они говорят только о полиции и миссионерстве, о каком будущем может идти речь? Бедная Чамми. Возможно, её матушка была права, и она действительно вышла в тираж.

Наступила очередная горячая пора, и мы сбивались с ног. Одиннадцать родов за двое суток, послеродовые осмотры, дородовые приёмы, лекции и бесконечные телефонные звонки.

Я дежурила и тихо радовалась, что после безумной ночи и бессонного дня наступила тишина. В этот момент зазвонил телефон. Я с трудом подняла трубку.

– Моя жена рожает. Она велела мне вызвать акушерку.

Я торопливо собрала сумку и взглянула на расписание, чтобы понять, кто остаётся дежурить вместо меня. Наверху списка значилось имя Чамми. Я подбежала к её комнате и постучала.

– Чамми, я ухожу! Ты дежуришь!

Ответа не было. Я постучала снова и распахнула дверь.

– Ты дежу…

Я осеклась и отступила, потрясённая, виновная в непростительной бестактности – никогда, ни за что нельзя так поступать. Я застала Чамми в постели с полицейским.

Свадьба

Чамми вышла замуж за своего полицейского и стала миссионеркой. Миссис Фортескью-Чолмели-Браун, её мать, хотела организовать пышную свадьбу и приём в отеле «Савой», но Чамми отказалась.

– Родственники этого ждут, милая, – сказала мать с нажимом.

Дочь заартачилась. Она хотела устроить скромную свадьбу в нашей местной церкви Всех Святых под руководством приходского священника и обед в церковном зале.

– Но я же не могу объявить в «Таймс», что приём состоится в церкви на Ист-Индия-Док-роуд! – в ужасе воскликнула матушка. – А как же фотографы? Мне надо сообщить в «Татлер» и «Светские вести». Родственники этого ждут. Мы же не можем принимать репортёров и фотографов в церковном зале, в конце концов.

Но Чамми стояла на своём: никаких объявлений, никаких фотографов.

Затем наступил черёд выбирать свадебное платье. Матушка хотела отвести Чамми к Норманну Хартнеллу, королевскому модельеру. Чамми отказалась – ещё более решительно. Она не собиралась наряжаться, словно фея с рождественской ёлки.

– Но ты обязана, милая. Мы все одеваемся у Хартнелла.

Нет, она наденет простой костюм.

– Но ты должна быть в белом, милая! В девственно белом свадебном платье.

– Мне не полагается, – ядовито ответила Чамми.

Это положило конец материнским уговорам.

Свадебный кортеж отправлялся из Ноннатус-Хауса, и я не вполне уверена, что мать-настоятельница одобрила бы суматоху, которой сопровождалось это событие. Но она была далеко от нас, в Чичестере, так что это было неважно. Сёстры пребывали в восторженном трепете, поскольку подобного в этих стенах ещё не происходило, а мы, девушки, в панике собирались и прихорашивались. Миссис Би пекла всю неделю и отложила финальные штрихи на последнее утро, но Фред решил в этот день заняться котлом, чем довёл её практически до истерики, и мы уже испугались, что она хлопнет дверью. Сестра Джулианна разняла их и утешила повариху, что успокоило нас, потому что без неё обед провалился бы.

На фоне всех этих бурных приготовлений нам приходилось работать. У каждой имелся свой список до– или послеродовых визитов, младенцев, которых надо было выкупать, кормлений, которые предстояло организовать и так далее и тому подобное. Кроме того, следовало выполнять медсестринские обязанности в округе, например, делать инсулиновые инъекции.

День свадьбы не задался у Трикси с самого начала. С утра она вымыла и уложила волосы, после чего отправилась на велосипеде делать обход, а когда вернулась, на голове у неё царил беспорядок. Она чуть ли не рыдала:

– Что мне делать с волосами? Это настоящее воронье гнездо, тут уже ничем не поможешь!

Синтия посоветовала ей кондиционер «Витапуант» и одолжила тюбик, но Трикси в спешке перепутала его с тональным кремом, которым и намазала голову. Теперь её волосы были покрыты жирной субстанцией и выглядели ещё хуже. Синтия порекомендовала снова их вымыть.

– Но уже поздно, – всхлипывала Трикси. – Я же не могу пойти на свадьбу с мокрыми волосами.

– Но ты же не можешь пойти на свадьбу с розовым кремом на волосах!

Началась серьёзная подготовка. Сперва следовало сделать маску, потом протереть лицо лосьоном, затем – подпилить и отполировать ногти. Оказалось, что чулки потерялись, не имеют пары или порвались. Надо было выгладить юбку.

– Осторожно, утюг горячий.

– Но я же не могу его выключить.

– Оставь, пока не остынет.

– Нет времени.

– Придётся. Иначе испортишь юбку.

– Дурацкая штука. Почему мы не купим новый?

Надо было найти заколки, вытащить бигуди, обменяться помадами, перенюхать все духи.

– Мне нравится мускус.

– Фрезия лучше подходит для свадьбы.

– Слишком лёгкий аромат.

– А мускус чересчур тяжёлый.

– Нет, не говори ерунды.

Считается, что глаза – зеркало души. Но нам этого было недостаточно. Глаза требовалось украсить – выщипать брови, завить ресницы, растушевать тени, дрожащими руками подвести веки, нанести тушь…

– Чёрт!

– Что такое?

– Тушь засохла.

– Плюнь на неё.

– Фу!

– Нет, серьёзно. Размочишь. Хочешь, возьми мою?

– Нет уж, если ты на неё плевала, не надо.

– Как пожелаешь.

Трикси всё же решилась вымыть голову и теперь судорожно пыталась её высушить.

– Чёртов фен не работает. У нас нет ничего получше?

– Сейчас принесу свой.

– Твой дует слишком сильно. Я уже пробовала.

– Ты не в том положении, чтобы капризничать!

Требовалось выбрать аксессуары – приколоть брошь, отколоть, померить бусы, обменяться серьгами, рассмотреть браслеты, сравнить шарфы.

– Этот подходит к твоему платью.

– Лучше надену этот. Сыграю на контрасте.

– Нет, он слишком яркий. Попробуй вон тот.

– Как я выгляжу?

– Гораздо лучше. Мне нравится.

– Ладно, так и пойду. Нет. Он будет мне мешать. Лучше вообще без шарфа.

Единственной, кто не метался по дому в панике, была сама невеста. Чамми держалась абсолютно спокойно и молча улыбалась, глядя на наше возбуждение.

– Собирайтесь, девочки, – сказала она. – Я готова. Посижу полчасика в часовне, пока не наступит время выходить в церковь.

Осталось решить только, кто будет дежурить в наше отсутствие. Сестра Джулианна настояла, чтобы мы, девочки, посетили и венчание, и обед, поэтому надо было выбрать, кто из монахинь останется в Ноннатус-Хаусе.

– Свадьбы – для молодёжи, – сказала сестра Евангелина. – Я подежурю.

– Нет, так не честно, – хором заявили сёстры. – Мы же знаем, что вам хочется пойти. Составим расписание и будем приходить по очереди.

Так и поступили.

Мы отправились в церковь по уничтоженной в войну дороге мимо пустыря, на котором стояли развалины разрушенной бомбами церкви Святого Фрайдсвайда, повернули за угол и перешли Ист-Индия-Док-роуд – церковь Всех Святых располагалась на южной стороне улицы. На свадьбе

не было ни автомобилей, ни цветов, ни подружек невесты. Казалось, что мы вышли на обычную прогулку. На Чамми был простой серый костюм и туфли без каблуков: ни шляпы, ни косметики. Она выглядела как обычно – и всё же казалась величественнее, чем та Чамми, которую мы полюбили.

Социальное расслоение в церкви бросалось в глаза. Фортескью-Чолмели-Брауны, будучи аристократами, сидели по одну сторону от прохода, а Томпсоны, казавшиеся воплощением пригорода, – по другую. Мы вместе с монахинями и медсёстрами из больницы Святого Томаса расположились на стороне Чамми. На стороне Дэвида сидели полдюжины рослых полицейских. Они пришли, потому что рассчитывали на бесплатное пиво, и потому, что Дэвид пользовался на службе популярностью. Кроме того, им было интересно – как выглядит девушка, которая хочет стать миссионеркой? И как, ради всего святого, проходит свадьба, устроенная монахинями?

Они вошли в церковь и были отправлены на сторону Дэвида, где и уселись среди Томпсонов. Но когда в зал вошла стайка молодых медсестёр в пышных юбках, туфлях на высоких каблуках, они воспряли. Боясь спугнуть удачу, они стали тянуться в нашу сторону, кивать, ухмыляться и пытаться поймать наши взгляды. Но мы, разумеется, не реагировали.

Медсёстры из больницы Святого Томаса пришли, потому что не верили, что Чамми вообще нашла жениха. Они были уверены, что она вышла в тираж и останется старой девой. Кроме того, они, как ни печально это признавать, были настроены снисходительно:

– Она действительно выходит замуж за полицейского? С её-то связями можно было найти кого получше. Видимо, она совсем отчаялась.

Они скромно сидели среди Фортескью-Чолмели-Браунов, понимая, что группа молодых людей напротив пытается привлечь их внимание, но демонстративно отворачивали прелестные головки, якобы рассматривая фрески на противоположной стене, изображающие Крестный путь. Воздух был насыщен тестостероном. Но когда Чамми вошла в церковь под руку со своим отцом, заигрывания пришлось прекратить.

Церемония была прекрасной. Любовь между двумя родственными душами словно наполняла церковь золотым светом. Молодые принесли друг другу клятвы перед Господом и всеми присутствующими и вышли из церкви мужем и женой.

На обеде полицейские сразу же направились к медсёстрам, которые тут же забыли про своё высокомерие. Все хотели как следует повеселиться. Фортескью-Чолмели-Брауны выстроились в ряд для церемонных

приветствий и знакомств, но Томпсоны не знали, что делать, и недоуменно толпились рядом, пока Чамми не пришла им на помощь.

– Матушка, к чему это всё. Давайте просто общаться, так будет куда лучше.

Лицо матушки, полускрытое изысканной шляпкой, выглядело довольно мрачным. Она подошла к матери Дэвида, миссис Томпсон.

– Вы родственники Бейли-Томпсонов из Уилтшира?

– Нет.

– Понятно. Возможно, Томпсонов-Бреттов из Индии?

– Вряд ли.

– Ну, всё может быть, знаете ли. Это было большое семейство.

– Не думаю, мадам. По-моему, никто из нашей родни не был за границей. Мы из Баттерси, и мы всегда занимались торговлей.

– В самом деле? Как интересно.

– Да. У нас уютный домик с прелестным садом. В самый раз для ребёночка. Приезжайте как-нибудь, выпьем чаю.

– С удовольствием. – Леди склонила голову со скорбной улыбкой.

– А когда пойдут внуки, мы наверняка будем ещё чаще видеться.

– Несомненно, несомненно. Счастлива была поговорить с вами, миссис Томпсон.

Матушка вернулась на свою сторону социальной пропасти, чтобы обсудить там недостатки другой стороны.

Полковник Фортескью-Чолмели-Браун, в сером фраке и цилиндре, заговорил с мистером Томпсоном, одетым во взятый напрокат костюм и фетровую шляпу.

– Давайте-ка пропустим по стаканчику, дружище.

– Я-то не против. Вы угощаете.

– Ну, хм, разумеется. Таковы обычаи. *Noblesse oblige*[52]. Отец невесты, так сказать.

– А я отец жениха, так что мы в некотором роде родственники.

– Родственники!

– Ну, в некотором роде.

– Мне это не приходило в голову, надо сказать. Расскажите мне о себе. Я из Индии, бывший военный. Вы служили?

– Разумеется, сэр. Я был штабным посыльным в третьей стрелковой части в Восточном Сассексе в Первую мировую войну.

– Штабным посыльным?

– Да, сэр.

– Интересно. Очень интересно.

Полковник не выглядел особенно заинтересованным. Вскоре он присоединился к своей жене.

– Ни одного пукка сахиб[53] во всей комнате. Не с кем поговорить.

– Она так нас подвела. Её и без того нельзя было никуда вывести, а теперь-то и подавно. Полагаю, мне следует пойти и пообщаться с её друзьями, но это в последний раз, уверяю. Попробую поговорить с той пожилой леди, которая сидит в одиночестве.

Это была сестра Моника Джоан, которая всецело сосредоточилась на тарелке с желе и бланманже. Миссис Фортескью-Чолмели-Браун грациозно приблизилась к ней.

– Какое здесь прекрасное освещение, – учтиво заметила она.

Сестра Моника Джоан так и вскинулась.

– Сечение? Кесарево сечение? Моя дорогая, я совершенно не одобряю эти новые методы. Ребёнок прекрасно может выйти сам, и в большинстве случаев так и происходит. И почему это женщина вашего возраста оказалась беременной? Это непристойно. И теперь вы пришли ко мне поговорить о кесаревом сечении. Может, вы ещё и аборт хотите сделать? Так вот, это нелегально, и я подобное не практикую. Идите прочь!

Бедная матушка, потрясённая до глубины души, вернулась к мужу.

– Мне никогда с этим не смириться, – пробормотала она.

– Держись, старушка, – хмыкнул полковник. – Это продлится недолго, затем они отбывают в Сьерра-Леоне.

– И слава Богу, – с энтузиазмом сказала матушка. – Там ей и место.

Сестра Джулианна втайне ликовала, глядя на Чамми. Многие девушки приходили в Ноннатус-Хаус, мечтая о миссионерстве, но Чамми всегда казалась ей не такой, как все. Она разглядывала высокую, счастливую девушку и с нежностью вспоминала, какой неловкой та была поначалу, то и дело падала или натыкалась на мебель. Ей также вспомнилось, как тот милый мальчик, Джек, учил Чамми ездить на велосипеде. Тогда стало очевидным главное достоинство этой девушки – она никогда не сдавалась. Взглянув на Дэвида, сестра Джулианна хихикнула, вспомнив, как Чамми врезалась в него и сбила с ног. Так вот как Господь всё устроил!

Сестра Джулианна в глубине души была романтиком, и теперь она с улыбкой вспоминала Джейн и преподобного Торнтона Эпплби-Торнтона. Возможно, в том случае Господу понадобилась её помощь. Она раньше никогда не занималась сводничеством, но когда преподобный джентльмен прибыл из Сьерра-Леоне с целью изучить акушерскую практику сестёр, чтобы впоследствии организовать подобное в своей миссии, она без тени сомнения навязала ему компанию Джейн. Этот проект увенчался

впечатляющим успехом. А теперь Чамми отправлялась к ним в Сьерра-Леоне в качестве первой квалифицированной акушерки, а Дэвид будет работать там полицейским.

Сестра Джулианна улыбалась, глядя на радостные лица вокруг, на миссис Би, заправлявшую столом, на Фреда, который двигал стулья, убирался и очевидно то и дело отпускал шуточки всем на потеху. Она посмотрела на медсестёр из больницы Святого Томаса, которые хохотали с полицейскими, и подумала: как приятно наблюдать за весельем молодёжи! Затем её взгляд упал на застывшее лицо миссис Фортескью-Чолмели-Браун. «Так не пойдёт, – подумала сестра. – Надо с ней поговорить».

После обычного обмена любезностями сестра Джулианна перешла прямо к делу.

– Матери и дочери редко понимают друг друга.

– На чём основано подобное наблюдение? – настороженно спросила миссис Браун.

– На опыте.

– Опыте? У вас же нет детей.

– Нет, но у меня есть семья. Нас было девять, и я видела, какие напряжённые отношения были у нашей мамы с её пятью дочерьми. Никто из нас не соответствовал её ожиданиям. Она не была ни на одной свадьбе. Ни на одной! А когда я дала обеты, мама была в ярости. Сказала, что я позорю наш род. Поэтому, как видите, я знаю всё о непонимании между матерями и дочерьми.

Миссис Браун молчала. Она не собиралась поддаваться. После паузы сестра Джулианна продолжила.

– Камилла – замечательная молодая женщина. Вы можете ею гордиться. В ней есть благородство. Её отличает сила характера, неутомимое следование целям и душевная и физическая храбрость. При помощи таких качеств и была основана Британская империя.

Сестра Джулианна попала в точку. Миссис Фортескью-Чолмели-Браун была из колониального семейства. Её отец был официальным советником раджи и стоял во главе Бенгалии. Её муж был губернатором Раджастана. Она знала всё о качествах, при помощи которых была основана Британская империя.

– Жаль, что я этого не вижу, – сказала она после паузы.

– Увидите, уверяю вас. С годами матери и дочери всегда сближаются. Камилла и Дэвид…

– Дэвид! – перебила её миссис Браун. – Этот её избранник! Обычный полицейский! Что это за брак?

– Сейчас он обычный полицейский, но у меня есть все основания полагать, что он достойный молодой человек и будет хорошим мужем. Он героически проявил себя во время войны. Он высадился в тылу немцев в Арнеме и не только выжил, но и помог выжить другим.

– Этого я не знала.

Лицо леди смягчилось.

– Обычно он об этом не говорит.

Приближалось время речей. Сестра Джулианна понимала, что у неё осталось лишь несколько минут наедине с матерью невесты и надо немного развеселить её.

– И ещё кое-что. Несколько лет после демобилизации Дэвида его папа, – она указала на мистера Томпсона, – совершенно не одобрял поведение сына. Что бы мальчик ни делал, отцу угодить не удавалось. Так что, как видите, такое же непонимание может существовать между отцами и сыновьями. Даже хуже. Сын не оправдывает ожиданий отца и слышит упрёки. А когда оправдывает, в отце просыпается мужское соперничество, и он тут же начинает соревноваться с собственным отпрыском!

Впервые за день миссис Фортескью-Чолмели-Браун рассмеялась. Чамми, которая с тревогой наблюдала за матерью, была поражена.

– Это верно. Я прекрасно знаю этот синдром. Мой собственный муж отчаянно соревнуется с нашим сыном в гребле. Мальчик гребёт куда лучше его, но он то ли не видит, то ли не желает видеть этого. Муж берёт уроки и возвращается совершенно измотанным, после чего ему нужна физиотерапия. Он скорее повредит спину, чем признает поражение. Не могу даже передать, какая атмосфера у нас порой царит дома.

Женщины переглянулись, готовые прыснуть от смеха, но им пришлось подавить хихиканье, поскольку все приготовились слушать речи.

– Я *прекрасно* вас понимаю, – прошептала сестра.

Свадебные тосты трогательны и предсказуемы. Полковник с нежностью говорил о своей единственной дочери и сказал, что гордится её карьерой. Мы хлопали и поддакивали. Шафер сказал, что Дэвид – украшение полиции, и Сьерра-Леоне невероятно повезло с ним. Полицейские затопали и заулюлюкали.

К нам присоединились музыканты из молодёжного клуба Южного Поплара, а вместе с ними – гость, отсутствию которого мы все успели удивиться. Это был Джек, местный паренёк лет тринадцати, который учил Чамми ездить на велосипеде, когда она только прибыла в Ноннатус-Хаус. Он приходил утром и вечером, водил её по дорогам, учил крутить педали и балансировать и бегал рядом с ней, раздавая инструкции, пока она

окончательно не овладела этим искусством. Тогда он назначил себя её телохранителем и разгонял окрестных ребятишек, которые дразнили её. В знак благодарности полковник подарил мальчику велосипед.

Между Чамми и Джеком завязалась крепкая дружба, и девушка удивилась и несколько расстроилась, увидев, что он не пришёл на свадьбу. Когда парнишка вошёл, держась чуть позади от остальных мальчиков, она воскликнула: «Джек! Как я рада!» – и бросилась к нему. От восторга она наверняка задушила бы его в объятиях, но он отшатнулся со словами: «Осторожней, мисс», и они пожали друг другу руки, как это принято у мальчиков его возраста. Нехорошо было смущать его на глазах у приятелей.

Миссис Би оставила угощение для гостей из клуба, и, пока они набивали рты, Чамми удалось перекинуться парой слов с Джеком.

– Ну я бы ни за что не пропустил вашу свадьбу, мисс, просто не хотел приходить со всеми этими важными особами, так что заявился с парнями. И у меня для вас есть подарок, мисс. Я его сделал в школе.

Он вытащил из кармана бумажный пакетик и тихонько сунул его Чамми, повернувшись к окружающим спиной, чтобы этого никто не видел.

– Это вам, мисс.

С этими словами он смешался с толпой.

Чамми вернулась к мужу и открыла пакетик. Внутри лежал крохотный велосипед, искусно собранный из металла и проволоки.

Музыканты заиграли – чуть фальшиво, но очень ритмично, и молодые принялись танцевать. В семь вечера они уехали, чтобы поспеть на вечерний поезд до Корнуолла, где собирались провести медовый месяц. За ними приехала машина такси, которая должна была доставить их на вокзал Паддингтон, и перед церковью собралась толпа, чтобы пожелать им всего наилучшего и попрощаться. Джек не стал махать вместе с нами – он забежал за церковь, схватил свой велосипед и пустился вдогонку за автомобилем. Чамми и Дэвид изумлённо смотрели на него из окна. Это был крепкий мальчик, и ехал он очень быстро, поэтому проделал весь путь вместе с такси и помахал им с платформы, когда поезд, пыхтя, покинул вокзал.

Такси!

Сестра Моника Джоан выздоровела после воспаления лёгких, которое подхватила, разгуливая сырым ноябрьским утром по улице в одной рубашке, успешно справилась с шокирующим и унизительным обвинением в воровстве, пережила судебное разбирательство и теперь, в свои девяносто два, с оптимизмом смотрела в следующее десятилетие.

На дворе стояло тёплое лето, и сестра Моника Джоан решила навестить своих многочисленных родственников. Я уже описывала её путешествие в Соннинг к племяннице, которой она подарила два изящных чиппендейловских стула. Другая племянница со своими тремя детьми обитала чуть ближе, в Ричмонде. Для пожилой леди это путешествие в любом случае было слишком сложным, но бесстрашная сестра Моника всё же пустилась в путь.

Не знаю, сказала ли она кому-либо о своих намерениях (вряд ли), но в Ноннатус-Хаусе снова наступила суматоха, потому что в восемь вечера, перед началом службы, вдруг обнаружилось, что её нет. Монахини, конечно, молились за её благополучие, и эти молитвы, видимо, достигли ушей Всевышнего (или же того, кто ответственен за подобные мелкие неурядицы), поскольку в этот момент зазвонил телефон, и ричмондская племянница сообщила, что тётя у них в гостях и наслаждается компанией внуков. Когда её спросили, может ли та переночевать у них, племянница ответила, что это будет нелегко, поскольку у них очень маленький дом, но сестра Моника Джоан может поспать на софе. В этот момент сестра Джулианна допустила промах, в чём сама позднее призналась. Сестра Моника Джоан прекрасно могла провести ночь на диване, но сестра Джулианна засомневалась и сказала, что лучше бы ей вернуться домой. Поскольку ехать на автобусе было уже поздно, сестра Джулианна попросила их посадить тётку в такси и сообщить таксисту, что за поездку заплатят по прибытии.

Это была серьёзная ошибка, и она привела к целой цепочке самых удивительных событий. Сестра Моника, возможно, не пользовалась лондонским кэбом с тех пор, как людей развозили в экипажах. Став монахиней, она дала обет нестяжания, поэтому всегда пользовалась самыми дешёвыми автобусами и поездами. Поездка в современном такси оказалась для неё совершенно новым и волнующим переживанием.

На следующий день за обедом она, не умолкая, говорила о племяннице и племяннике в Ричмонде и их прелестных дочурках.

– Такие чудесные, такие красавицы!

Имён их она не запомнила, но у одной, бедняжки, были прыщи. Такая неудача. Она сегодня же пойдёт на рынок на Крисп-стрит и подыщет там что-нибудь.

Монахиня рыскала по рынку, не обращая внимания на косые взгляды и передаваемые шёпотом предупреждения – торговцы опасались её с тех пор, как уличили её в мелких кражах.

Сестра Моника Джоан остановилась у нового прилавка, за которым стояла женщина в бусах. Она торговала хорошенькими бутылочками с микстурами и зельями с причудливыми названиями. По уверениям продавщицы, они помогали от всего – вросших ногтей, язв, геморроя, близорукости и зубной боли. Сестра Моника Джоан пребывала в экстазе. Её уверили, что именно этого ей всю жизнь и не хватало – эссенции бархатцев, вытяжки из маргариток, настойки из одуванчиков, а в придачу к ним ещё и брошюры, в которой так просто и подробно всё объясняется! Сравнив информацию в брошюре со своими астрологическими заметками о жизненных силах и центрах земли, сестра Моника Джоан радостно пришла к выводу, что всё взаимосвязано. Милое дитя не просто избавится от своих прыщей – вся жизнь её будет озарена.

На следующий день у сестры Джулианны состоялся довольно тяжёлый разговор с племянником сестры Моники Джоан, который сообщил, что тётка разбудила весь дом в три часа ночи, щебетала что-то о цветочных эссенциях, требовала помазать вросший ноготь одной микстурой, больной живот – другой, прыщи – третьей, и предлагала ликовать вместе с ней. Племянник ликовать отказывался. Им с женой на следующее утро надо было идти на работу, а детям – в школу. Он уточнил, знает ли она, который час? Сестра Моника Джоан знала, но сочла, что малютка с прыщами заслуживает немедленного избавления от страданий и спросила разрешения с ней поговорить. Племянник твёрдо отказал, напомнив, что сейчас уже четвёртый час ночи и утром девочке нужно идти на занятия. Вскоре ей предстояло сдавать экзамены, поэтому важно было высыпаться.

Сестра Джулианна извинилась и сказала, что и не подозревала о подобной ночной активности сестры Моники Джоан, но мужчина перебил её и сказал, что это отнюдь не конец истории. Час спустя их снова разбудили, и тётка объяснила, что ей бы не хотелось, чтобы девочка с прыщами чувствовала, что ей уделяется особое внимание – просто прыщи

это такое наказание в её возрасте! Кроме того, она опасалась, что младшие дочери почувствуют себя обделёнными, поэтому приготовила для них небольшие подарочки, которые хотела бы вручить лично.

После этого племянник отключил телефон, и сестра Джулианна согласилась, что в данных обстоятельствах это было самым лучшим решением.

В следующую субботу сестра Моника Джоан решила снова поехать в Ричмонд. Она подробно обсудила это с присутствующими за обеденным столом. Ей хотелось снова увидеть своих ангелочков, её очень радовала возможность вдруг обнаружить у себя юных и прелестных внучек, и это напомнило ей собственное детство, напомнило, как весело было им с сёстрами в их огромном доме.

Сестра Джулианна была довольна тем, что на этот раз они хотя бы знали, куда она собирается, и позвонила племяннику, чтобы тот ждал визита тётки. Кроме того, она убедилась, что у сестры Моники Джоан было достаточно денег для поездки на автобусе.

Но скромный двухэтажный автобус не входил в планы сестры Моники Джоан. Вкусив роскошь кэба, она не желала понижать свой уровень комфорта. Какое это наслаждение – сидеть в одиночестве в просторном салоне, пока опытный водитель лавирует по улицам. Никаких суматошных пересадок с одного автобуса на другой и напряжённого ожидания – просто прямая дорога от Поплара до Ричмонда (около пятнадцати миль[54]). Сестра Моника Джоан была в восторге от нового для неё транспорта. Никакой больше суеты и поисков билета. Никаких подсчётов шиллингов и пенсов. И всё совершенно бесплатно! Просто говоришь шофёру: «Оплата по прибытии!» – и он трогается с места.

Первые два раз племянник безропотно профинансировал путешествия тётки, но после третьего визита он позвонил сестре Джулианне и максимально тактично спросил, не могли бы они выделить тётушке достаточно денег, чтобы она сама платила за свои поездки. Сестра Джулианна, которую и без того тревожила брешь, пробитая в скромном бюджете ордена четырьмя поездками на такси из Ричмонда, согласилась, что с этим надо что-то делать, хотя и не очень понимала что. Племянник отдельно подчеркнул, что они очень рады видеть тётку и девочки обожают её и готовы часами слушать её рассказы, вот только цены на такси…

Монахини подробно обсудили, как можно решить эту проблему. Сестра Джулианна серьёзно поговорила с сестрой Моникой Джоан, напомнила ей об обете нестяжания, нужде экономить, стоимости поездок на такси и необходимости по возможности пользоваться автобусом. Сестра Моника

Джоан была совершенно согласна, признала собственную несдержанность и пообещала в будущем не пользоваться такси. Но, возможно, она забыла о данном слове. Или же не устояла перед соблазном, когда увидела на улице сверкающий чёрный кэб. Или же она не собиралась отказываться от своих намерений экономить, но в этот момент пошёл дождь, который она не переносила… Как бы то ни было, поездки продолжались. Сестра Джулианна чувствовала себя обязанной оплачивать их, поскольку ответственность за монахиню несёт орден, а не её родственники.

Сёстры продолжали обсуждать сложившуюся ситуацию. В следующий раз послушница Рут сама отвела сестру Монику Джоан на остановку, посадила её на нужный автобус, заплатила кондуктору и сказала ему, на какой остановке той надо сойти. Но сестра Моника Джоан отличалась изобретательностью и всегда добивалась желаемого. Она ласково поблагодарила Рут за помощь, весело помахала ей на прощание, вышла на следующей же остановке и села в такси.

Дело зашло слишком далеко. Сестре Джулианне пришлось сообщить обо всём матери-настоятельнице Джезу Эммануэль. Из бюджета ордена утекали большие суммы, и она ничего не могла сделать. Была объявлена встреча в доме матери-настоятельницы в Чичестере, на которую пригласили и их финансового советника. На встречу пришли тридцать две монахини, и многие с возмущением говорили о поведении сестры Моники Джоан. Вначале она втянула орден в некрасивую историю с обвинением в воровстве, а теперь, вместо того, чтобы проявлять смирение и кротость, сорила деньгами. Почему они должны отказывать себе во всём и экономить, когда она разъезжает по Лондону, словно герцогиня?

Мать-настоятельница сообщила сёстрам помладше, что сестра Моника Джоан отдала более пятидесяти лет служению беднейшим из бедных в совершенно невообразимых условиях, и орден оставлял за собой право делать послабления пожилым монахиням, которые уже не могли работать. Две-три старшие сестры сказали на это, что они тоже отдали жизнь служению бедным и под «послаблениями» подразумевали джем по воскресеньям или чашку чая в постели. Они никак не могли одобрить постоянные поездки на такси. Это было просто неразумно.

Джезу Эммануэль вздохнула: сестра Моника Джоан никогда не отличалась разумностью. Она спросила, что по этому поводу думает финансовый советник, их независимый бухгалтер и аудитор.

Бухгалтер сказал, что тщательно изучил бюджет ордена и заметил, что вклад, который сделала в него сестра Моника Джоан в 1906 году, когда дала свои обеты, был больше, чем вклады всех остальных сестёр, вместе

взятых. Кроме того, огромное наследство, которое досталось ей от матери в 1922 году, также отдали в орден. Если бы не эти два крупных денежных вливания, сёстры вряд ли могли бы продолжать свою деятельность по сей день.

Это решило вопрос. Было решено, что сестра Джулианна должна распоряжаться бюджетом по своему усмотрению. Некоторые из присутствующих, однако, состроили кислые мины и пробормотали что-то насчёт несправедливости, на что мать-настоятельница ответила, что сёстры, несомненно, должны быть рады такому постановлению, поскольку мысль о старушке, в одиночестве разъезжающей по Лондону на автобусе, не может их не тревожить – особенно учитывая, что сознание её не вполне ясно, что продемонстрировал недавний скандал.

– Давайте признаем, что она выжила из ума и её нельзя выпускать на улицу, – буркнула одна из сестёр помоложе. Мать-настоятельница резко ответила, что это крайне недоброе замечание, и она даже не будет обсуждать идею запереть сестру Монику Джоан, словно заключённую.

Сестра Джулианна осталась довольна принятым решением и без лишних слов оплатила несколько следующих поездок в Ричмонд и обратно. Однако она ещё раз поговорила с сестрой Моникой Джоан о том, что им надо экономить, что ездить к племянникам можно и пореже, а также вновь напомнила ей об обете нестяжания. Сестра Моника Джоан, видимо, восприняла её слова близко к сердцу: возможно, она ощутила укол совести при мысли об обетах, или же ей просто захотелось разнообразия. В конце концов, в душе она была авантюристкой, не ищущей лёгких путей. После этого мы узнали, что её видели посреди дороге в туннеле Блэкуолл. Когда на светофоре загорался красный свет и автомобили останавливались, сестра Моника Джоан выходила на дорогу прямо перед ними, стучала по окну одной из машин и просила потрясённого водителя отвезти её в Ричмонд.

Что бы ни говорили о монахинях, у них всё же не принято разъезжать с незнакомыми мужчинами. Можно только вообразить реакцию водителей. Сестра Моника Джоан, видимо, была одета в полное монашеское облачение. Для бизнесмена, направляющегося на встречу, подобное явление на дороге могло показаться знаком свыше – или же, возможно, дьявольским знамением. Представьте: монахиня стучит в окно и произносит длинную путаную речь о прелестных племянницах из Ричмонда и новом лосьоне от прыщей (хотя на самом-то деле она подозревает, что это обычные угри), который ей совершенно необходимо доставить, но только не на автобусе. Вы наверняка решите, что сходите с

ума, особенно если на деловом обеде присутствовала выпивка.

Водители отказывались везти её, но сестра Моника Джоан продолжала упорствовать в своей, как ей казалось, совершенно разумной просьбе. «У вас есть автомобиль, а у меня – нет, – замечала она. – Неужели так сложно заехать в Ричмонд?» Она знает адрес – так в чём же проблема? Если она не получала желаемого, то сразу же раздражалась, и многие беседы оканчивались скандалами.

Иногда сестра не успевала договорить, и светофор переключался. Грузовики проезжали мимо по свободной полосе в опасной близости от монахини. Водитель, который всё ещё пытался урезонить её, никак не мог тронуться с места, и застрявшие за ним автомобилисты начинали гудеть и ругаться. В какой-то момент сестра понимала, что её не повезут в Ричмонд (это случалось неоднократно), ковыляла обратно на обочину, а когда автомобили вновь останавливались, опять стучала в окно ближайшего из них.

После полудюжины подобных сцен два полицейских застали её на месте преступления. Они наблюдали за монахиней в течение нескольких минут, после чего арестовали её, так как она мешала движению и ставила под угрозу как свою жизнь, так и безопасность окружающих. Сестра Моника Джоан недолюбливала полицейских и яростно запротестовала, когда они окружили её и повели в Ноннатус-Хаус.

После этого происшествия сестра Джулианна сама умоляла её пользоваться такси и обещала всё оплачивать.

Как-то раз сестре Монике Джоан пришло письмо из управы района Уондсворт. В послании говорилось, что в бюро находок в Западном Лондоне её ожидает сумка, в которой обнаружили немного денег, молитвенник, очки и вставные зубы. Сестра Джулианна не собиралась рисковать. Таксисту велели отвезти сестру Монику Джоан по указанному в письме адресу и вернуть монахиню обратно.

Они вернулись четыре часа спустя. Таксист сообщил, что когда они прибыли в Западный Лондон, монахиня сказала, что потеряла адрес – она помнила, что им надо обратиться в бюро находок, но не знала, в какое именно. Поэтому она велела водителю провезти её по всем бюро в округе. Всего их было пятнадцать – в Фулхэме, Патни, Челси, Уимблдоне, Кингстоне, Твикенхэме, и так далее до Хэмптон-корта. Сумку так и не нашли – видимо, какое-то бюро они всё-таки пропустили. Однако пожилая леди явно наслаждалась поездкой. Она прекрасно провела время. Водитель рассказал, что монахине так понравилось ехать по Хаммерсмитскому

мосту, что она велела шофёру вернуться обратно и пересечь его ещё раз. Он присматривал за ней и вернул домой в целости и сохранности. Эта поездка обошлась в такую астрономическую сумму, что сестра Джулианна решила ещё раз посоветоваться с матерью-настоятельницей. Будет ли этому конец?

В то утро послушница Рут проснулась первой. Приближалось время её первых обетов, и ей хотелось побыть в часовне в одиночестве до прихода сестёр. Было четыре часа утра, а поскольку утро было летнее, за окном занимался рассвет и солнце потихоньку вставало. Она тихо прошла по коридору, завернула за угол и обнаружила на полу сестру Монику Джоан. Она дышала, но глаза её были открыты и неподвижны, пульс зашкаливал, и она непроизвольно подёргивалась. Она обмочилась и не могла подняться. Рут принесла подушку и завернула монахиню в тёплое одеяло, после чего вызвала врача и разбудила сестру Джулианну. Вдвоём они отнесли потерявшую сознание женщину в спальню и положили её на кровать. Врач прибыл двадцать минут спустя, осмотрел пациентку и подтвердил их предположения – у сестры Моники Джоан случился инсульт. Не приходя в сознание, она скончалась в тот же день, во время вечерней службы. Последние слова последней молитвы дня звучат так: «Господи, даруй нам мирную ночь и счастливый конец дня».

Мирная кончина – это величайший дар, который может дать нам Господь. Смерть может быть ужасна, но благодать преображает её. Сестра Моника Джоан не получила никакого интенсивного медицинского вмешательства, не принимала лекарств, мы не пытались выяснить причину инсульта, продлить её жизнь или задержать смерть. Она умерла спокойно, окружённая заботой любящих сестёр. Это счастливый конец.

Её тело два дня лежало в часовне ордена, и соседи заходили туда проститься с ней. Затем её увезли в дом матери-настоятельницы, где и провели похоронную службу.

Смерть Моники Джоан глубоко повлияла на меня. Я не ожидала этого – я почему-то верила, что она неуязвима. Мне не удавалось смириться с потерей. Я постоянно пыталась разгадать загадку этой необыкновенной женщины. Красота, радость, очарование, которые она воплощала, ушли вместе с ней, и я была вне себя от горя.

Видя, в каком я состоянии, сестра Джулианна как-то подмигнула мне и сказала:

– Утром в часовне я размышляла о сестре Монике Джоан. Нехорошо,

конечно, но когда мы читали об Илие, который вознёсся на небеса в огненной колеснице, я подумала – уж не отправилась ли сестра Моника Джоан туда на такси?

Прощание

Дэвид и Чамми уехали в Сьерра-Леоне. Чамми открыла там первую акушерскую клинику при миссии и возглавила небольшую больницу. Дэвид поступил в полицию и стал старшим офицером. Работа оказалась куда тяжелее, чем они думали, но молодость и энтузиазм придавали им сил. Кроме того, любовь помогала им преодолеть трудности. Они прожили в Африке всю жизнь, и первые несколько лет мы с Чамми переписывались. У них родились дети, но она продолжала работать. Полагаю, она была очень занята, а в таких обстоятельствах сложно бесконечно поддерживать переписку с бывшей коллегой. Ещё несколько лет мы обменивались открытками на Рождество, но постепенно оборвалась и эта связь. Чамми была выдающимся человеком, и знакомство с ней стало большой радостью и честью для меня.

Трикси была единственной из нашей небольшой компании, кто оставил сестринское дело. Она вышла замуж за молодого человека, который уверенно строил карьеру на государственной службе. Он стал дипломатом, и Трикси уехала вместе с ним. Я часто думала, как же она справляется, поскольку тактичность никак не входила в число её достоинств! Сложно было вообразить её в одном из посольств Её Величества. Когда мы общались, Трикси отличалась умом, чувством юмора и быстрой реакцией, но была остра на язык и предельно откровенна. Возможно, она вдохнула новую жизнь в стылую атмосферу дипломатического корпуса. Вместе с мужем она побывала во множестве мировых столиц и превратилась в утончённую леди, но стремительные ехидные комментарии оставались её фирменной фишкой.

Все эти годы я почти не общалась с Трикси. Мы встретились, только когда они вернулись в Эссекс. К этому времени мы обе уже стали бабушками.

Я увидела её внучку, которая выглядела в точности как юная Трикси. В свои десять лет она не лезла за словом в карман. Она уже была настоящим командиром и ловко управляла тремя младшими братьями.

Трикси отвела меня на уличный рынок в Базилдоне, где мы встретили дочерей Меган-Мэйв, которые торговали овощами и фруктами.

– Мы не меняемся, верно? – заметила она потом. – А главное, наши дети и внуки остаются такими же.

Трикси определённо смягчилась с годами.

Синтия почувствовала в себе призвание к служению, стала постулянткой, а потом прошла новициат. Поскольку она уже была квалифицированной медсестрой и акушеркой, то во время послушничества она продолжала работать. Но религиозная жизнь очень тяжела, а новициат требует множество физических и душевных сил. Доброта и чистота Синтии всегда поражали меня, и она повлияла на меня сильнее, чем могла предположить, но, видимо, её разум был не в состоянии выдержать подобного напряжения. В подростковом возрасте она страдала от клинической депрессии, и эта болезнь преследовала её много лет. Она оставила орден и стала медсестрой в больнице, затем вернулась, дала обеты, но потом снова ушла. Почему Господь порой заставляет страдать таких замечательных людей? Я часто задавалась этим вопросом. Сестра Джулианна смотрела на ситуацию под другим углом и говорила, что Господь любит тех, кого подвергает великим испытаниям. Эту тайну мы не в состоянии постичь.

Синтия мучилась много лет, то попадая в психиатрическую больницу, то вновь выходя на свободу.

Ей прописывали гору лекарств и даже электрошоковую терапию. Человек, страдающий от депрессии, живёт во внутреннем аду, и исправить это или помочь ему бывает невозможно. Моё сердце обливалось кровью при мысли о милой Синтии, но я ничего не могла сделать.

В тридцать девять она встретила вдового священника, у которого был сын. Они поженились, и он оказался ещё более несчастным человеком, чем она сама. Однако необходимость заботиться о нём и устраивать его жизнь стала смыслом её существования и исцелила её. Мы не в силах постичь глубины человеческого сознания. Она стала счастливой и успешной супругой викария и продолжала работать в медицинской сфере. Её муж, Роджер, занимался наукой. В шестьдесят пять он вышел на пенсию, и несколько лет они жили, словно хиппующие подростки. С рюкзаками за плечами и бюджетом в три фунта в день они исколесили Грецию, Израиль, Иордан и Турцию, осматривая старинные развалины древних цивилизаций. Они спали в крохотных кафе, в автобусах, на пляжах под звёздами, в полях, оливковых рощах и лимонных садах. Они ничего не планировали и ехали туда, куда вздумается.

На пенсии муж Синтии присоединился к Всемирной миссии англиканской церкви. Это означало, что его могут отправить в церковь в любом уголке мира, временно оставшуюся без священника.

Когда им было около семидесяти, у них дома зазвонил телефон.

– Вас беспокоят из Всемирной миссии. Вы могли бы отправиться в Лиму? Их викария только что застрелили.

– Какой ужас. Да, разумеется. Когда?

– Через две недели.

– Думаю, что это возможно. Мне надо посоветоваться с женой.

В сторону:

– Синтия, мы могли бы отправиться в Лиму через две недели? Их викария застрелили.

– А где это?

– Перу. Южная Америка.

– Да, пожалуй. Двух недель как раз хватит на то, чтобы собраться. На сколько мы поедем?

В трубку:

– Да, мы можем. На сколько?

– На три месяца. Возможно, на полгода. Мы пока что не знаем.

– Хорошо. Пришлите нам всю информацию и билеты.

Синтия – тихая, чувствительная, депрессивная Синтия – в старости вела невероятно романтический и захватывающий образ жизни. Немногие из нас осмелились бы мечтать о подобном, не говоря уже о том, чтобы осуществить эти мечты.

Мою первую книгу, «Вызовите акушерку», называли своего рода духовным путешествием. Так и есть. Я обязана сёстрам большим, чем когда-либо смогу выразить. Возможно, они не подозревают, как много я им должна. Нельзя забывать о том, что «если Бог действительно существует, это влияет на всю нашу жизнь». Мы с сестрой Джулианной часами беседовали на подобные темы, и её взгляды сформировали моё развитие. Мы переписывались, я навещала её всю жизнь и возила своих детей к матери-настоятельнице – мы останавливались в фургоне на территории ордена.

Мы оставались очень близки, и в трудные моменты я неизменно обращалась к её мудрости и молитвам. Она неизменно наставляла меня. В 1991 году у неё обнаружили опухоль мозга, и последние три месяца её жизни я посещала её каждую пятницу. Это был невероятно поучительный опыт, даже несмотря на то, что она угасала на глазах – или, возможно, благодаря этому. У меня оставалось всё меньше времени, чтобы выразить свою любовь и благодарность. В последнюю пятницу она была уже без сознания, и было очевидно, что её жизнь подходит к концу. Сестра

Джулианна умерла через два дня, воскресным июньским утром, в тот час, когда сёстры пели хвалебные псалмы – первую молитву дня, которой они приветствуют рассвет.

Для меня было большой честью получить приглашение на её похороны в доме матери-настоятельницы. Согласно Книге общего богослужения, провели похоронную службу. Похороны монахинь проходят тихо и сдержанно. Сёстры не скорбят – они скорее склонны выражать радость, что жизнь, отданная служению Богу, получила своё завершение. Смерть для них не враг – это друг.

В конце службы, когда зазвучал григорианский хорал, одна из сестёр взяла с алтаря несколько сложенных вещей, которые лежали там во время службы. Мать-настоятельница подошла к ней с раскрытыми ладонями. Сестра положила эти вещи в её руки, и мать-настоятельница повернулась и медленно подошла к гробу. Она поместила их в центр крышки гроба и поклонилась алтарю. Это была сложенная ряса, золотой крестик и чётки, которые сестра Джулианна носила всю свою жизнь, и они отправились с ней в могилу на монашеском кладбище в саду ордена.

Покойтесь с миром и спите спокойно, милая сестра Джулианна.

Сестра Евангелина скончалась несколько лет назад. Согласно её просьбе, её похоронили в Попларе, а не на монашеском кладбище. Она всегда была одной из местных, и ей хотелось, чтобы её запомнили именно так.

Послушница Рут дала вечные обеты и служила около двадцати лет. Но в середине 1970-х она пережила духовный кризис, который на религиозном языке называют «чёрной ночью души». Это ужасный опыт, гораздо тяжелее, чем самый сложный развод. Этот феномен подробно описан в религиозной литературе, и к нему относятся со страхом, хотя в определённом смысле и приветствуют его, поскольку это испытание может привести к духовному перерождению. Сестра Рут мучилась много лет, и наконец покинула орден.

Сестра Бернадетт, выдающаяся акушерка, научившая меня всему, что я умела, также покинула орден, но по другой причине. На протяжении 1960-х и 1970-х она работала акушеркой. В 1980-х, когда в западном мире распространился ВИЧ, она работала с больными СПИДом пациентами, хотя показатели смертности тогда приближались к стопроцентным. На протяжении этого же десятилетия в англиканской церкви шли дебаты о рукоположении женщин, и в 1993 году Генеральный синод провозгласил, что женщины не могут принимать сан. Сестра Бернадетт не могла с этим

смириться. Религиозные убеждения, основанные на знании теологии и истории, говорили ей, что это неверно. Ей было уже за семьдесят, она страдала от артрита, но ей хватило смелости покинуть англиканскую церковь. Это значило, что ей пришлось покинуть сестёр, с которыми она прожила всю жизнь. Её приняли в римский католический орден, где она вела одинокую жизнь, посвятив себя молитвам и самосозерцанию.

Амбиции – это обоюдоострый меч. Одним концом он прорубает застой и приводит нас к новой жизни; не будь амбиций, человечество по-прежнему жило бы в пещерах. Но с другой стороны, амбиции могут быть разрушительны и вызывать у нас ощущение потери и глубокие сожаления. Я была амбициозна и преследовала крупные цели. Мне хотелось стать старшей медсестрой или по меньшей мере наставницей, а для этого следовало взобраться по лестнице сестринской иерархии. Мне не хотелось покидать сестёр, но я понимала, что если останусь с ними, моё развитие остановится. Я любила сестёр и их самоотверженность, любила увлекательную работу, но если бы я продолжила этим заниматься, то стала бы непригодна для службы в больнице, а в те годы с этим было очень строго. В 1949 году я попрощалась с сёстрами и стала медсестрой в больнице на Майл-Энд-роуд, где наслаждалась общением с кокни. Но мне потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к строгой дисциплине больничной жизни. Наконец это решение оправдало себя, и через пару лет я стала младшей сестрой в знаменитой женский больнице Элизабет Гаррет Андерсон на Юстон-роуд (теперь она, увы, закрыта). Впоследствии я стала работать там ночной сестрой – в те времена это значило, что я управляла больницей по ночам. Затем я стала палатной медсестрой в больнице Мари Кюри в Хэмпстеде.

Как и предполагалось, я карабкалась по карьерной лестнице. Но затем я встретила одного мужчину, и мечты о должности старшей медсестры вдруг утратили свою привлекательность. На момент написания этих строк мы счастливо женаты уже сорок пять лет. После рождения детей я стала работать на полставки.

В 1973 году, после двадцати пяти лет работы акушеркой и медсестрой, я полностью оставила медицину. Всю жизнь я мечтала стать музыкантом, и в результате упорной учёбы, при поддержке мужа, я получила диплом Лондонского музыкального колледжа и следующие двадцать пять лет преподавала музыку.

Памяти Синтии

В 2004 году я посвятила эту книгу Синтии, но она так и не прочла её. В июне 2006-го Синтия скончалась. За шесть лет до того у неё обнаружили рак, но он был успешно вылечен, и они с Роджером продолжали путешествовать. В 2004-м у неё диагностировали сердечную недостаточность, от которой она умерла полтора года спустя. В это время Синтия снова начала страдать от депрессии, и у неё снова обнаружили рак.

Она умерла так, как жила – тихо, мирно, без лишней суеты. Она спокойно отпустила жизнь и говорила, что ждёт смерти. Синтия понимала, что скоро её не станет, и была довольна.

– Надеюсь, я принесла пользу, – прошептала она мне за несколько дней до смерти.

После последнего причастия безгрешная Синтия исповедовалась, и её соборовали.

Последние пять дней её жизни рядом с ней были её пасынок, сестра и я, и в последний день, когда казалось, что она уже без сознания, я медленно и чётко сказала ей:

– Я счастлива, что была рядом с тобой.

Веки её дрогнули, и она скорее выдохнула, чем произнесла:

– Я тоже.

По моему опыту, умирающие всегда знают, кто находится рядом с ними, и нуждаются в их любви.

Синтия стала крёстной моей старшей дочери, Сюзанны, которая в последнюю неделю написала ей письмо. Для меня это стало полнейшей неожиданностью, и я прочла его вслух Синтии. Послание было настолько замечательным, что я заливалась слезами, пока читала, а Синтия улыбнулась и прошептала:

– Я тоже это помню.

Тем, кто не знал этих людей, письмо может показаться излишне сентиментальным, но мне кажется важным это воспоминание о моей подруге, поэтому я привожу его полностью.

Милая Синтия,

Я много о Вас думаю, и особенно о том, что мы с Вами пережили, и что Вы значили для меня все эти годы.

Когда я была маленькой, я два раза уронила миску с желе, и на

второй раз она разбилась.

Я расстроилась и заплакала, но Вы не рассердились.

Помню, как было весело, когда Вы отвели нас на колокольню церкви Роджера. Вы разрешили нам позвонить в колокола и сказали, что ничего страшного, если жители деревни перепутают время.

Помню, как мы ночевали в фургоне и всю ночь не спали из-за уханья сов и колокольного звона. Помню, как потом я приезжала к вам с девочками. Вы отвели нас на прогулку по берегу и приготовили пудинг с улыбающимися рожицами на нём.

Недавно Вы послали мне свои украшения и заштопали моего мишку, которого сшили мне на крещение.

Все эти воспоминания я буду хранить вечно – они напоминают мне о Вас, моей крёстной. За эти годы я поняла, что крёстная мать должна быть именно такой. Спасибо Вам. Благослови Вас Господь.

Ваша любящая крёстная дочь,

Сюзанна

Прощание с Ист-Эндом

Сёстры открыли Ноннатус-Хаус в 1870-х, поскольку в нём нуждались женщины, жившие в нищете. В 1960-е, однако, положение начало меняться, и прежние реалии остались в прошлом.

Порты стали закрываться, грузы теперь перевозили по воздуху, а не по морю, и портовые рабочие оказались не у дел. В то же время наконец-то началась реконструкция уничтоженных войной зданий, и людей стали переселять из Лондона в новые города. Для многих это обернулось катастрофой, особенно для стариков, которые всю свою жизнь провели на этих улицах рядом с детьми и внуками. Программа реновации разбросала по стране многие семьи и уничтожила цельность Ист-Энда, которая существовала несколько поколений. В пригороде люди стали жить богаче и начали стыдиться своего диалекта кокни с его неправильной грамматикой, своеобразным порядком слов, двойными и тройными отрицаниями и рифмованным сленгом. К сожалению, это наречие практически исчезло.

В 1960-е годы некоторые районы были снесены, а вместе с ними Канада-билдингс. Старый Поплар лишился своего сердца.

Когда расселяли эти дома, я бродила вокруг. Там, где раньше девочки играли в классики и прыгали через скакалку, где мальчики играли в футбол или шарики, где женщины в бигуди и платках сплетничали, а мужчины обсуждали, на кого ставить, где некогда бурлила жизнь, – теперь высился призрачный город. Гулкие звуки отражались от стен зданий, крышки мусорных баков валялись на тротуарах, а сломанные двери висели на одной петле. На площади, где некогда сновали торговцы, рядами стояли муниципальные контейнеры для отходов. На месте верёвок, на которых сушилось чистое бельё, остались лишь грязные обрывки. Там, где раньше стоял угольщик со своей лошадью, висел знак: «НЕТ ВХОДА». Лестницы, по которым женщины таскали всё, что угодно, включая коляски, были помечены табличками: «ОПАСНО». Тёмные углы, откуда раньше доносилось хихиканье и звуки поцелуев, теперь были покрыты грязью и завалены мусором, который принесло ветром со двора. Окна, где трепетали тюлевые занавески, были заколочены. Неизменно распахнутые двери были забиты. Никакого движения, никакой жизни, ни одного человека. Я покинула этот район и больше туда не возвращалась.

Всё позади

Исход кокни повлиял на акушерскую практику, в особенности когда этот район вошёл в моду. Новички не знали и не хотели ничего знать о монахинях. Национальная служба здравоохранения и обычай рожать детей в больницах повлияли на их практику. Изобретение противозачаточных в 1963 году и вовсе положило ей конец. Женщины впервые в истории получили контроль над беременностью, и рождаемость резко снизилась. В 1950-е годы сёстры принимали по сто родов в месяц. В 1964-м их количество упало до четырёх-пяти.

Сёстры, которые столько сделали для беднейших жителей, стали не нужны.

Они пришли в Поплар в 1879 году, когда там практически не было врачебной или сестринской помощи, и их самоотверженность спасла жизни тысяч женщин. Их знали и любили все местные жители, но в дивном новом мире современных технологий монахини вдруг оказались не у дел. История этих храбрых женщин оказалась позабыта.

Можно сказать, что это печальный конец. Но целью сестёр было прежде всего служение Господу, и они смотрели на ситуацию по-другому. Сто лет назад они были призваны лечить больных и принимать роды у тех, кто не мог позволить себе услуги врача. Они занимались этим почти целый век. Если бедняки более не нуждались в них, значит, они выполнили свою миссию и были рады этому. «Совершилось», – сказал Христос на кресте. Работа всей жизни завершена, и это повод для радости.

Сёстры свернули акушерскую практику и занялись другими вещами – они помогали наркоманам, бездомным, глухим, способствовали интеграции азиатских женщин в британское общество, а в 1980-х начали работать с больными СПИДом. Они занимаются этим и по сей день, в новом тысячелетии.

В 1978 году Ноннатус-Хаус был закрыт после девяносто девяти лет служения жителям Поплара. Сёстры переехали в дом матери-настоятельницы, чтобы ожидать нового призыва Господа – они ещё не знали, что им предстоит. Они ушли тихо, не поднимая шума. Возможно, лишь местные священники и несколько стариков заметили их исчезновение.

И на этом моя история заканчивается.

Библиография

Источники к главе «Пропавшие дети»

Booth, Charles, 'Life and Labour of the People in London', vol. I–IX, *The Journals of the Royal Statistical Society,* 1987.

Booth, General William, *In Darkest England and The Way Aut,* 1890.

Fishman, Professor W. J., *East End: 1988,* Duckworth, 1988.

Fishman, Professor W. J., *The Streets of East London,* Duckworth & Co., 1979.

Jordan, Jane, *Josephine Butler,* John Murray, 2000.

Keating, P., ed., *Into Unknown England 1866-1913,* Fontana, 1976.

Mearns, Andrew and Preston, William, *The Bitter Cry of Outcast London,* 1883.

William, A. E., Barnardo of Stepney, Allen and Unwin, 1943.

Источники к главе «Нэнси»

Jordan, Jane, *Josephine Butler,* John Murray, 2000.

Moberly Bell, E., Josephine Butler, Constable & Co., 1962.

Petrie, Glen, *A Singular Iniquity (Campaigns of Josephine Butler),* Macmillan, 1971.

Stafford, Ann, *The Age of Consent,* Hodder and Stoughton, 1964.

Williamson, Joseph, *The Forgotten Saint,*

The Wellclose Trust, 1977.

Сноски

1

«Молодость – прекрасная штука. Какое преступление тратить её на детей» – это высказывание приписывают Джорджу Бернарду Шоу. Цитата в заголовке – из третьей сцены второго акта комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь». – Здесь и далее: *примеч. авт.*, если не указано иное.

2

Акушерки Святого Раймонда Ноннатуса – это псевдоним. Я назвала их так в честь святого Раймонда Нонната, покровителя акушерок, акушеров, беременных, рожениц и новорождённых. Он появился на свет в Каталонии в 1204 году посредством кесарева сечения (*non natus* на латыни значит «не рождённый»). Его мать, что неудивительно, умерла при родах. Он стал священником и скончался в 1240 году.

3

Примерно три километра. – *Примеч. ред.*

4

Примерно четыре с половиной метра. – *Примеч. пер.*

5

Братья-близнецы, контролировавшие большую часть организованной

преступной деятельности в Ист-Энде в 1950-х и 1960-х годах. – *Примеч. ред.*

6

Примерно пятьдесят сантиметров. – *Примеч. ред.*

7

Примерно два килограмма. – *Примеч. ред.*

8

Уильям Бут – британский проповедник, основатель Армии спасения и её первый генерал. – *Примеч. ред.*

9

Генри Мэйхью – британский исследователь, журналист и драматург. – *Примеч. ред.*

10

In Darkest England and The Way Out (*англ.*). – *Примеч. ред.*

11

Джозефин Батлер (1828–1907) – британская активистка и феминистка. – *Примеч. ред.*

12

Меньше километра. – *Примеч. ред.*

13

Сестра Евангелина имеет здесь в виду развлекательную телепрограмму «Шоу чёрно-белых менестрелей», которую показывали по британскому телевидению в 1958–1978 годах. Менестрелями (minstrel) в США с середины XIX века называли белых актёров, которые красили лица в чёрный цвет(отсюда и сравнение) и изображали негров, выставляя их в глупом и смешном свете. – *Примеч. пер.*

14

Перевод Сергея Маршака. – *Примеч. пер.*

15

Примерно двенадцать-пятнадцать сантиметров. – *Примеч. ред.*

16

Около четырёх сантиметров. – *Примеч. ред.*

17

Примерно на пять-восемь сантиметров. – *Примеч. ред.*

18

Примерно полкилограмма. – *Примеч. ред.*

19

Примерно примерно метр шестьдесят и сорок пять килограммов. – *Примеч. пер.*

20

Примерно пять километров. – *Примеч. пер.*

21

Ещё со времён Средневековья в Великобритании было принято поить больных горячим напитком, представлявшим собой тёплое вино или эль с добавлением яиц, сахара, пряностей и хлебных крошек. – *Примеч. пер.*

22

Около двух килограммов. – *Примеч. ред.*

23

Больше полулитра. – *Примеч. ред.*

24

Тридцать пять градусов по Цельсию. – *Примеч. пер.*

25

Примерно два квадратных метра. – *Примеч. ред.*

26

Десятисантиметровая (4 дюйма = 10,16 см). – *Примеч. ред.*

27

Британская преступница, последняя женщина в истории Великобритании, подвергнутая смертной казни. – *Примеч. ред.*

28

Перевод Леонида Андрусона. – *Примеч. пер.*

29

Отсылка к балладе Китса La Belle Dame sans Merci. – *Примеч. пер.*

30

Данная глава не является медицинским анализом туберкулёза. Я не врач и не проходила подготовки для работы с туберкулёзными больными. Моя цель – дать читателям историческую справку к очерку о семье Мастертон. Основным источником информации мне послужила книга «Белая чума» Рене и Жана Дюбуа, опубликованная в 1953 году издательством Victor Gollancz Ltd.

31

Перевод Евгения Витковского. – *Примеч. пер.*

32

Английская поэтесса Викторианской эпохи. – *Примеч. ред.*

33

Английский поэт и драматург. – *Примеч. ред.*

34

Здесь и далее перевод Леонида Андрусона. – *Примеч. пер.*

35

Приблизительно четыреста метров. – *Примеч. пер.*

36

В Европе ещё со времён Средневековья над дверями ломбардов и лавок ростовщиков было принято вешать три медных шара, чтобы даже неграмотные жители могли найти дорогу. По одной из версий, эти шары должны были изображать золотые монеты, по другой – они символизировали три мешка с золотом, которые святой Николай раздал дочерям бедняка, чтобы они могли выйти замуж. – *Примеч. пер.*

37

Речь идёт о сберегательных вкладах, которые открывались в годы войны, – эти средства отправлялись на военные нужды, а по окончании войны держателям вкладов обязались вернуть деньги с процентами. – *Примеч. пер.*

38

Автор благодарит Общество Мэри Стоупс за вычитку этого эссе.

39

Перевод Надежды Войтинской. – *Примеч. пер.*

40

Примерно два килограмма. – *Примеч. ред.*

41

Несколько сотен метров. – *Примеч. пер.*

42

То есть выше ста восьмидесяти сантиметров. – *Примеч. пер.*

43

Более двенадцати метров. – *Примеч. пер.*

44

Хорошо. Добро пожаловать. Спасибо (*швед.*). – *Примеч. пер.*

45

Больше полуметра. – *Примеч. пер.*

46

Примерно на пятнадцать сантиметров. – *Примеч. ред.*

47

Мацерация плода – естественное разложение умершего плода внутри матки. – *Примеч. ред.*

48

Примерно двести двадцать килограммов. – *Примеч. пер.*

49

Пятнадцать стоунов – примерно девяносто пять килограммов. – *Примеч. пер.*

50

Примерно на пять-восемь сантиметров. – *Примеч. ред.*

51

Примерно на пятнадцать сантиметров. – *Примеч. пер.*

52

Французский фразеологизм, пер. знач. – «честь обязывает». – *Примеч. ред.*

53

«Истинного джентльмена» *(искаж. инд.)*. – *Примеч. пер.*

54

Примерно двадцать четыре километра. – *Примеч. ред.*